Хроники. От хулигана до мечтателя

Дима Николаевич Билан

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

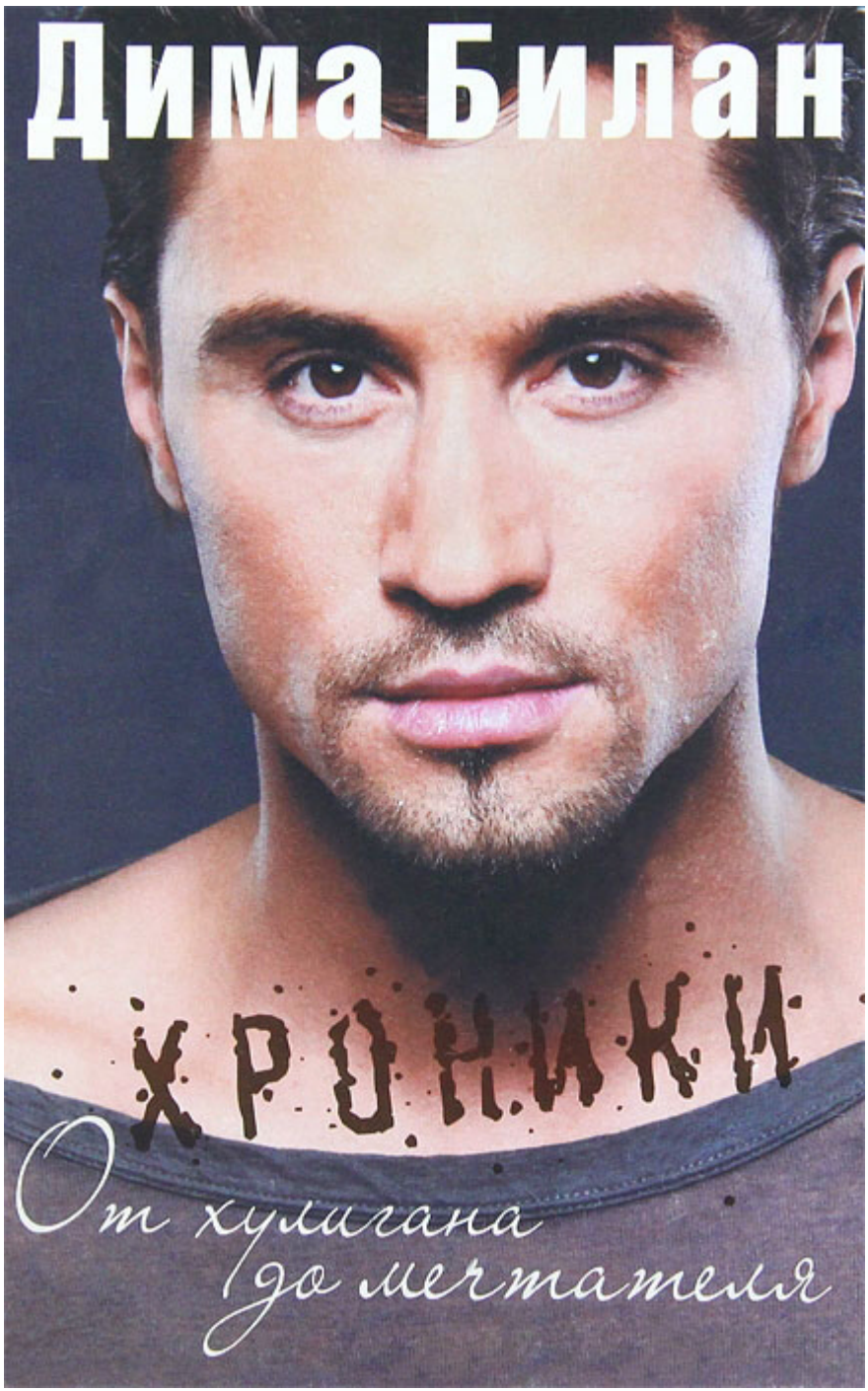
Эта книга создавалась долго. Урывками. В самолетах и поездах. В гримерках и в студиях. Даже за кулисами во время концертов. Каждый раз, начиная новую главу, я думал о тех, для кого пишу. О тех, для кого история моей жизни, пусть неидеальная, но рассказанная искренне и от всего сердца, будет интересна, и возможно, в чем-то полезна. О своих близких, друзьях и поклонниках. Наконец-то я ставлю точку и говорю всем своим слушателям (а теперь уже и читателям!): «Это для вас! Спасибо за то, что вы есть! Ваш Дима Билан».

- Дима Билан
  -
  - ПРОЛОГ
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28

- Глава 29
- ВМЕСТО ЭПИЛОГА
- МИНИ-АНКЕТА
- ...
- ФОТО

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

Дима Билан
Хроники. От хулигана до мечтателя

Дима Билан
ХРОНИКИ
От хулигана до мечтателя

ПРОЛОГ

На этой закрытой вечеринке не было и сотни человек. Был май седьмого года; Азиму, сыну султана Брунея, исполнилось двадцать пять. В старинный замок в Англии меня пригласил сам виновник торжества — в этот день ему хотелось услышать мой голос.

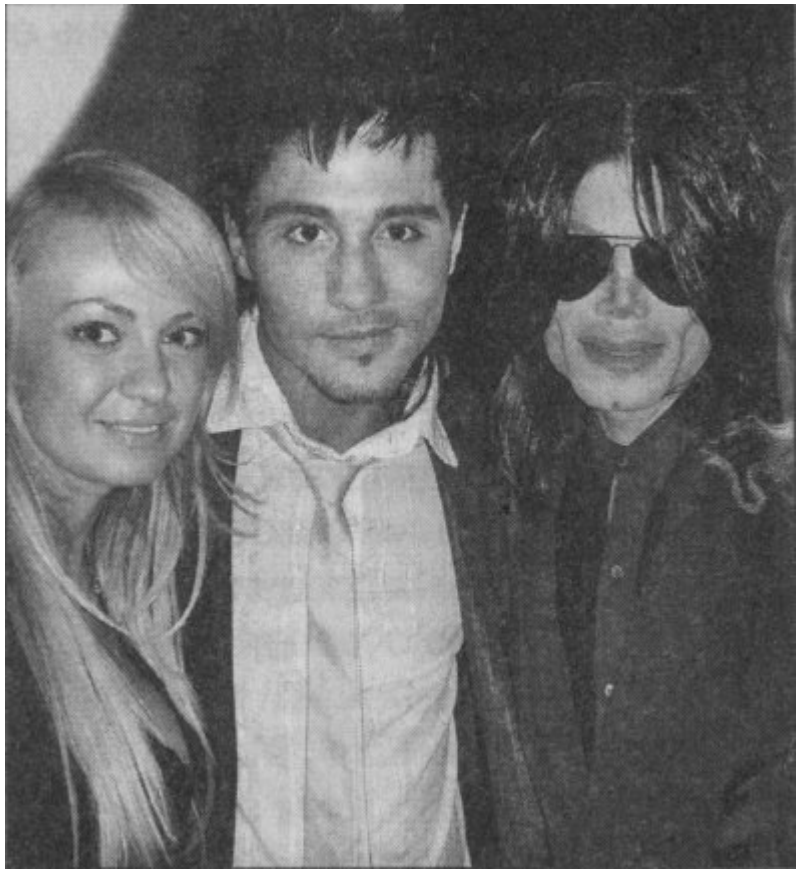
В качестве почетного гостя вечеринку посетил Майкл Джексон. Я не решался знакомится с ним до выступления — его поведение мало к тому располагало. Майкл держался в сторонке, как ребенок, который в присутствии увлеченных беседой взрослых играет в свои игры и занят куда более важными делами, чем их пустая болтовня. Все, что вырывало его из этой отстраненности, подвергалось его доброжелательному и не лишенному искреннего любопытства осмотру...

Я поднялся на сцену и поздравил Азима. Краем глаза я видел Джексона, а он в свою очередь наблюдал за происходящим с прежним выражением лица. Но когда появилась музыка и я запел «Number One Fan», Майкл сел на корточки и стал слушать с заметно возросшим вниманием. Он был совсем близко и неотрывно смотрел на сцену, пока я не закончил песню — так мне потом сказали. Сам я не мог постоянно следить за реакцией этого невероятного зрителя — следовало сосредоточиться на исполнении. Но я чувствовал его взгляд.

Нас познакомили, когда я спустился со сцены. Джексон подошел ко мне вплотную и провел ладонью по моей щеке.

— So nice[1], — сказал он.

Знаю, что этот жест в последствии был объявлен чем угодно — только не тем, чем он был на самом деле. От Майкла исходило дружелюбное любопытство некоего нечеловеческого порядка. И он просто выразил свое отношение к происходящему в целом. Ко мне, к тому, как я пел, к сложившейся ситуации — его нисколько не раздражало новое знакомство, и он вполне мог перекинуться со мной парой слов, чтобы разбавить свое вселенское одиночество. Он даже согласился сфотографироваться с новым человеком. До его одобрительного жеста я бы вряд ли решился об этом попросить...

Я ДОЛГО НЕ РЕШАЛСЯ СФОТОГРАФИРОВАТЬСЯ С КУМИРОМ

Так я познакомился с человеком, который одновременно жил на земле — и в истории цивилизации...

Почему я начинаю книгу именно этим эпизодом? В память о нем. Вряд ли это требует дополнительных объяснений. Но когда вы перевернете последнюю страницу, перечитайте эту небольшую историю. Она здесь неспроста.

Глава 1
ПРИВЕТ, МИР!

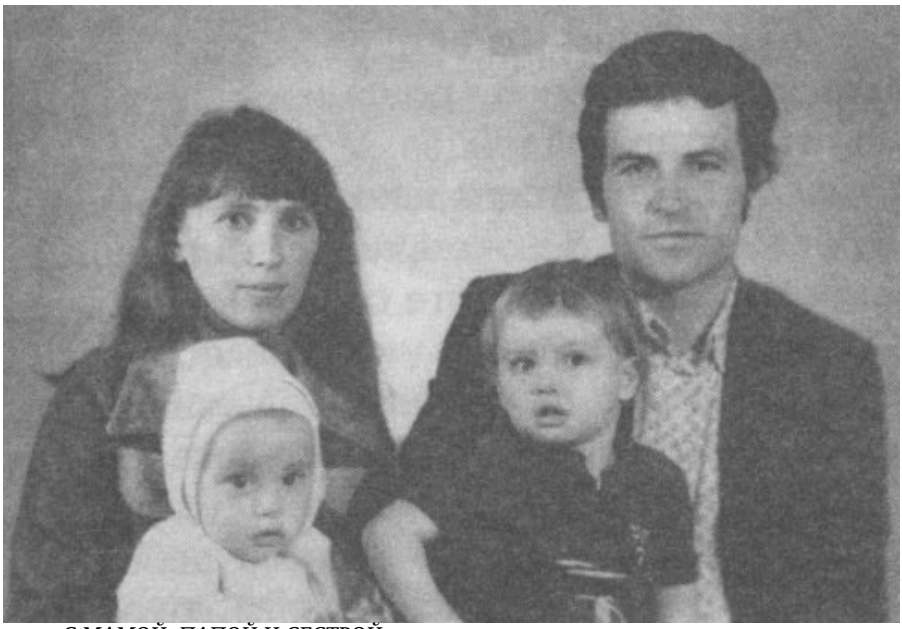
Рождение и «подмена» младенцев • Мое первое слово шокирует родителей • Бунтарство и артистизм в детском саду • Самовыражение • Музыка, мясо, Майкл Джексон • Наш ночной побег

Взрослые часто не помнят начало своей жизни, но я —

исключение. Отчетливо вижу перед собой момент, когда я прибыл в этот мир и издал первый звук — торжественный и опасливый одновременно.

...Глаза больно резанул яркий свет — это было непонятно и пугающее. Громкие звуки, резкие запахи, грубые предметы... Я оказался один снаружи, мне было неудобно, мокро и холодно. Я враз оробел и заплакал. Громко и от души — как плачут все нормальные новорожденные.

С МАМОЙ, ПАПОЙ И СЕСТРОЙ

Врач положил меня на подоконник, долго ощупывал и обмеривал. А потом я почувствовал, что мама рядом. Размытые контуры еще не складывались в человеческую фигуру, и главным в маме было ее нежное тепло. Оно успокаивало и защищало. Мир был огромным и ужасным, но лежа на мамином животе, я не боялся.

...Первое связанное со мной необычное обстоятельство было в том, *каким* я появился на свет. Мои родители — русские, а вот их новорожденный сын выглядел как чистокровный кавказец. Я был забавным черненьким карапузом со сросшимися бровями и темным курчавым пухом на голове. А мамина соседка по палате в тот же день родила светловолосого мальчишку. Вместе с ним мы лежали в комнате для новорожденных. Я взревел, демонстрируя природные достоинства своих голосовых связок. Мой терпеливый белокурый товарищ напоминал о себе гораздо реже и тише. Во

время очередного кормления наши мамы сравнили своих младенцев и усомнились в том, что они наши мамы. Вернее, каждая усомнилась по отдельности, а вместе они впали в панику. Вы поняли, да? В тот день единственной русской роженицей в роддоме Усть-Джегуды была моя мать, а единственным русским (на вид) ребенком был этот белобрысый молчун. Утомленные родами женщины решили, что персонал перепутал младенцев. Мамина соседка по палате причитала и пыталась совершить «обратный» обмен: она была уверена, что ее сын — чернявый горлопан, а не этот светлый тихоня. Мол, заберите своего мальчика, а моего темноглазенького отдайте.

В общем, интрига, достойная мыльной оперы. Только без зловещих близнецов и наследственных родинок в форме сомбреро. И тайна моего рождения никогда не даст мне покоя... Стоп, это я шучу, не надо рвать на себе волосы. Акушеры развеяли сомнения обеих мам в тот же день, клятвенно уверив их, что никакой ошибки нет, никто ничего не перепутал, и это совершенно точно.

Потом со мной случилась настоящая беда: я заболел. Простуду принес один из морозных зимних сквозняков. Когда тебе всего несколько дней от роду, это очень серьезно. Мама пережила несколько жутких недель — она просиживала ночи напролет над моей кроваткой, баюкая и нянча. И она меня выходила. Увы, после этого случая я рос довольно болезненным.

Молодые родители страшно переживают за своих детей. Со стороны они даже могут показаться смешными, но ничего смешного в этом нет. Мои не были исключением. Они нарекли меня Виктором — от латинского «победитель». Такое защитное имя; дома меня и сейчас называют Витей. Выходит, свой первый победный посыл я получил от мамы и папы. Как и должно быть.

Намного позже я выбрал себе псевдоним — в честь любимого дедушки. Дед Дима был кумиром моего детства, Героем с большой буквы — фронтовиком, учителем и просто честным, добрым и мужественным человеком. Правительственные награды, райком партии... В день его смерти бушевал ураган — будто сама природа оплакивала его вместе с нами.

***

Детство — яркие картинки в моей памяти. Некоторые из них я вижу изнутри, глазами маленького мальчика. Другие — взглядом со стороны.

...Ледяная горка; я лежу внизу с расквашенным носом, ничего

не понимаю. Как реагировать еще не решил. Ко мне бегут охающие взрослые. А, понятно, надо плакать...

...Я и сестра Лена. Мне около года, сестра в два раза старше. Она запихивает мне в рот мясистую вишню. Удивленно жую, сглатываю сок. В комнату заходит мама и бросается наперехват. Успевает, я не подавился и до сих пор жив...

Мне исполнился год; вся семья переехала в Набережные Челны. Причина? Папа получил престижную должность инженера-конструктора на заводе КамАЗ.

Лет до двух я не разговаривал. Вообще. Плакать — пожалуйста, но лопотать абракадабру, как мои сверстники — нет, и не просите. Зато потом у меня был стильный дебют: я выругался матом. Родители обалдели, если этим словом можно выразить всю гамму охвативших их чувств. Мама первой отошла от шока и строго спросила:

С СЕСТРОЙ ЛЕНОЙ. МНЕ 3 ГОДА

— Мама разве говорит такое? А папа разве говорит? И ты не говори.

Больше они никогда ничего подобного от меня не слышали.

Вскоре меня отправили в детский сад, и я его возненавидел. Как и многие, наверное. Правда, я часто болел, поэтому посещал детсад от случая к случаю. Это не спасало. Причина ненависти была в самом принципе работы заведения. Моя вольнолюбивая натура протестовала против детсадовского распорядка, как

декабристы против царизма. Я отстаивал личную свободу: долой расписание игр, обед и сон по часам! Свободу узникам режима!.. И так — каждый раз, когда меня приводили в эту обитель ужаса. Я вел себя вызывающе, бросался котлетами в обидчиков, а на прогулках носился по двору с хулиганским уханьем и падал со всего, на что можно залезть — с качелей, горок, турников...

Несмотря на мои «милые шалости» (а может и благодаря им), я был детсадовским любимцем. Без ложной скромности скажу, что некоторые сценические таланты у меня проявлялись уже тогда. К тому времени я стал говорливым и открытым. Я придумывал стишки, в лицах изображал выдуманные сценки, танцевал... Главное, у меня всегда было, чем развлечь публику.

То, что моя жизнь будет связана с музыкой, родители поняли после одного курьезного случая. Я дожидался маму у дверей супермаркета в центре города. Мимо проходили люди, проходили и проходили, а мамы все не было. Мне стало скучно, и все произошло само собой.

Когда мама вышла, то поначалу не смогла меня найти. Недалеко от магазина собралась шумная толпа. Там играла музыка, люди хлопали, притопывали и возгласами подбадривали кого-то на свободном пятачке в центре сборища. Мама подошла поближе и... Вы-то поняли, кого она увидела, но представьте себя на месте моей матери! Маленький сын танцует в кольце незнакомых людей, и им это нравится!..

В детской саду я закономерно стал ведущим всех утренников и праздников. Услышав от воспитательницы, что со мной нужно разучить очередной номер, мама восклицала:

— Ну почему всегда он?!

На что получала неизменный ответ:

— Нам так понравилось, как он выступал в прошлый раз...

А уж как мне нравилось! Да, любое выступление было неописуемым удовольствием.

Еще одно отрывочное воспоминание: иду по нарисованной на полу линии и распеваю:

По ни-то-чке, по ниточке
ходить я не жела-аю!
От-ныне я, отныне я...

Самовыражение — великая вещь. За мои смелы проделки со сценическим уклоном меня чаще хвалили, чем ругали. А вот выходки в области сурового быта не поощрялись. Тем не менее, если воспитатели что-то мне втолковывали, я старался сделать наоборот. Однако, взрослые время от времени бывают правы. И

поскольку я не верил им на слово, приходилось убеждаться в этом, скажем так, на собственной шкуре.

Например, однажды зимой, перед очередной прогулкой, воспитательница предупредила детей, чтобы они не облизывали ничего железного. И вообще ничего не облизывали — стоял трескучий мороз, и даже пар от дыхания инеем оседал на пушистом воротнике шубейки.

Ей-богу, лучше бы она молчала. Потому что я задумался. И когда мама забрала меня из садика, и мы подошли к дому, настало время действовать. Я выбрал момент, вырвался и побежал. Моей целью был железный столб, на который летом накидывали бельевые веревки. Я обхватил его руками и с удовольствием лизнул заиндевевшую поверхность. На этом удовольствие закончилось. Язык прилип. После пары рывков стало ясно, что дергаться бесполезно. Ох я и заорал!.. Мама уже была рядом — она вскрикнула и побежала домой. Вернулась с чайником и стала поливать столб (а заодно и ревущего сына) теплой водой. Язык отклеился — он до сих пор служит мне верой и правдой. А если бы не мамина сообразительность и ее мгновенно принятое решение оставить причитания на потом, быть бы мне печальным бессловесным мимом...

Каждый год папа возводил во дворе высокую снежную горку для детворы. Он заливал снег водой, и мы катались с ледяного склона. Я нередко возвращался с улицы в синяках, а то и с разбитым носом...

Приезд маминой мамы, папиной тещи и нашей бабушки (в одном лице) всегда был праздником. По крайней мере, для нас. Бабушка жила под Казанью, до Набережных Челнов ей было пять-шесть часов на поезде. Подвижная и веселая, со звонким голосом — лет тридцать она работала в хоре, ну не женщина, а песня! Мы с сестрой катали ее на санках, как олени Снежную королеву. Сани обязательно переворачивались вместе с королевой, и мы все трое хохотали до слез. Потом забег повторялся. Иногда мы с бабушкой отправлялись на огромный каток рядом с ДК КамАЗ — и часами рассекали лед, визжа и падая.

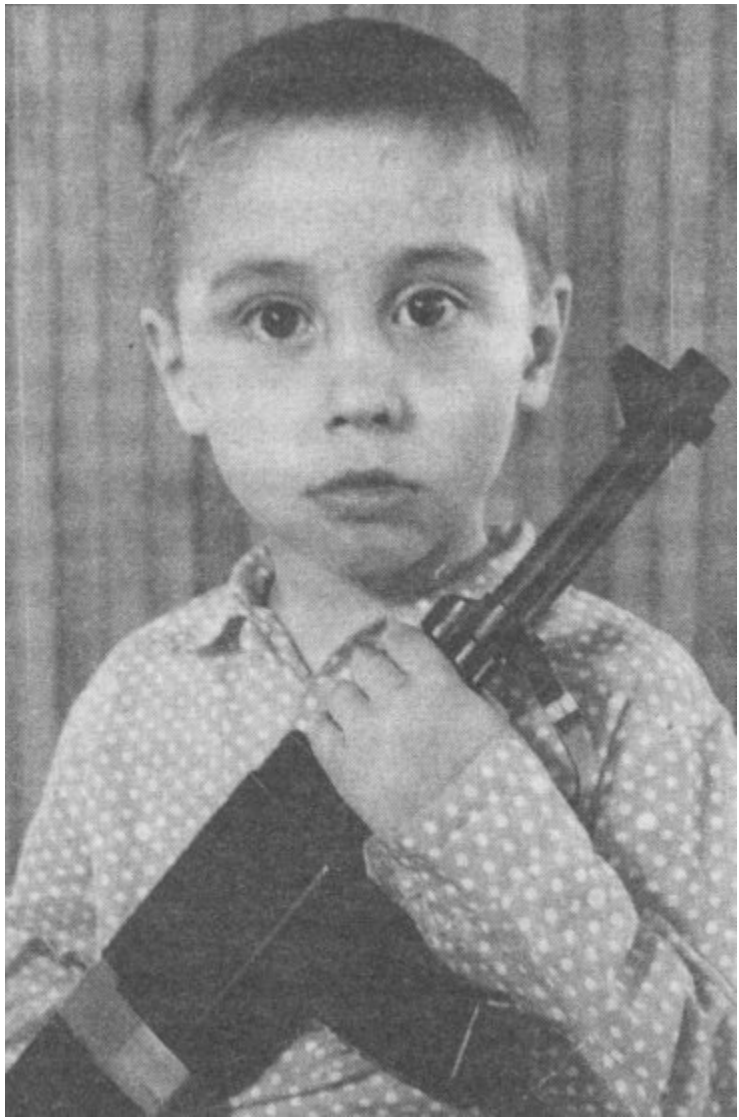
Для ребенка зима в Набережных Челнах была красивой сказкой. А как ее провожали! Фирменным праздником города была Масленица — с раздольными гуляньями, с сотней видов блинов и финальным сжиганием чучела. Не знаю, как сейчас, а тогда все самое живописное происходило на трех центральных площадках — Азатлык, парк аттракционов на ГЭСе и Новый город. Детвора с восторгом каталась на каруселях и американских горках, и визг стоял на всю округу. Мы никогда не пропускали Масленицу. Так и шли всем семейством: родители,

Лена и я.

***

О, Лена, это взрывной коктейль из любви и ненависти! Моя сестренка терпеть не могла своего братца-погодка. И одновременно она меня обожала — так умеют только дети. Лена была намного выше и крупнее меня, да к тому же оттачивала свои бойцовские качества на дворовых мальчишках. А уж мне доставалось от нее несравненно чаще. Зато она была незаменимым союзникам в серьезных делах, которые взрослые почему-то называли шалостями.

Помнится, мы с Леной обожали ломать стулья, разрисовывать и срывать обои. Как-то раз я изобразил на стене нашей комнаты огромное пахнущее гуашью солнце — оно прекрасно гармонировало с голубым фоном. Родители не восхищались, но терпели. Когда мы окончательно дорвали обои в детской, эти куски плотной бумаги с виниловым покрытием пошли на игрушечные столы и стулья. Кроме самодельной мебели, у стен комнаты стояли две раздвижные софы на вырост. Мы засыпали на них, рассказывая друг другу разные истории...

Я С ИГРУШЕЧНЫМ АВТОМАТОМ

Малышами мы частенько бывали в гостях у наших родственников по фамилии Суховы. Там я постигал азы музыкальной культуры. У Суховых была громадная фонотека — бобины и пластинки Высоцкого, «Битлз», Фредди Меркьюри, Уитни Хьюстон и многих других. Коллекция по большей части состояла из записей «массовых» групп и артистов. Такая музыка нравилась не всем — и это делало ее еще более притягательным лично для меня. Я надевал наушники, усаживался на ковер и забывал обо всем на свете. Начиналось волшебство.

Чуть не забыл: сперва требовалось как следует заправиться — иначе не тот эффект. Едва переступив порог, я бежал на кухню с

криком: «Кушать, кушать! Мяц, мяц!». Еда и мясо были синонимами. Маме становилось неловко.

— Витя, ты только что поел! — говорила она мне так, чтобы все слышали. — Что ж ты меня перед тетей позоришь, будто тебя дома голодом морили!

И действительно, не морили. Просто... Признаюсь: я страшно жаден до еды. Иногда это граничит с наглостью. К тому же пища была частью музыкального ритуала. Какое волшебство без мяса?! Дайте хоть кусочек! Жареного, пареного — все равно... Тетя наливала мне супа или отваривала пельменей, а я выедал мясную начинку, искренне полагая, что остальное там для красоты.

А потом... В проигрывателе Суховых жил такой человек — Майкл Джексон. Мне безумно нравился его голос, этот шикарный фальцет. Я подпевал, я копировал, я балдел от того, как это стильно. Прошли годы, и я встретился с обладателем шикарного фальцета вживую. Теперь я, наверное, должен написать что-то вроде: «но в детстве я и не подозревал, что такое возможно». Или: «но тогда нас еще разделяла пропасть»... Нет, ребята, обойдемся без «но». Любой ребенок со своими кумирами на короткой ноге. Подумайте. Вы наверняка помните, каково это.

Однажды вечером, когда дома стало скучно, мне пришло в голову, что неплохо бы теперь послушать музыку у Суховых, хотя и у нас был магнитофон. Я подошел к отцу и попросил отпустить нас с Леной в гости. Папа пробурчал что-то утвердительное, не отрываясь от газеты. Он и не думал, что пятилетний мальчишка и шестилетняя девчонка в самом деле куда-то пойдут.

А мы пошли. Где живут Суховы, я представлял себе довольно приблизительно. Нужно было пройти квартала два потом еще три остановки проехать на трамвае... Мы с Леной шагали по аллеям, держались за руки и все время оглядывались. Гулять по вечерним Набережным Челнам тогда было опасно даже взрослым. Бандитские разборки, драки «район на район»... да мало ли что.

Пешком, в полном мандраже, мы почти добрались до тетиного дома. В очередной раз обернувшись, я заметил несущегося за нами отца. Видок у родителя был будто он уже полчаса догоняет набирающий скорость поезд. Впечатляющий, точно.

— Побежали!!! — заорал я.

Мы тикали с визгом и хохотом, перегоняя друг друга.

Так выходило наружу напряжение нашего с сестрой ночного путешествия. Мы свернули в какой-то подъезд и ввалились в лифт. Я успел ударить по кнопке, двери начали съезжаться. Но появился папа и остановил их...

Словом, вечер удался. Правда, потом была совсем другая

музыка...

Вспоминаю эти бытовые сценки и чувствую нежность к родным и близким людям. Ни меня, ни Лену не баловали — скорее напротив, держали в строгости. Но нас любили — и это главное.

Например, папа. Что бы вы ни подумали о нем после истории с «побегом», он всегда был нашим заступником и покровителем. Показательный случай: однажды во дворе меня ударили в живот. Ударили сильно — это сделал мальчишка лет на пять старше. Я вернулся домой в слезах, а папа выскочил во двор и накрутил обидчику уши. Это было лучшее, что мог сделать отец — я до сих пор помню испытанное тогда чувство законной гордости за своего покровителя. Как сказали бы сегодня, у меня была очень хорошая «крыша».

Глава 2
МАЙСКИЙ

Наш дом в цветах • Я пробиваюсь в школу на год раньше • Первое прослушивание: «Во поле береза... • Черный ужас математики • Овация в столовой • Учительница вокала отбивает меня у родителей • Ученик по классу аккордеона • Матерый конкурсант-одиночка • Мода, кроссовки и хип-хоп в актовом зале • Двухсерийные драки • Я учу цыган брейк-дансу

Когда мне исполнилось шесть, наша семья переехала в город Майский, что в Кабардино-Балкарии. Там жила бабушка со стороны отца. Городок небольшой — особенно по сравнению с Набережными Челнами, — но и не деревня. Кстати, традиционных деревень с избами и огородами в Кабардино-Балкарии нет вовсе. Там дома либо из камня, либо из кирпича, ровно оштукатуренные, окруженные цветущими садами.

Мы же очутились в тихом промышленном поселении, почти круглый год заполненном зеленью. Вокруг были удивительно радушные люди, ведущие размеренную жизнь в лучших

кавказских традициях.

Папа наконец осуществил свою мечту «стать ближе к земле». Семь соток, огород... Главное, он собственноручно построил на нашем участке большой пятикомнатный дом. Я гордо таскал кирпичи и даже возвел несколько метров кирпичной кладки. Мама разбила перед домом изумительный палисадник. Там был куст роз, ветвистый и колючий, пионы и прочие цветы. Этот цветущий садик можно было описать только словами «ни хрена себе!» — в смысле очень красиво. На первых порах нам очень помогал папин брат — дядя Витя.

...В настоящий момент наш дом в Майском давно продан. Конечно, мне не хотелось отдавать участок, на котором я вырос. Но я это сделал, как же иначе? Родители перебрались в Москву, а дом пустовал и разрушался.

Однажды я приехал в Майский и зашел проведать родные пенаты. В двух шагах от нашего старого жилища неизвестный мне мальчишка закатывал слезную истерику своей матери.

— Я тоже хочу! — кричал он.

Ничего особенного, просто этот случай живо напомнил мне о моей первой *взрослой* победе над миром. А дело было так.

Сестре Лене исполнилось семь, и ее все лето собирали в школу. Пахнущие свежей бумагой тетрадки, новенькие ручки, карандаши, линейки... Ей досталась вся положенная первокласснику экипировка. А я выпадал из гущи событий на долгое-долгое время — на год. Я собрался с духом и устроил родителям локальный апокалипсис.

— *Я ТОЖЕ ПОЙДУ В ШКОЛУ!!!*

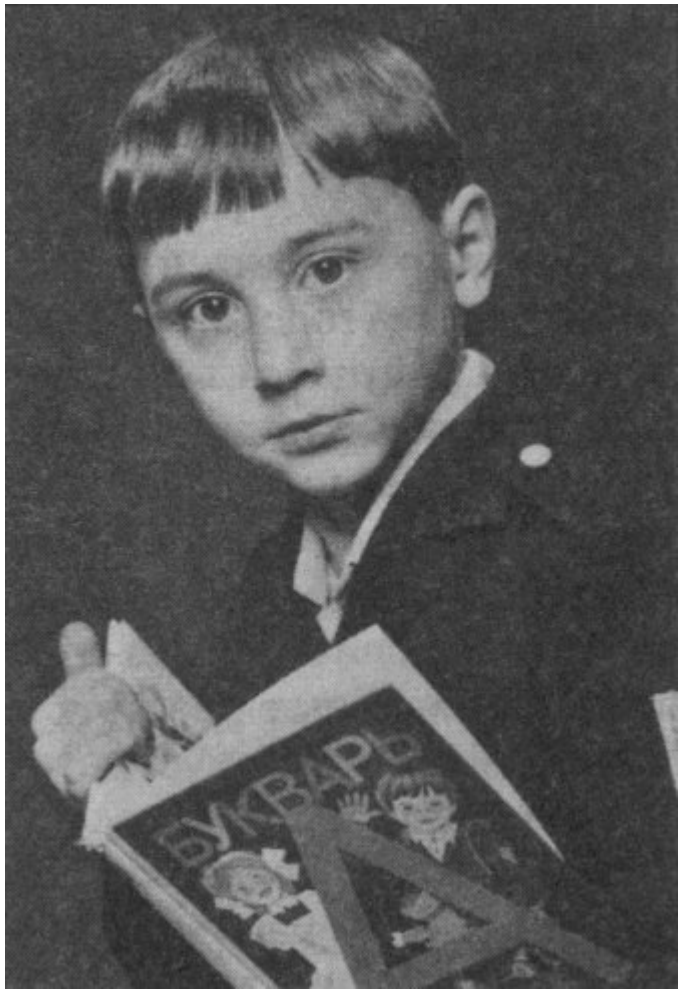
— Сынок, ты еще...

— *Я ТОЖЕ ХОЧУ!!!*

— Витя!..

— *АААААААА!!!!!*

Лену, значит, в первый класс, а меня в сад... Ну уж нет, я не собираюсь там состариться!.. Обычный детский каприз? Кто сказал «обычный»?! Попробуйте объяснить шестилетнему ребенку, что он получит желаемое *всего через год*, и вы поймете моих родителей. Они сдались.

ПЕРВЫЙ КЛАСС

Меня отвели записывать в школу вместе с Леной. И я был принят по результатам собеседования! И попал в гуманитарный 1 «А», а сестренка — в математический 1 «Г».

Вот так я осознал: чтобы добиться успеха, нужно во-первых, сильно захотеть, во-вторых — так же сильно напрячься. Приложить максимум усилий.

...1 сентября я вспоминаю, как череду ярких впечатлений. Запахи и звуки праздника; вокруг — обалдевшие от происходящего мальчишки и девчонки. Я — нарядный, и как положено, с цветами. Первая линейка. До этого папа долго вез меня на раме велосипеда, а я то и дело зарывался лицом в пахучий букет...

Потом оказалось, что я попал в класс к прекраснейшей из муз — к двадцатидвухлетней Елене Николаевне Сорокиной, которая

только что окончила институт. Удивительно! Лениным 1-м «Г» руководила строгая дама, а нами — трогательное и милое создание из другого мира. Я ее восторженно любил — как любят нечто недостижимое. Однажды я ей так и сказал. И мир не рухнул. Что ж, Елена Николаевна вызывала похожие чувства у многих...

***

Есть *музыка внутри нас* и *музыка снаружи*. Они стремятся друг к другу, а когда сливаются — происходит чудо. Ради этого

чуда большая музыка иногда делает шаги навстречу маленькой, которая внутри. Это — *Шанс*, от него нельзя отворачиваться...

Когда я учился во втором классе, к директору школы пришла Зоя Николаевна Кантор, известный в городе педагог по вокалу. Хрупкая женщина с пушистой прической и большими очками на переносице — за обманчивой внешностью крылся железный характер. Зоя Николаевна устроила среди учеников прослушивание для отбора в музыкальную школу. И я там был. Дождавшись очереди, я исполнил «Во поле береза стояла».

Педагог по вокалу сверкнула глазами из-под очков и сказала со странной интонацией:

— Спой еще разок.

Я повторил куплет. Дослушав, Зоя Николаевна воскликнула:

— Тебе срочно, слышишь, срочно нужно идти к нам! В музыкальную школу!

В моей детской душе случился взрыв счастья. Я был польщен, хотя до этого даже не задумывался, что есть такая профессия, как певец. родители моего восторга не разделили. Папа и вовсе был категорически против. Он хотел, чтобы сын выбрал в жизни что-нибудь более основательное. Желательно с техническим уклоном.

Но мне отчаянно не давались точные науки. Бесконечными вечерами мы с сестрой сидели на кухне, и папа пытался донести до меня премудрости алгебры и геометрии которая, кстати, мне очень нравилась. Многочисленные же иксы и игреки в моем восприятии ничем не отличались от китайской грамоты. Скорость велосипедиста, движущегося из точки «А» навстречу поезду, отправившемуся из точки «В», казалась совершенно бесполезной информацией. В начертательной геометрии было что-то от творчества душевнобольных. И все ближе подступала черная безнадега. Формулы были моим проклятием, от них не было спасения...

Я прекращал барахтаться и тонул в безысходности. Обрыдав тетрадь, я уступал место Лене — в ее отношениях с математикой не было такого трагизма.

Но хватит о грустном, вернемся к музыке и второму классу. Однажды на уроке я что-то увлеченно писал — и сам не заметил, как начал напевать. Вокруг воцарилась непривычная тишина. Я очнулся, умолк и огляделся. Затаивший дыхание класс прорвало гомерическим хохотом! Оказывается, я пел громко, а притихшие было одноклассники только и ждали, когда я это замечу.

Еще одна поворотная точка в моих отношениях с музыкой — импровизированный концерт в школьной столовой. Во время обеда я влез на стул и запел «Прекрасное далеко». Ученики разом перестали греметь ложками и разговаривать. В порыве

вдохновения я перебрался на стол, встал в патетическую позу и завершил исполнение, сорвав бурю искренних аплодисментов.

С тех пор я пел везде — дома, на вечеринках, на утренниках... Музыка стала моей жизнью — окончательно и бесповоротно. Высоцкий, Майкл Джексон, да и вообще многая зарубежная музыка, из той, которую можно было достать...

Черт возьми, я должен был учиться в музыкальной школе! Это было **о-че-вид-но!..** Однако время шло, и, если бы не усилия Зои Николаевны Кантор, я мог бы никогда там не оказаться.

Настойчивая педагог по вокалу не раз приезжала к нам на улицу Толстого. Добрая фея в облаке кудряшек проходила во двор через железные ворота, проплывала сквозь цветущий палисадник и поставленным голосом мягко выворачивала моих родителей наизнанку. Те смущались перед лицом представителя *большой музыки,* но гнули свое: музшкола далеко, возить меня некому, а приобрести фортепиано для занятий им так же просто, как заиметь собственный дирижабль. То есть невозможно.

ПАПА У МЕНЯ ИЗ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ, МАМА ТАТАРКА, НУ, В ОБЩЕМ, Я РУССКИЙ!

Зоя Николаевна кивала, входила в положение и предлагала варианты. Нельзя фортепиано, тогда пусть будет хотя бы аккордеон. Он дешевле. У него есть и другие достоинства... Раз уж вы такие упорные, купите ему аккордеон на двоих с сестрой! Каждому вашему ребенку по полаккордеона!..

Фея уходила, а я превращал жизнь родителей в сплошное промывание мозгов с редкими перерывами на беспокойный сон. И мы их, наконец, дожали.

Поиски музыкального инструмента в Майском — нудная история. Важен только финал: мы его нашли. Он ждал нас в промторге, этот имевшийся в продаже аккордеон — единственный на весь город. Блестящий и звонкий «Аккорд». Дома, все еще не веря своему счастью, я впервые извлек из него несколько звуков...

Вот так случилось, что в пятом классе средней школы я был зачислен в первый класс музыкалки.

Я занимался с упоением. Да, приходилось ездить за несколько километров, но я просто садился на велосипед и ехал. Правда, не всегда удавалось получать хорошие оценки — все-таки меня связывала с музыкой неистовая любовь к пению, а не к игре на аккордеоне.

МАЙСКИЙ. ДК «РОССИЯ»

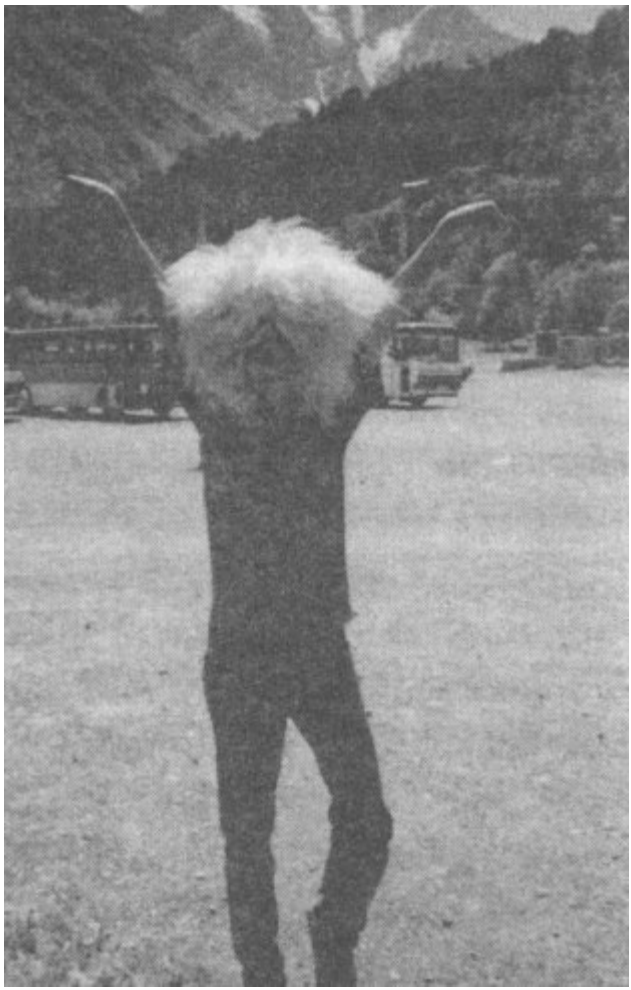
Но когда в музыкальной школе открыли вокальное отделение, меня перевели туда немедля, и отметки резко улучшились.

И вскоре весь Майский знал меня как солиста детского хора. Я впервые принял участие в конкурсе «Молодые голоса Кавказа» и сразу оправдал надежды учителей — привез в город убедительную победу. Первое место!.. Еще не раз я ездил на конкурсы, снова и снова становился лауреатом — «Молодых голосов Кавказа», «Утренней звезды» в Ставрополье...

Родители наблюдали за моим творчеством со стороны, в вокальную жизнь они не лезли. Я всюду ездил один — причем именно я на этом настаивал, поскольку рано посчитал себя взрослым. И я никогда не любил жалости и сочувствия к себе — это недостойно мужчины и личности. Поэтому в ход шла партизанская тактика: я упорно молчал как о своих проблемах,

так и об успехах.

Представьте: конкурс, нервы на пределе, и держать себя в руках стоит серьезных усилий. А если к этому подключаются близкие со своей тревогой почти такого же накала... можно не выдержать, ты и без них перегружен. В подобных случаях легче быть одиночкой. Помогало то, что мне передались многие склонности отца — человека молчаливого и вдумчивого. Сегодня я понимаю его гораздо лучше. А в те времена он казался таким далеким...

КОНКУРС «МОЛОДЫЕ ГОЛОСА КАВКАЗА» НА ЭКСКУРСИИ

***

Из увлечений той поры стоит упомянуть о дзюдо. На одном

из турниров мне подарили шахматы. Папа играл в них виртуозно — и меня научил... Очень даже неплохо.

Однако моя симпатия к шахматам не шла ни в какое сравнение с затмившей все модой танцевать под рэп!..

Стоп, раз уж мелькнуло слово «мода», сперва поясню, какая это жуть — мода в школе.

Мы ведь стремились быть современными, поспевать за эпохой. И состязались в этом стремлении, не жалея друг друга.

— Мои предки купили мне двухкассетный магнитофон!

— А мне — видик! Утрись!

— Вы оба дураки! Шнурки достали мне такую вещь — закачаетесь!..

И так до бесконечности. А мне в основном приходилось помалкивать. Зато летом, когда мама отправляла меня на каникулы в Казань, ей удавалось найти там редкие по тем временам вещи. Фирменные и при этом недорогие. Так у меня появлялся то японский спортивный костюм, то высокие кроссовки — их я вспоминаю до сих пор. Потому что шлепать белыми кроссовками по темному асфальту было настоящим кайфом. Идешь и думаешь: «Йо, вокруг меня земля вертится!»

Своими обновками я красиво вписывался в школьный тренд. Не отставал! И в них мне особенно ловко удавался фигуры хип-хопа. Который для меня начался уже в пятом классе — в школе открылась танцевальная секция, одновременно потребовалось срочно научиться двигаться.

...Актовый зал, пустые по большей части кресла, пацаны толпятся на сцене. Человек сорок. И я — в широких рэперских штанах (мама купила). Из колонок несется Эм-Си Хаммер — задает ритм. Ведущий Василий — крупный парень, влюбленный в хип-хоп, — показывает класс на дощатом полу. Затем объясняет, что и как нужно делать, чтоб получилось похоже. И кто-то из учеников выходит в круг и пытается щегольнуть домашней заготовкой...

В целом расклад был такой: не знаешь модных движений — дискотеки и тусовки для тебя закрыты. Сиди дома и читай учебники, унылый ты нигер.

На школьные дискотеки нас еще не пускали, но мы все равно приходили. Не просочиться в зал, так хоть в окна по пялиться...

***

Я вырос на интернациональной улице. В соседнем доме жили цыгане, в доме справа — турки, напротив нас — кабардинцы,

правее от них — балкарцы, левее и по диагонали — немцы, а там и до украинцев недалеко... В этом котле народов происходило всякое, хорошее и плохое, но чаще все сводилось к членовредительству. По поводу или без повода, но мы, мальчишки, нередко собирались в группы и дрались, пока не схлынет кураж. Если показалось мало, назначали «вторую серию» — уж завтра после школы мы им точно наваляем! Этим цыганам спуску давать нельзя, они у Кольки грузовик стырили! Кто сказал «сам потерял»? А почему он тогда у цыган во дворе нашелся?! Подлые ворюги!

Природным комплектом «руки-ноги-голова» никто из нас не дорожил. А с теми, кто дорожил, мы не водились — трусость вызывала презрение. Но и их точка зрения не лишена смысла: в драке действительно могут что-нибудь сломать, в том числе голову. Впрочем, мы чаще отделывались синяками-ссадинами. А фингал, рассеченная бровь или сломанный нос — это даже красиво, когда не болит... Так что пацанам Майского нечасто предлагали быть лицом изданий или торговых марок. Вернее, за всю историю города это предлагали только мне. И то — гораздо позже...

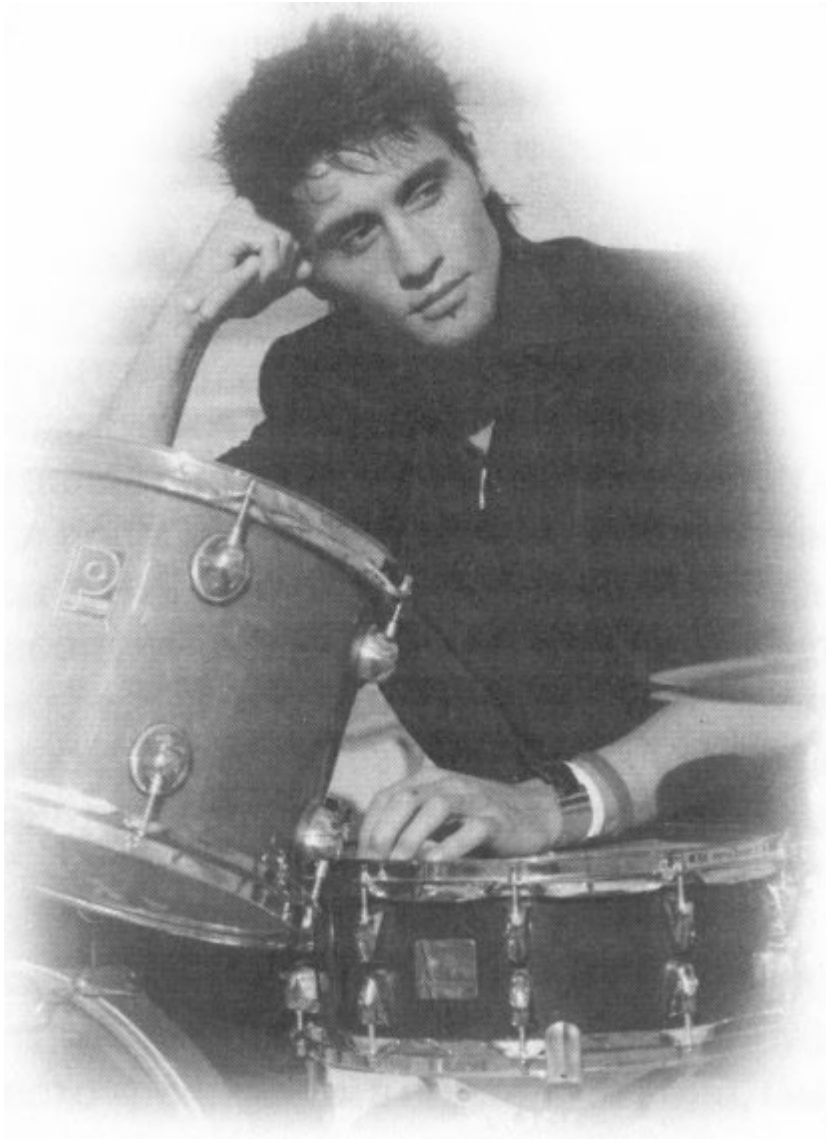
Гм... Помните, я говорил о размеренной жизни в лучших уличных традициях? Вот это она и есть.

Конечно, были не только драки. Иными вечерами нам горячим парням, удавалось договориться и замутить какой-нибудь мирный позитив. Например, ликбез по танцам среди цыган. Потому что секция — в школе, а цыгане в школу не ходили. Зато у них был я. И огромные — по метру — растерзанные колонки тоже были. Зимой и летом я приходил во двор к цыганам в своих незабвенных кроссовках, — которые уже ломались на морозе и трескались на жаре. Приходил и зажигал! Со мной танцевали двенадцати-, пятнадцати- и даже девятнадцатилетние, взрослые!

...Сила музыки — страшная сила. Чтобы лишний раз в этом убедиться, я, случалось, брал аккордеон и ходил по улице, играя. Представили? Жаль, не существует роликов с записью этого незабываемого зрелища. Вам бы понравилось.

Глава 3
УРОКИ ЛЮБВИ

Любовный четырехугольник • Самураи в подвале • В темноте под окном... • Как я чуть не умер от удушья и получил травму на всю жизнь • Необыкновенная девушка • Все серьезно • Успех придет — ради нас! • После выпускного бала • Эпистолярный роман • Мы поспешили... но жизнь продолжается

Первая любовь, снег на провода-а-ах!.. Если не считать чувства к ангелу земному Елене Николаевне, то впервые я влюбился в третьем классе.

Девочку звали Женя. По ней страдали также два моих закадычных друга, Толик и Саша. Но сердце нашей красавицы не принадлежало никому... Чувствуете надрыв?.. А тогда он был, и неслабый.

Женечка была отличницей; в то время все почему-то любили исключительно отличниц. Я же к четвертому классу опустился до хорошиста, каковым и остался до получения аттестата.

Эх, она была яркой девчонкой! Блондинка с задорной

ямочкой на подбородке, всегда нарядная, веселая, немного... э-э... строптивая?.. немного упрямая — вот это точнее. И как тут не влюбиться молодым джигитам?..

Я представлял себя Жениным защитником. Уже в младших классах я посещал секцию дзюдо в подвальном помещении завода ЖБИ. Там было душно, пыльно, да и потные дзюдоисты воздуха отнюдь не озонировали. Зато тренер кричал грозное «хаджумэ!», и это навевало мысли о самураях. Я тренировался всерьез, участвовал в соревнованиях и даже выиграл один спарринг. Так что в моем лице простую кабардино-балкарскую школьницу Женю защищал весь многовековой опыт японской борьбы.

После уроков мы с Толиком и Сашей препирались за право встретить Женю у входа и нести ее портфель. А по вечерам, вместо тренировок в подвале завода, мы садились на велосипеды и ехали к ее дому, дабы тайно приобщиться к загадочной девичьей жизни. Приобщались так: покупали семечки, занимали лавочку под Жениными окнами и смотрели, горит ли у нее свет.

Иногда наша пассия выходила на улицу — почтить вниманием своих кавалеров. Мы галантно развлекали даму беседой о заморских диковинах, школьных интригах и о прочей ерунде, которую невозможно вспомнить. Если при этом мне удавалось коснуться ее плеча или руки, я на время выпадал из реальности... Обратный путь на верном, но своенравном вороном велосипеде, скачущем по ухабистой дороге, я коротал, предаваясь мыслям — восторженным и благонравным.

Я чувствовал, что мне мало, решительно мало забавлять Женю разговорами — нужны подвиги. Или хотя бы выдающиеся поступки, но такие, чтобы ей сразу стало понятно, что я неповторим. Однажды я сказал ей:

НАШ 3 «А» КЛАСС. ЖЕНЯ ЧАЛОВА — ВТОРАЯ СЛЕВА В ВЕРХНЕМ РЯДУ

— Вот ты живешь себе и не знаешь...

Здесь я выдержал интригующую паузу.

— Чего не знаю, Витя? — наконец спросила Женечка.

— Как долго я могу не дышать!..

Затем я глубоко вдохнул и зажал нос.

Вот так мы и стояли — синеющий мальчик с выпученными глазами и обескураженная его силой воли девчонка.

Потом я потерял сознание. И упал мордой вниз. Простите, лицом. Все равно не очень приятно... Женя помогла мне подняться, но выдающийся поступок, увы, не оценила. что ж, упрекать себя мне было не в чем: я сделал все, что мог. Я отправился домой, стараясь держать голову повыше, — внезапная встреча с асфальтом фатально повлияла на мой нос. Мне не очень нравится слово «всмятку», но именно так он и разбился.

После этого мой дорогой шнобель много лет оставался чуть искривленным — в зрелом возрасте мне пришлось делать операцию для восстановления нормального дыхания. Воистину, первая любовь не проходит бесследно...

***

Более осознанным увлечением — тогда я учился в третьем классе музыкальной и, соответственно, в восьмом классе средней школы — стала девушка по имени Зарина, которая была классом старше. Мы познакомились в музыкалке, на занятиях по хору, и я

долго не знал, как половчее к ней подступиться.

Длинные, антрацитово-черные волосы, улыбка, большие притягивающие глаза... Зарина была необыкновенной — во всем. Она извлекала из сумочки записные книжки, каких не было ни у кого в школе, она носила оригинальные вещи — до сих пор помню ее юбки чуть выше колена и туфли на платформе...

Кавказские традиции предписывали ей чтить старших, уважать мужчин... и многое другое — под общим название, «вести себя достойно». В то же время Зарина была очень современной. А еще — живой и веселой. Возвышенной, тонкой... И эта ее манера говорить — тягуче и размеренно... Пластика ее медленных движений... Натурально, у меня до сих пор мурашки по коже — от одних воспоминаний! А тогда я просто пропал в обожании, притянутый ее восточной красотой и темпераментом.

Для начала мы подружились...

Звучит многообещающе, да? Только не забывайте, что сейчас речь о детях; о взрослых отношениях мы наговоримся позднее.

...Подружились, и я стал бывать у нее дома. Познакомился с ее родителями и сестрой Беллой...

Я буквально наматывал круги вокруг Зарины, хотя открыть ей свои чувства у меня еще не получалось. Даже когда я собирался с духом и думал, что сегодня — обязательно скажу. Вот увижу ее — и первая моя фраза будет признанием в любви...

— Привет, как дела? — говорил я вместо признания. В следующий момент мне хотелось хлопнуть себя по лбу, обозвать идиотом, мямлей, земляным червяком...

...И все-таки Зарина относилась ко мне благосклонно (при моих-то неловких ухаживаниях!) и даже стремилась общаться. Это давало надежду на взаимность и спасало мою бестолковую голову, которую временами хотелось разбить о стену — за льющийся из нее сумбурный лепет.

Кроме моих едва оформившихся, юношеских притязаний, нас с Зариной объединяла общность интересов. Мы оба были одержимы музыкой — поэтому могли быть рядом сколь угодно долго и даже на конкурсы ездили вместе. И один раз, к моей несказанной радости, Зарина выступила на «Молодых голосах Кавказа» в качестве моей бэк-вокалистки!..

Порою, когда мне совершенно не хотелось тащиться в музыкальную школу, я звонил ей и спрашивал:

«Зарина, ты сегодня будешь на занятиях?»

«Буду», — отвечала она, и мне ничего не оставалось, как пересилить лень и тоже приехать.

Кстати говоря, я даже сейчас помню ее номер. Эта дисциплинированная девушка очень редко пропускала

репетиции. Мне приходилось соответствовать — быть образцовым учеником. А что делать? Сильные чувства мобилизуют волю.

...«Я люблю тебя» — мы никогда не произносили этих слов вслух. Но они были во взглядах, жестах, интонациях... Мы оба понимали всю серьезность происходящего. И не торопились сковывать возникшее между нами красивое *нечто* поспешными обязательствами.

Я уж точно перестал торопиться — и тому были причины. Все же недаром в начале отношений мне не удалось рубануть сплеча и грубо назвать вещи своими именами. Это было бы ошибкой — слишком рано, слишком прямолинейно... Я наконец осознал, что короткое «люблю» обязывает дать возлюбленной что-то по-настоящему существенное. Чего у меня еще не было — не наработал. За душой имелись только перспективы успеха, а не сам успех. Сперва требовалось состояться. Ну, хотя бы материально. А то нашелся, понимаете, ухажер без гроша в кармане... Я даже в таком возрасте четко это понимал.

Моя Зарина нравилась многим — кабардинские парни за ней так и ухлестывали. Это будило во мне древнюю жажду убийства соперников. От ревности темнело в глазах, и требовалось время, чтобы прийти в норму... Формально у меня все еще не было повода считать ее своей девушкой. Зато были причины.

Знаете, чем в таких случаях отличается причина от повода? Причина — это все, что описано выше. Нарождающееся, затем крепнущее взаимное притяжение, очевидная связь двух людей. А повод — любая форма «взрослого» телесного контакта. Ничего, что я об этом так сухо? Просто любители «клубнички» меня, мягко говоря, достали. Рассказываешь о светлом и прекрасном, а от тебя ждут невесть какого разврата... Ладно, проехали. Я ведь действительно собирался перейти к одному маленькому «поводу» в нашем с Зариной романе.

Она оканчивала среднюю школу, и я пришел к ней на выпускной бал. Потом мы отправились гулять по городу как-то незаметно забрели в заброшенный парк аттракционов. Разломанные конструкции с краской, которая клочьями облетала под напором ржавчины, тонули в буйной зелени. Воздух состоял из запахов летней ночи; сверху нас гипнотизировало звездное небо. Мы целовались на лавочке посреди этого очаровательного безумия. Мой первый поцелуй и первый, как мне казалось, момент истины: *вот оно!* Любовь на всю жизнь...

Дальше ничего не случилось — просто потому, что в ту ночь это было бы лишним.

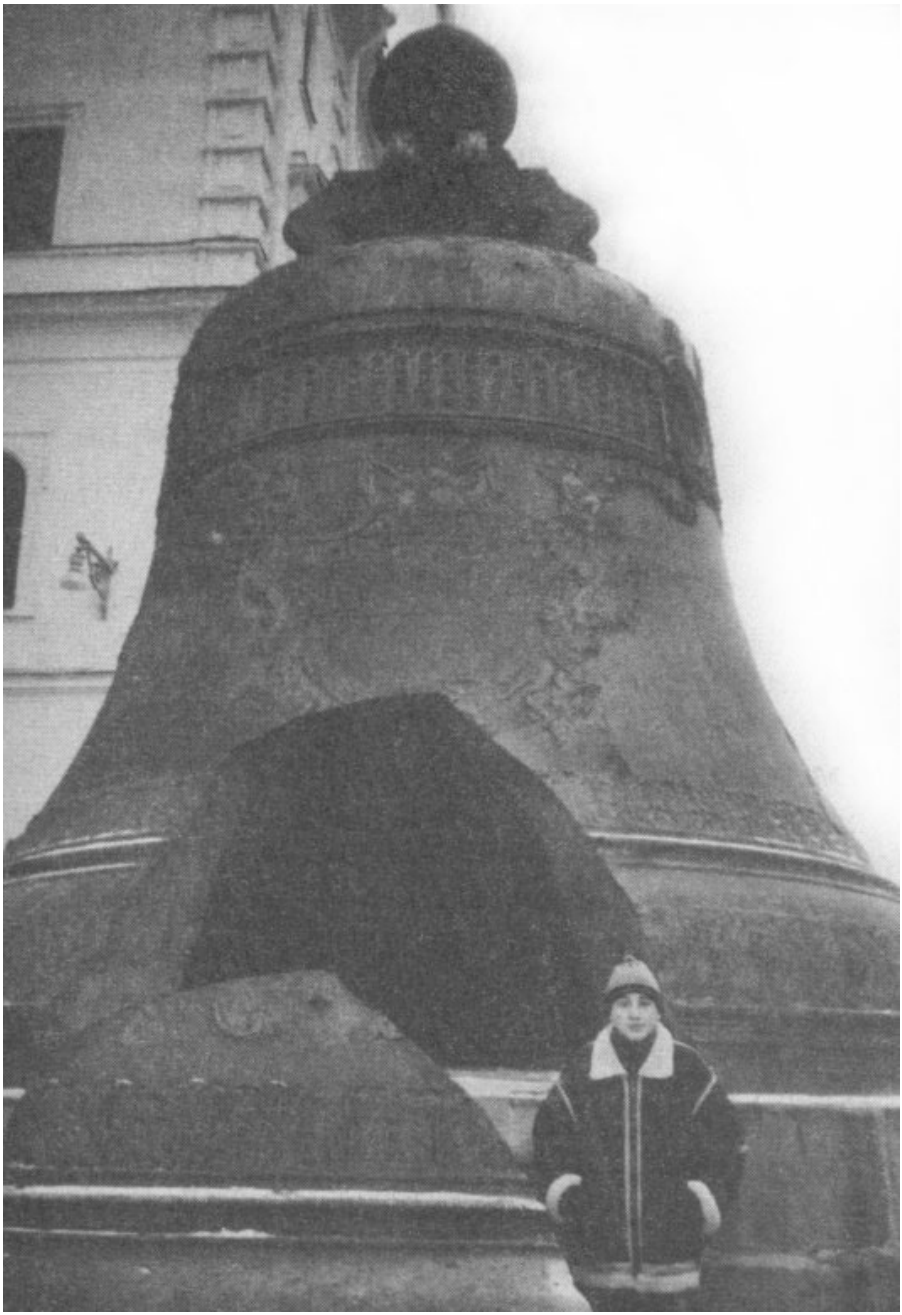
Я уже знал, что еду в Москву, и надеялся на скорый успех. У меня должно было получиться — ради Зарины. Для этого чисто

мужского стремления традиционна такая фраза: «Я хотел бросить к ее ногам весь мир». Очень верные слова. Для меня было важно, чтобы девушка, к которой я испытываю такое чувство, как «любовь», ни в чем не нуждалась.

Чтобы завершить эту историю, нужно забежать вперед и о многом сказать скороговоркой. Итак, я приехал в Москву, немного свихнулся от вала новых впечатлений, оклемался — и растворился в столичной жизни...

И вот я учусь в Гнесинке, и в течение первых двух курсов пишу Зарине полные нежности письма. А она отвечает — не менее трогательно. В нашей переписке по-прежнему нет слова «люблю». Зарина несколько раз приезжает ко мне в гости, но это явное для обоих слово так и не появляется...

Накал наших отношений спадал; мы становились другими людьми. Я чувствовал над собой сгущающийся ореол столичного мэна, мне открывались все новые и новые возможности, а с ними возникали немыслимые соблазны.

В МОСКВЕ Я ПРОСТО СЧАСТЛИВ

Вскоре Зарина деликатно сообщила, что у нее появился молодой человек. Я воспринял это как должное. Между нами уже не было той сверкающей и чистой связи — она превратилась в дружбу и теплые воспоминания.

Впоследствии я неоднократно бывал с концертами в ее

городе (Зарина переехала в Нальчик), и мы по-дружески общались в кафе. Ее жизнь стала такой, какой должна была стать — стабильной. С нерушимой основой в виде вековых традиций. У меня же подобной стабильности никогда не было. Так что — все к лучшему. Зарина останется незабываемым этапом в моей судьбе. Спасибо ей за это!

Глава 4
МОСКВА, Я ЛЕЧУ К ТЕБЕ!

Водоворот событий • Заявка на «Чунгу-Чангу» и предчувствие победы • Дьяволиада с деньгами • Мне дарят стихи • Долгий путь до самолета • Женщина в аэропорту травмирует мою психику • От отчаяния к экстазу • Аутотренинг

Моя музыкальная жизнь бурлила, как джакузи. Я видел, ощущал и понимал, что действительно попал в свою колею. Так бывает: если вы настойчиво развиваете свое дарование, то обстоятельства вскоре начинают вам подыгрывать. Не всегда, конечно. Лишь время от времени. А у посторонних мигом складывается впечатление, что вам все дается даром. Когда на самом-то деле к «удачам» вас привели годы кропотливой работы... Внимание, сейчас я вверну в текст нехилую мораль, не пугайтесь: *труд сделал из обезьяны человека, но это была* ***чрезвычайно***

***упорная** и не менее **талантливая** обезьяна.*

Итак, я ворвался в музыку, и меня закрутило в водовороте событий. Я отправлялся на конкурсы, участвовал в концертах, озвучивал школьные мероприятия... Но все это было вовсе не вымученно — напротив, я радовался, что влился в дело, которое мне по душе.

Я занимался в Доме культуры «Россия», в эстрадной студии «Феникс», пропадал там целыми днями и разрывался между музыкой и учебой в школе. Сам не знаю, как это тогда удавалось, но факт налицо. Добавлю, что каждый хороший музыкальный инструмент, каждый микрофон были наперечет, а любые новшества, вносимые преподавателями в учебный процесс, казались чудом и принимались на ура. В старших классах я уже отстаивал честь своей школы № 14, и директор Анжела Арсеновна поддерживала меня во всех начинаниях.

А где-то в середине 1998 года руководитель ДК «Россия» отправил в Москву заявку на участие в конкурсе молодых дарований «Чунга-Чанга». Судьбоносный момент; расскажу об этом подробнее.

ЭСТРАДНАЯ СТУДИЯ «ОБРАЗ»

К тому времени меня хорошо знали и в Майском, и за его пределами. Еще бы! Лауреат всего, до чего можно было дотянуться из маленького городка, я автоматически стал главным претендентом на поездку в Москву. В ведущих соискателях также

ходила одна юная особа женского пола, однако, насколько я понимал расстановку сил, администрации ДК хотелось видеть на «Чунге-Чанге» именно меня.

Заявку приняли, в ДК пришло приглашение на конкурс. Ошеломительная новость! Мой рассудок захватили порожденные ею грезы. Я предвкушал свой московский триумф!..

...Я всегда знал, что буду жить в большом городе, всегда чувствовал себя городским человеком. В моем дневнике сохранилась запись обо мне в будущем — среди огней мегаполиса. Меня манил столичный драйв: сплошное движение, постоянные перемены. Ведь это в моей природе — бежать вперед, беспрерывно что-то предпринимать, обучаться, Расти Идеальным местом для подобной жизни была Москва.

Огромные радужные пузыри моих грез раздувались, раздувались и лопались, наткнувшись на маленький острый шип. На небольшой нюанс: на поездку нужны деньги, и немало денег. Впоследствии шип оказался ядовитым...

Тем временем я уехал в Ставрополь на очередной конкурс и вернулся откуда окрыленный — весь в мыслях о Москве, весь в предстоящей поездке. Радовался и представлял, как собираю вещи в дорогу, заранее прикидывал, как бы чего-нибудь не забыть.

В этот момент меня и огорошили новостью, что ни городской, ни районный отделы культуры не могут найти деньги. Выражаясь казенным языком, отправление в столицу молодых дарований не предусмотрено бюджетом.

Это похоже на прыжок с девятиметровой вышки — когда только в полете понимаешь, что в бассейне нет воды. Не предусмотрено. Вдохновленный юноша ударился о реальность и чуть не убился...

В городском отделе культуры, куда мы с мамой явились, чтобы поговорить насчет воды в бассейне, нам так и сказали:

— Извините, денег нет.

— А что нам делать? Нас ведь ждут в Москве...

— Понимаете, — ответила маме статная ухоженная дама, начальник отдела культуры, — если мы сейчас отправим заявку в райцентр, чтобы выделили средства, нам ее будут одобрять до следующего года...

И развела руками: такие, мол, дела.

Моя мама, эта необыкновенная женщина, обернулась ко мне и сказала:

— А давай сами поищем спонсоров? Обойдем предприятия и все расскажем. Может быть, что-то и получится.

Начальник отдела культуры благословила ее инициативу. В

администрациях любят, чтобы сами. Возьмите на себя трудности, а мы потом разделим с вами лавры — позиция любого руководства во все времена.

И мы пустились во все тяжкие. Прошлись по всем заводам города и объяснили нашу проблему каждому из директоров. Директора качали головами и обещали подумать. Они могли бы, да. Но не сразу, нет. Это нужно согласовать. Провентилировать этот вопрос. И вот тогда, *возможно*...

Однако недостаток времени делал подобные «возможно» с их предварительными согласованиями и вентиляциями абсолютно бессмысленными. Пока этот рак залезет на гору и соберется свистнуть, поезд уже уйдет.

В конце концов мы осознали, что пробивной силы двух человек здесь мало. И пришли к директору моей школы. Анжела Арсеновна выслушала, прониклась трагизмом ситуации и сказала:

— Ну, в данном случае я могу кое-что для вас сделать. Думаю, мое слово что-то значит.

Ее слово не просто что-то значило, оно оказалось решающим. Усилиями Анжелы Арсеновны одно из предприятий *просто дало денег.* Ко всеобщей радости. А я ощутил еще и гордость за свою мать, которая сделала все, чтобы преодолеть это препятствие вместе с сыном.

Анжела Арсеновна — прекрасный человек и замечательная женщина, которую я вспоминаю с теплотой. Она не только помогла оплатить мою поездку в Москву, но и отправила меня к своему портному. И для меня пошили великолепный костюм-тройку темно-синего цвета — мой первый настоящий концертный наряд.

А Зоя Николаевна Кантор, провожая меня на конкурс, вместе с последними наставлениями подарила мне стихи:

Алло, Москва, меня ты слышишь?
Но я же слышу, как ты дышишь,
Твое дыхание ловлю,
Мечтою о тебе живу.
Минуют годы, дни промчатся.
К тебе приду, ты жди меня.
С тобою не смогу расстаться,
И верь, прославлю я тебя.

Такое высокое доверие меня по-настоящему впечатлило. Не оправдать его было бы кощунством. И я обещал себе постараться.

***

На этом приключения не кончились. Они в моей жизни вообще никогда не кончаются.

Я давно заметил: как только у меня зарождается нечто позитивное, какая-то новая светлая история, вместе с ней появляется туева хуча неожиданных препятствий. Из земли вырастают шипы, с неба падают лягушки, а встречный ветер превращается в ураган. Это нормально. Есть бедствия — значит я замыслил что-то хорошее. Примета, однако.

Вот и тогда...

Мы купили билет на самолет. Договорились, чтобы мой двоюродный брат — он учился в Москве и жил в районе Парка культуры — встретил меня в аэропорту.

Вылетать предстояло из города Минводы. Туда ходила электричка со станции Прохладное. До станции Прохладное ходили пешком. Это вам не на такси до аэропорта, это отдельное небольшое путешествие!

Собрав все деньги, какие были в доме, мы с отцом около часа шли до станции по шпалам. Других вариантов добраться до электрички в тот день не было... И вот — утренний холодок, трели птиц, и мы шагаем по железнодорожной насыпи со своими сумками. Как в кино, ей-богу.

Мне было шестнадцать, но я почему-то еще не получил паспорт. И я попал в аэропорт со свидетельством о рождении. Зарегистрировались мы благополучно, но на паспортном контроле, прямо перед металлоискателем, к девушке, которая проверяла билеты и паспорта, подошла дежурная и, глядя на меня, сердито произнесла:

— Слушайте, снимайте его с рейса! Он совершеннолетний, а у него свидетельство о рождении!

Эту женщину в погонах я помню до сих пор. А вот она меня — вряд ли. Жаль. Хотелось бы время от времени являться ей в кошмарах.

— Никаких разговоров, снимайте! — сказала она и отвернулась к следующему в очереди.

У меня внутри, в районе желудка, образовался черный вакуум. В легких не было воздуха. Окружающие меня предметы и люди лишились красок. Хотелось орать благим матом, но голос против воли срывался на слезы:

— Как... снимайте?.. У меня приглашение, я должен... ехать!.. Я не могу... не поехать!..

Вмешался мой отец. Он долго уговаривал эту... ммм, суровую леди в погонах, показывал ей документы и приглашения. Я

безумно улыбался, чуть ли не раскланивался пробовал петь — в доказательство слов отца. Петь не получалось, убедительно говорить — тоже, зато удалось наконец заорать.

— Я лягу сейчас здесь!.. Буду лежать и мешать! Пока меня не пропустят! Поймите, я лечу на музыкальный конкурс! Один из всей Кабардино-Балкарии!

Вообще-то крик души получился вовсе не таким связным, как я написал. Но он подействовал! Правда, на другого человека: какой-то мужчина в форме сказал этой с... суровой сотруднице аэропорта:

— Да пропусти ты парня. Видишь, и отец его тут.

...В общем, меня посадили на самолет в *виде исключения.* В таком виде я там и сидел. Вместо того чтобы лелеять полученную психическую травму, я настраивался на позитив.

«Везде люди, и с ними всегда можно если не подружиться, то хотя бы договориться. И я буду им благодарен, обязательно сделаю для них что-нибудь хорошее... По крайней мере, пожелаю хорошим людям, которых встречу, чтобы у них все было хорошо...» Этот внутренний монолог напоминает аутотренинг, но он вполне искренен.

...А до этого я, поднявшись по трапу, махал рукой отцу — он стоял на площадке аэропорта. Рот у меня был до ушей, я захлебывался от нахлынувшей благодарности и испытывал резкий переход от отчаяния к восторгу.

Глава 5
ОППН СЛУШАЕТ!

Внуково не дает посадку • Одиночество в аэропорту • Мое знакомство с Москвой через таксиста • Ни денег, ни адреса, ни документов • Ужин с инспектором по делам несовершеннолетних • Ночь с видом на Красную площадь

В самолете я подумал: «Все. Жизнь поменялась. Я добьюсь всего, чего хочу!» Ни деньги, ни слава, ни возможные разочарования меня в тот момент не занимали. А хотелось мне только расширить круг своих слушателей — и чем шире он станет, тем лучше.

Вплоть до самой Москвы меня не покидало ощущение

нереальности происходящего. Я невольно ожидал подвоха. С самолетом могло что-то случиться, рейс мог каким-то образом задержаться, опоздать... или не долететь вовсе. Мой взгляд то бесцельно блуждал по салону, то надолго останавливался на облаках в иллюминаторе. Картина за толстым стеклом отвлекала и успокаивала, я начинал улыбаться.

Перед приземлением самолету пришлось добрых полчаса кружить над аэропортом: не давали посадку. Меня била крупная дрожь. Сейчас, сейчас мы рухнем в эти светящиеся огни. Которые, несмотря на угрозу падения, наполняют все тело предчувствием чего-то грандиозного... Рухнем!.. Но нет, снижаемся, дали посадку... Приземлились.

После чего поездка преподнесла мне очередной неприятный сюрприз.

Я сошел с трапа в полной уверенности, что меня встречают — позабыв про горечи, оставив весь ужас позади, однако никто меня не ждал. Как выяснилось позже, брата, который тогда был курсантом военной академии, срочно вызвали на службу. Предупредить об этом он не мог — в то время почти ни у кого не было мобильных телефонов. А уж мобильные у школьников и учащихся военакадемий казались такой же фантастикой, как световые мечи джедаев.

Я стоял посреди огромного зала аэропорта Внуково — потерянный, болезненно одинокий юноша — и пытался

я уразуметь, куда идти и что делать. Я не имел понятия о правилах большого города, у меня не было здесь знакомых, я не знал даже адресов и телефонов городских служб. Я что-то спрашивал у прохожих и доверчиво ловил каждое их слово.

Затем я отыскал таксофон и попытался дозвониться брату. Для чего впервые в жизни использовал таксофонную карту. Когда-нибудь я напишу об этом трагедию в стихах. Она будет начинаться нецензурно... Словом, один из автоматов оказался сломан, в другом ответили, что по набранному номеру моих двоюродных братьев не проживает.

Дьявол, я даже не знал адреса своего родственника курсанта! Район метро «Парк культуры» — и все. Вот в этот момент (барабанная дробь!) произошло мое первое знакомство с Москвой. Рядом со мной оказался очень симпатичный и доброжелательный человек, таксист, который пообещал отвезти меня в любое место, включая необозначенные на картах.

Не помню, какую сумму он взял, но позже выяснилось, что на эти деньги можно было уехать очень далеко от аэропорта, потом вернуться и уехать еще раз. Я этого не знал, да и не мог знать. Поблагодарив великодушного таксиста, я вышел у Парка

культуры и стал кружить по району в поисках брата. В Москве это бессмысленно, не спорю, а вот в маленьких городах срабатывает. Там все друг друга знают, и о месте жительства требуемого человека вы можете спросить если не у случайного прохожего, то уж у бабушек на лавочках — точно. И вас сориентируют, будьте спокойны. Но я-то был в Москве! .. К чести таксиста, он меня дождался.

Дальше я помню все, как в замедленной киносъемке.

Таксист отвозит меня до метро — и я впервые попадаю в это восьмое чудо света, Московский метрополитен. Вокруг толпа людей, все спешат, толкаются, кричат... А я со своими сумками — будто отдельно от толпы — ошалевший, голодный, замерзший. Все-таки ноябрь на дворе. В Москве конца девяностых ноябрь был холодным месяцем. Особенно в сравнении с Кабардино-Балкарией. Шел дождь со снегом, а я путешествовал по городу в тоненькой курточке, без шапки и перчаток, с шеей, торчащей из воротника и покрасневшей от холода. Какая-нибудь поэтическая натура сказала бы, что я похож на продрогшего нахохлившегося воробья, впервые вылетевшего из гнезда и не нашедшего дорогу домой. Но поэтических натур вокруг было до обидного мало.

Я знал только адрес пансионата, где должен проходить конкурс, но до того, как я туда попаду, я ведь должен где-то провести ночь? Впору запаниковать. Подумав это, я обнаружил, что уже давно паникую.

К этому моменту улицы уже накрыли сумерки. В потемках я сел в первый попавшийся троллейбус. И поехал неизвестно куда, прокручивая в голове свои тяжкие думы.

Родственников нет. Денег — тоже. Из документов — только свидетельство о том, что я действительно родился. Будто это не очевидно. А с документами тогда было строго — без регистрации встреча с милиционером гарантировала приезжему крупный штраф. Деньги... Да-а, въезжая в Париж, юный д'Артаньян был куда состоятельнее. Кроме того, у него имелась чахлая оранжевая лошадь и здоровое благородное безумие. Я же не располагал ни тем, ни другим. Следующее: мои родители пребывали в уверенности, что с сыном все путем, сын пьет чай на кухне у брата (для них племянника), сам не свой от новых впечатлений. Насчет впечатлений, положим, так и было...

Вот так я ехал, между моими ушами звучала эта монотонная шарманка, и меня почему-то рассматривала пожилая пассажирка, стоящая неподалеку. Видимо, я ей чем-то глянулся — все-таки приятный, прилично одетый мальчик. С опрокинутым лицом, но это бывает. То ли его ударили пыльным мешком по голове, то ли он от природы такой.

Женщина подошла ко мне и участливо спросила:

— Сынок, тебе куда ехать-то?

— Я не знаю, — честно сказал я.

И зачем-то начал рассказывать ей о том, что приехал на фестиваль, к брату, а найти его не смог. А теперь не знаю, куда мне идти. Вдруг меня арестуют?..

— А ты не жди, пока тебя милиция найдет, — посоветовала попутчица. — Езжай сам!

Признаться, эта простая мысль мою голову не посещала. И действительно, почему бы нет? В конце концов, что я теряю? В крайнем случае помогут связаться с родителями... Хотя об этом я думал в последнюю очередь, потому что возвращаться не собирался. Но и околеть перед конкурсом на улице... Тоже нет.

Я доехал до ближайшего отделения. Дежурный встретил меня словами:

— Подожди здесь, сейчас подойдет девушка по делам несовершеннолетних.

Я живописно замер посреди холла — с мокрыми сумками, сам мокрый и съежившийся от холода. Вскоре появилась инспектор по делам несовершеннолетних — молоденькая красотка в форме. Она сразу оценила обстановку всплеснула руками и проворковала:

— Что у нас случилось? Ну рассказывай, рассказывай.

Произнесено было ласково, с участием. Эта неожиданная чуткость привела к тому, что из меня хлынул поток слов. Я говорил и захлебывался, пытался помочь себе взмахами рук, но получалось плохо. Я, конечно, пытался держать себя в руках, но на глаза наворачивались слезы. Девушка инспектор не испугалась моей истерики. Она повела себя разумно: распорядилась, чтобы мне принесли перекусить. Кофе, чаю, конфет — чего-нибудь.

Меня усадили, накормили, я отогрелся и смог внятно изложить свои текущие проблемы. Пока я пел о выпавших на мою долю тяжких невзгодах, телефон на столе трезвонил почти без перерывов, а очаровательная инспектор снимала трубку и бодро говорила: «ОППН слушает!»

Эти слова врезались мне в память вместе с тембром ее голоса. Позже, во времена моей учебы в Гнесинке, я не сколько лет пытался вспомнить, что же это было за ОППН. Так хотелось отблагодарить дежурную, прислать ей цветы, но я даже не знал ее имени!

Девушка в форме быстро обзвонила все указанные мной номера, выяснила место и время проведения конкурса и даже нашла семью, где девочка собиралась на тот же фестиваль. Семья проживала прямо у Красной площади, в знаменитых московских

переулках.

КОНЦЕРТ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 40-ЛЕТИЮ МОЕЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Давай-ка мы отвезем тебя к ним, — предложила инспектор. — Переночуешь, а завтра они на машине поедут прямо на конкурс и тебя захватят.

Я молча кивнул. Не было сил отвечать вслух.

В итоге моя первая ночь в Москве прошла недалеко от Красной площади. Думаю, это символично. А из нашего окна она самая видна — и так далее. Теперь я даже не могу вспомнить имя той девчонки-конкурсантки — главным для меня осталось то, что окна ее квартиры выходили как раз на площадь. Всю ночь я то и дело подбегал к окну проверить, на месте ли элитный вид. Вид оставался на месте — Красную площадь расцвечивали разноцветные огни. Какое спать, когда вокруг такая пруха?! Пардон за грубость, я хотел сказать, что после всех дневных мытарств сна тем не менее не было ни в одном глазу.

Глава 6
КОНКУРС

Поездка в Липки, а также кое-что о хороших людях • Как и почему я со всеми перезнакомился • Племянница Меладзе, она же дочь лейтенанта Шмидта • Мое случайное самоубийство • Зомби Билана на сцене «Чунги-Чанги» • Мои бренные останки летят в Кабардино-Балкарию

Я провалился в сон только под утро. А если бы знал, какие сюрпризы и встречи ждут меня на конкурсе, то не уснул бы вовсе. Но будущее оставалось смутным разноцветным маревом, поэтому я очнулся на следующий день в решительном расположении духа. Первые московские впечатления притупились, голова снова была ясной.

Хозяева накормили меня завтраком. Я слушал, как они обсуждают маршрут до Липок, где должен был проходить конкурс, и распространял вокруг себя ауру положительных эмоций. Здорово, что есть такие хорошие люди! Счастье, что я их встретил!.. Умение ощущать искреннюю благодарность — редкий

дар. Я им наделен и горжусь этим позитивным качеством.

Одно влечет за собой другое: я часто встречаю людей, которых есть за что благодарить. Они как-то чувствуют, что я могу быть признательным, и идут мне навстречу. Немалую роль играет и способность договариваться, но дело не только в ней. Я просто верю в хороших людей.

Спустя полчаса мы выехали. Мимо машины проносились городские достопримечательности — библиотека Ленина, Воздвиженка, бассейн «Москва», на месте которого теперь храм Христа Спасителя... Я провожал их взглядом, но толком ничего не разглядел.

Долго ли, коротко ли, а главное, что без свойственных моим поездкам приключений мы добрались до санатория в Липках Это такой огромный архитектурный комплекс, где исторически проводят уйму мероприятий. Машина миновала ворота, и я увидел сказочный теремок с высокой стрельчатой крышей и нарядными арками. Мы высадились и пошли по аллее, засаженной молодыми деревцами. Рядом шагали другие конкурсанты и сопровождающие — как раз начался общий сбор. После регистрации на первом этаже мы отправились в один из кабинетов, где можно было распеться и подготовиться.

***

В Липках я сразу же принялся знакомиться с участниками конкурса — как с самими конкурсантами, так и с приезжими и гостями, среди которых было немало музыкантов. Уже через пару дней я знал там почти всех.

УЧАСТНИКИ КОНКУРСА «ЧУНГА-ЧАНГА» И ИОСИФ КОБЗОН

Зачем я это делал? Очень просто. Я понимал, что такой момент выпадает редко, у некоторых — и вовсе раз в жизни. Следовало завязать побольше знакомств и найти способ задержаться покрепче. Ибо человеческое общество стоит на личных контактах и только на них.

Сегодня, правда, есть и другой способ заявить о себе. Это Всемирная сеть, куда всякий желающий может выложить свои записи в любой форме. Тексты, аудио, видео... После чего у желающего по-прежнему два варианта действий. Либо надорваться, раскручивая свои произведения самостоятельно, либо с помощью Интернета продемонстрировать их нужным людям. И то, и другое — лотерея, но во втором случае шансы на успех возрастают на несколько порядков.

Но тогда, в мое не столь далекое время, единственным способом познакомиться со старшими товарищами-профессионалами была личная встреча. Вот я и пользовался ситуацией. Мне это казалось рациональным подходом, но теперь понятно, что меня вела исключительно интуиция.

Итак, я без труда перезнакомился с огромным числом присутствующих. Спасибо моим родителям за еще одно позитивное качество моей натуры — контактность. Я не боюсь чужих людей, для меня нормально подойти к постороннему человеку и заговорить. И даже преодолеть закрытость нового знакомца. Нужные кнопки в собеседнике я нахожу без напряжения, неосознанно. Мне кажется, секрет в том, чтобы

всего-навсего напомнить ближнему, что *все мы люди*. И тогда... В общем, я быстро обзавожусь собеседниками, где бы я ни находился. Знакомиться — легко, трудно расставаться. Особенно когда прикипишь к человеку душой — на это ведь уходит не так много времени, как кажется.

Не только я стремился общаться с окружающими, но и ко мне подходили. Девчонки — еще наивно и по-детски — строили глазки, спрашивали, кто я и откуда. Мальчишки просто компанейски жали руку и звали во что-нибудь сыграть.

И в первые же дни стало ясно, что я теперь участвую во взрослой игре. Вокруг оказалось немало заинтересованных лиц, готовых говорить с перспективным пареньком на предмет дальнейшей раскрутки. По крайней мере, я видел происходящее именно так. Никогда не забуду девочку, которая подошла ко мне и с загадочным видом сообщила, что она — племянница Валерия Меладзе. Откуда мне было знать, сколько у него родственников?.. Я проникся новостью и с раскрытым ртом слушал увлекательные истории из жизни семьи Меладзе. Собеседница также не скупилась на обещания помочь мне «с промоушном». Впоследствии я понял, что она была такой же племянницей Меладзе, как я — сыном Кобзона. М-да, спасти от подобных «звездных родичей» могла только специальная широкополая шляпа, защищающая уши от лапши. Я был наивен и шляпы не имел.

Но это так, забавный казус. А вот действительно важным и знаковым моментом стала встреча с другой юной особой. Особу звали Аллой, и впоследствии она сыграла серьезную роль в моей жизни. Алла не участвовала в конкурсе, она просто отдыхала в Липках с родителями. И вот пришла на концерт, увидела неподражаемого меня и упросила родителей, чтобы они нас познакомили. В отличие от «племянницы Меладзе», Алла была очень скромна и в друзья не набивалась. Деликатно высказав мне свои восторги она осторожно добавила, что была бы не против продолжить общение. И может быть, даже пригласить меня в гости на какой-нибудь праздник. Мы очень мило поболтали, обменялись телефонами и адресами, и на этом наше знакомство несколько поугасло — до поры до времени.

Что ж, я приобрел несметное количество новых друзей, и с некоторыми из них дошел до самого финала. Надо сказать, что на конкурсе «Чунга-Чанга» из всего своего многочисленного репертуара я исполнял две вещи — «Самба белого мотылька» все того же Меладзе и «Горы Кавказа». Вторая песня — авторская, и ее, к сожалению сегодня знают очень немногие. Откровенно о говоря, никто не знает. Однако на конкурсе это не имело

значения — главное, что выбор композиций был удачен, и я заливался вдохновенным соловьем.

Но в последний день конкурса случилось страшное. Я простудился. Я потерял голос. Произошло это потому, что накануне я, в припадке безалаберности, отпраздновал удачное выступление, от души наевшись мороженого. Точнее, не от души, а от пуза, но сказалось это на горле. Проснувшись на следующий день, я обнаружил, что не могу вымолвить ни слова. Осип, охрип, как старый ворон. Вдобавок невозможно было глотать пищу: гортань саднила так, что хоть по стенам бегай.

Дело-то житейское, может приключиться со всяким. Весь кошмар был в том, что это случилось в день заключительного гала-концерта, традиционно даваемого участниками. А на концерт был приглашен Иосиф Давыдович Кобзон. То есть я [*неконтролируемый поток непечатных слов*] сотворил над собой такое [*продолжение потока*] в главный, по сути, день конкурса. Все, рубите мне голову...

Я лечился все утро, до самого концерта. По крайней мере, пытался. Добежал до медсестры, посидел с градусником и выслушал рекомендации: побольше молчать и пить теплый чай. Воистину, медицина конца двадцатого века достигла небывалых высот. Только природная скромность помешала мне воткнуть градусник в ухо ни в чем не повинной последовательнице Гиппократа. Про чай я, конечно, догадался и сам, а вот молчать категорически не мог. Каждые десять минут я проверял, не вернулся ли голос. От этого связки болели все сильнее, и голос еще больше садился — хотя сперва казалось, что больше садиться некуда. Такое со мной не случалось ни до, ни после этого дня.

АРТИСТ ДОЛЖЕН КАЙФОВАТЬ НА СЦЕНЕ, А НЕ ДЕЛАТЬ ОДОЛЖЕНИЕ САМОМУ СЕБЕ.

Вспоминать сам концерт мне тяжело и стыдно. Я вышел на сцену, как зомби. Пустой и мертвый. Пять лет репетиций и конкурсов, преодоление всех препятствий на пути в Москву и наконец мой шанс, финишная прямая!.. А я пою так, будто повесился на финальной ленточке, и меня только что вынули из петли.

Я раскрывал рот и сипел. Морщился, кашлял... Абсурдная ситуация — будто врешь и себе, и всем остальным. А у меня уже тогда была уверенность: доказывать, что ты чего-то стоишь, нужно только действием. Но не словами о собственной крутизне и о том, что ты вообще-то *можешь спеть,* да еще как. Можешь — пой. Не получается — пошел вон со сцены!.. И вот я сам попал

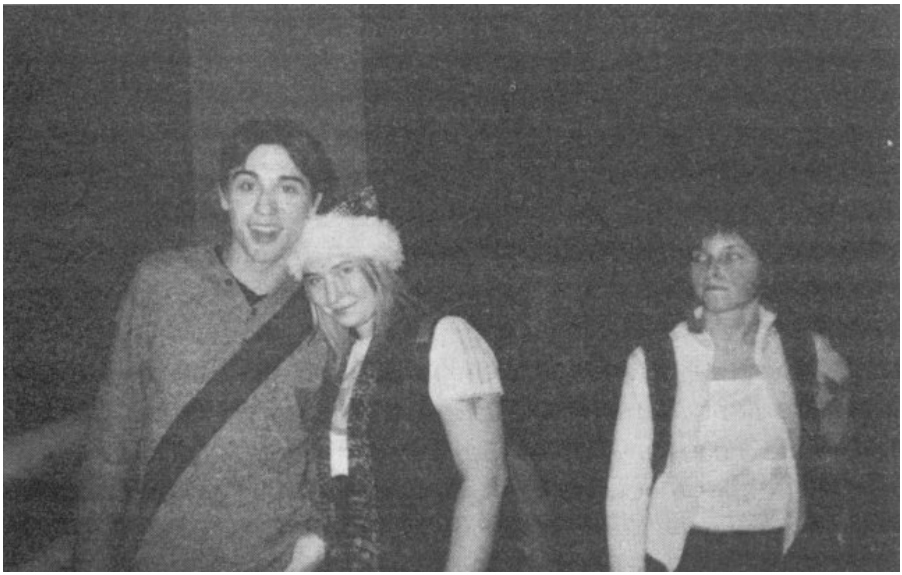
в положение человека, который всем своим видом заявляет: «Я бы спел, я бы так спел, что вы бы ахнули!» Ан нет, не поется...

Рядом с таким выдающимся человеком, как Иосиф Давыдович, я и вовсе хотел провалиться сквозь землю. А всего неделей раньше я бы прыгал до потолка, узнав, что буду петь в его присутствии.

Еще один удар по самолюбию — концерт шел как ни в чем не бывало. Остальные конкурсанты сделали вид, что они ничего не заметили... Что ж, так мне и надо. Получив грамоту об участии в конкурсе и золотой мини-глобус, я отправился восвояси.

Сегодня у меня сформировалось зрелое восприятия своих возможностей. Я понимаю, что надо себя беречь в чем-то ограничивать, взвешивать поступки и не выкидывать коленец. Но в 16 лет я был ребенком. Активным, целеустремленным, но все-таки ребенком. Заплатив, таким образом за свою детскую самоуверенность, я получил урок на всю жизнь. Тогда был мой первый по-настоящему серьезный конкурс, а спустя время для меня открылись и фестивали куда более крупного масштаба. И допусти я подобную ошибку на любом из них — моей карьере пришел бы, мягко говоря, конец. Поэтому — без сожалений, все к лучшему.

Я уезжал с телефонами конкурсантов в рюкзаке, но при этом в полной уверенности, что никто не обратил на меня внимания. Между тем за эти дни я поучаствовал в огромном количестве показательных выступлений, на меня сошла лавина обещаний — вплоть до предложения помочь устроиться в школу искусств в Нальчике. Все смешалось в моей голове — куда менее просторной, чем пресловутый дом Облонских. Я чувствовал себя измученным, выжатым, как лимон под прессом. В таком состоянии я и грузился в самолет.

ПЕРВЫЕ ПОКЛОННИЦЫ. 2002 ГОД

Меня провожали — Алла, ее мама и ее тетя. Моложавую маму звали Светой, и издалека ее легко было принять за сестру Аллы.

— Ты как-нибудь заглянешь к нам? — спросила тетя Света. — Если приедешь в Москву, заезжай обязательно, будем рады!

— Угу, — вежливо ответил я, — спасибо... Алла меня уже пригласила, так я обязательно...

Сказано было без особой уверенности. Вспомните, как чертовски просто мне было вырваться в Москву на конкурс. Вспомнили? То-то же.

Я погрузился в мягкое кресло, пристегнул ремень и отключился. А в Минводах меня разбудил бодрый голос бортпроводницы: «Мы приземлились в аэропорту...»

Глава 7
ЗДРАССТЕ, ПРИЕХАЛИ…

Возвращение витязя: классный час • Оценка конкурентов • Моя идея фикс • Просыпаешься среди ночи, хватаешь аккордеон и наяриваешь! • Телеграмма от новых друзей • «К северу, к северу, к северу едет поезд ночной из глубинки в Москву..»

В Майском у меня немного отлегло от сердца. Я прекратил напрасные самобичевания — сделанного все равно не вернуть. Мой строгий внутренний прокурор — тот, что замечает и осуждает даже несущественные для окружающих нюансы в моем поведении, — притомился и взял отгул.

Меня принимали с овациями — как героя и победителя. По такому случаю устроили классный час — и я восседал на первой парте, а из уст моих свободно лился поток слов. Московские приключения (недолгие) и впечатления (отрывочные) вставали

перед слушателями, подобно подвигам древних героев, изложенным умелым сказителем. Я демонстрировал соученикам знаки своего высокого исполнительского мастерства — грамоту и отливающую золотом статуэтку. И конечно, я благодарил благодетельницу Анжелу Арсеновну — напомню, мои регалии были получены при ее опосредованном участии.

К концу урока мне удалось впечатлить не только сверстников, но и себя самого. Отчасти это было правильно. Я рассуждал так: многие из участников нынешней «Чунги-Чанги» не первый год ездят на подобные конкурсы, для меня же это лишь дебют на большом мероприятии. Ребята в Липках были более подвижными и раскованными, и я взял это на заметку. Оценив уровень конкурентов в целом, я собрался и настроился на серьезную работу. И это ох как полезно! В жизни нужно равняться на лучших, затем — на лучших из лучших... И так далее, ибо нет предела совершенству.

ВЫПУСКНОЙ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЕ. С ДИРЕКТОРОМ ЛЮДМИЛОЙ ИБРАГИМОВНОЙ

У меня появилась еще одна мечта; она подстегивала и заставляла быть особенно активным. Я надеялся снова попасть в Москву, к *большой* музыке. В мои дальние планы входило поступление в ГИТИС или Гнесинку.

Я засыпал в наушниках, просыпался в них же, следил за новинками, старался заводить знакомства преимущественно среди музыкантов — особенно ценились на тот момент пианисты. Я заслушивался вещами Чика Кориа, Бобби МакФеррина, Уитни Хьюстон и завел себе нечто вроде архива — в шкафчике хранилась большая стопка кассет с концертами любимых музыкантов. Я был настолько в теме, что ни на что другое меня уже не хватало.

Мечту или, если хотите, страсть нельзя изобразить выдумать на ходу, нафантазировать. Она либо есть, либо ее нет. Если мечта есть, то она превращается в манок к которому стремишься, ради которого готов преодолевать уйму препятствий, даже если они порой кажутся непреодолимыми. И все для того, чтобы в один прекрасный день получить желаемое, увидеть эти краски. Это делает тебя счастливым Бывают периоды, когда ты сам устаешь от своей страсти, эмоционально выгораешь. Ведь у каждого — свой жизненный цикл с подъемами и спадами. Сегодня ты на пике эмоций, завтра — в яме, «отдыхаешь». Но движение вперед не прекращается.

Знаю, многие мечтают разбогатеть и упорно трудятся чтобы купить дом, квартиру, машину и далее по списку. При этом обычно думают: появятся вожделенные миллионы — и наступит счастье. Все это относительно. Конечно, кто-то может себе позволить красивый дом на берегу озера. Но если человек о нем не мечтал, он выйдет на крыльцо, посмотрит на озеро — и не увидит ничего особенного. Озеро как озеро. У домовладельца не появится ни одной мысли из тех, от которых захватывает дух и хочется летать.

Я это к тому, что важно выбрать такое дело, такую идею, которая заставит забыть про сон и аппетит. Чтобы нельзя было с уверенностью сказать, ты ли выбрал свое дело или оно тебя выбрало. А подобную идею не купишь.

Вот и я не думал о деньгах и не ждал материальных благ от будущего. Я лишь страстно хотел петь — и петь не просто здорово, а профессионально. А деньги? Деньги — как горизонт. Попробуйте-ка дойти до горизонта...

После конкурса «Чунга-Чанга» во мне что-то резко перевернулось. Я уже говорил об ответственности, которую я тогда ощутил, и о страсти, которая двигала мной, придавая сил. Сейчас я чувствовал кое-что другое... Дело в том, что музыкалка города Майского славится своими выпускниками. Многие из них поступали в лучшие музыкальные и театральные вузы Москвы. Так что я имел возможность получить хорошую рекомендацию.

Однако я попал в музыкальную школу поздно, и мне нужно

было закончить семилетку до окончания одиннадцатого класса. Ни мои красивые глаза, ни фестивали и награды, ни реверансы и заверения не заставили бы строгих педагогов музыкалки пойти мне навстречу и выдать аттестат с рекомендацией «просто так». Рекомендацию, как и диплом, необходимо было заработать.

Вот я и пахал. Занимался музыкой по несколько часов в день, распевался порой прямо в коридорах школы, особое внимание уделяя сольфеджио — поскольку я его не очень то любил, оно мне и не давалось. Я до такой степени углубился в это дело, что просыпался по ночам: снилось, будто я не могу запомнить какой-то аккорд. В полусне я хватался за аккордеон, выходил в холл, что-то подбирал и, успокоенный, ложился спать. Знал, что завтра обязательно исполню как надо.

Параллельно я умудрялся участвовать во всех городских музыкальных мероприятиях — делал программы, пел на фестивалях. Уже летом, непосредственно перед выпускным, мне довелось выступить у знаменитого 800-летнего Пушкинского дуба. А уж он-то стал свидетелем многих судьбоносных фактов в нашей истории — например, видел Дмитрия Донского, ведущего войско на Куликово поле. Вероятно, именно этот дуб был описан во многих произведениях великого поэта. У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том...

Впрочем, вернемся к событиям 98-го. За неделю до Нового года меня ожидал сюрприз. Прихожу домой, а мама на меня как-то хитро смотрит и говорит:

— Витя, тебе телеграмма пришла.

И подает мне плотный почтовый листок.

Телеграмма была от тети Светы. Это мама Аллы, помните? «Витя, не хочешь ли приехать к нам, встретить 1999-й?» А я как раз рвался в Москву — ознакомиться с условиями поступления в Гнесинку и пройти подготовительные курсы.

И вдруг- такая удача.

— Мама! — завопил я, прыгая от радости. — Меня приглашают в Москву! Снова!

А она только Руками Развела — Что, мол, тут скажешь.

— Мне кажется, рано или поздно мы все будем жить в Москве... — невозмутимо заметила Лена.

— Мам, можно я поеду?!

Спрашиваю, а сам точно знаю, что меня отпустят...

Роняя трубку от волнения, я набрал Аллин московский номер и заорал, не давая ей опомниться:

— Алла, привет! Конечно, я приеду!

И тут же засобирался. А на душе — благодать и предвкушение какого-то немыслимого счастья. К слову, это

случилось накануне дня моего рождения, но я даже не успел его толком отметить. Утром 24 декабря для меня устроили пир с поздравлениями, а вечером я уже погрузился в плацкартный поезд Нальчик-Москва. Это был самый дешевый вариант. Хотя все детство, лет до 10-11 я постоянно летал самолетами.

Я взял с собой записную книжку и всю дорогу писал слова из песни «Вера» Меладзе:

К северу, к северу, к северу
едет поезд ночной
из глубинки в Москву,
Спит проводник,
спят хмельные соседи,
я все уснуть не могу.
Тускло горят фонари у дороги,
где-то вдали завывает гудок,
Вот уже стало светать понемногу,
пасмурный будет денек.
Вера, ты одна осталась у меня...

В этот момент я — верил. И вера — пожалуй, то единственное, что я прихватил с собой. Я ехал и говорил себе:

«Да. Да. Пусть все будет хорошо». Записывал все это в блокнот, прибавляя: «Пусть все сбудется. Я так хочу». Если ты много думаешь о чем-то, записываешь это, вкладываешь жизненную силу в каждое слово — сбывается обязательно.

Последние сотни километров до Москвы поезд проезжал ночью, но я не мог сомкнуть глаз до утра. Боялся пропустить пробегающие мимо огни и сосны, которые слегка колыхались, окутанные студеной снежной пеленой. Заснеженные леса для меня были в диковинку. У нас-то в основном тополя да осины, перемежающиеся густым кустарником- зарослями из терновника и облепихи.

Мимо пролетали Черусти, Голутвин и Куровское — и я несказанно радовался тому, что состав несся без остановок: быстрее доедем.

Около шести утра поезд прибыл на Казанский вокзал. Константин и Светлана, несмотря на субботу — выходной день, приехали за мной на машине. С ними была и Алла — она же не могла пропустить такой момент!..

И тогда я почувствовал нечто...

Глава 8
КАЗИНО, ГНЕСИНКА И ТОМУ ПОДОБНЫЕ РАДОСТИ

Что я здесь делаю?! • Верный способ убить в себе мечту. Проверено миллиардами • Знакомство с маслинами: зубы в шоке • Новогодний фурор под музыку Билана • Я впервые попадаю в казино и остаюсь там до утра • «Я хочу работать с Айзеншписом» • Мое первое впечатление от Гнесинского училища

— Привет! Уже приехал! — сказал Алла как ни в чем не бывало.

Она явно была рада меня видеть.

— Привет, — осторожно ответил я. Подошел и почему-то стал трясти ей руку. Затем обратился к взрослым:

— Здравствуйте!

И столбом врос в землю, не находя, что еще прибавить.

— Витя, здравствуй!

Муж Светланы Константин протянул мне руку, и я как-то неловко, слегка нервно ее пожал.

Мы направились к машине. Шли молча, и все это время я задавал себе один и тот же вопрос в разных вариациях: «Какого фига ты сюда приперся?» Незнакомый город, незнакомая семья, все странно, непонятно. Что дальше будет — неизвестно. Чувство неопределенности пугало. Другое дело конкурс — там все было просто и последовательно. А здесь что? Совершенно посторонние люди, которых я случайно встретил на своем выступлении, пригласили меня к себе. Зачем? На праздник... И вот я здесь, в чужом городе. Боже, это все не со мной, это же бред...

Сейчас я могу сказать, что ощущение потери крыльев, взгляд на ситуацию со стороны прагматики — это, дорогие друзья, страшная угроза для мечты. Это ее смерть. Только что ты парил, все казалось доступным, досягаемым. Ты верил в мечту — и прикладывал усилия к ее осуществлению. И точно знал, что нет ничего невозможного. Но в следующий миг ты сказал себе: «Ну, нет, чувак, ты что. Спустись На Землю. Все это пустые фантазии, так не бывает». И волшебство рухнуло вместе с твоими планами. Была мечта — и не стало. Сам виноват: не хватило веры.

Ведь именно вера заставляет человека что-либо предпринимать. Без веры ты опускаешь руки и перестает двигаться. Говоришь себе: «О, зачем я буду напрягаться и что то делать, если все равно ничего не получится». А вдруг получится?! Нельзя же всю жизнь молить судьбу о выигрыше так и не купив лотерейный билет!..

Одним из купленных мной лотерейных билетов был описываемая поездка. Подчеркиваю: именно купленных. Потому что не окажись я на «Чунга-Чанге», не встреть я там Аллу, не прими с таким энтузиазмом телеграмму-приглашение — все было бы по-другому. Здесь очень много всяческих «если бы», но они, так или иначе, замкнуты на мне — «если бы я не сделал то-то...» А я сделал. Тем самым честно купив один из множества билетов жизненной лотереи. Это был случай, когда я не рассуждал, а принял то, что предложила судьба. Не искал подвохов, не задавался ненужными вопросами. Просто *поверил*.

Но вернемся к самой поездке. Итак, я сидел в машине, и мы ехали в Фили, где жили мои новые друзья. Мой ум был во власти черных сомнений. Пути назад не имелось — все, я уже загорелся и приехал, но теперь казалось, что я тем самым влез в некую загадочную авантюру...

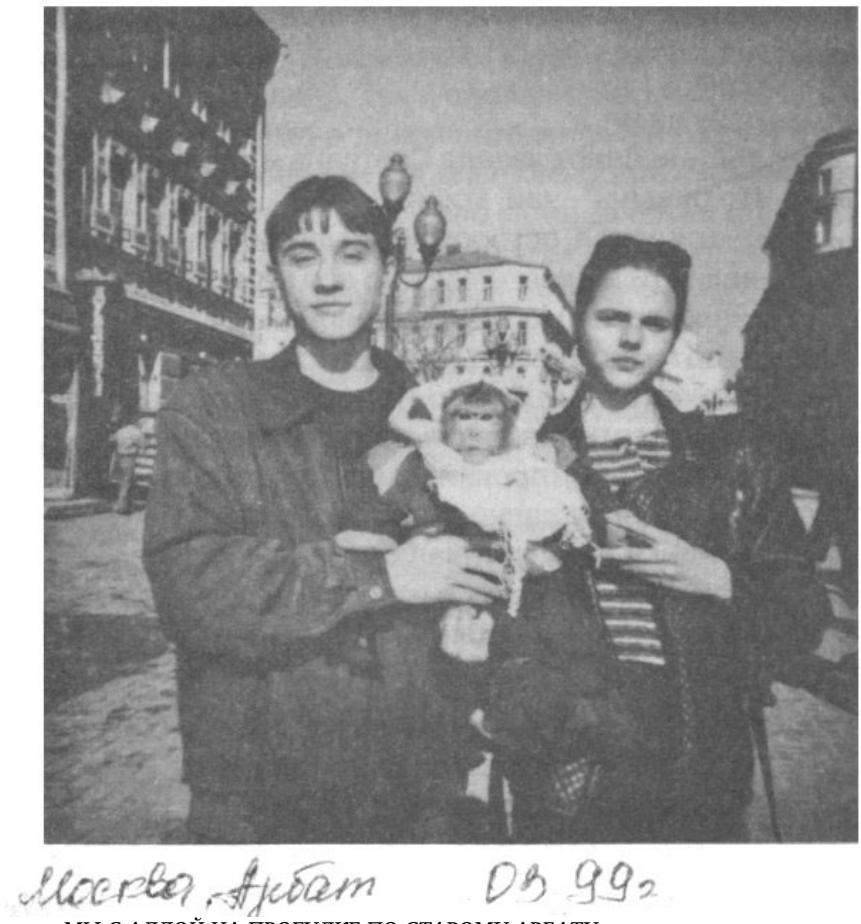
— Вот твоя комната, — сообщила Светлана, показывая мне уютную светлую комнатку с огромным окном, занавешенным белой шторкой. — Располагайся и приходи завтракать.

Я вошел, закрыл дверь, уселся на кровать и уткнулся лицом в ладони. Что я здесь делаю? В чужой квартире чужой семьи, в

чужом городе...

Однако опыт показывал: если я дрейфлю, то я, скорее всего, на правильном пути. Минут за пять я всесторонне обдумал ситуацию и решил махнуть на все рукой. Делай что должен, и будь что будет - древний проверенный метод.

Я вскочил и живо переоделся, чувствуя, как меня быстро заполняет решимость и энергия. В таком нарочито приподнятом состоянии духа я выскочил из комнаты.

МЫ С АЛЛОЙ НА ПРОГУЛКЕ ПО СТАРОМУ АРБАТУ

На кухне меня ожидал сюрприз — тарелка, доверху наполненная черными виноградными ягодами. Обрадовавшись такому деликатесу зимой, я бодро сунул руку в миску, зачерпнул пару штук и отправил их в рот. Но вместо ожидаемого сладкого вкуса я почувствовал на зубах нечто соленое — и это еще полбеды. От резкого жевательного движения

что-то громко и опасно хрустнуло. Я замер с гримасой на лице.

— Что такое? — участливо спросила Светлана.

— М-м-м, — промычал я, осторожно сплевывая в ладонь ягоды с крупными раскушенными косточками. — Что это?

— Маслины, — сказала хозяйка и засмеялась, — а ты что подумал?

— Я думал, виноград, — вежливо ответил я, опустив панические мысли о расколотых зубах.

— Нет, это маслины, мы все их очень любим.

Я смутился.

— Ни разу не ел...

— Эх, ты! — весело сказала Светлана и указала на стул.

Садись. Что будешь — чай, кофе?

— Чай, — ответил я, осторожно ощупывая языком свои несчастные челюсти. Удивительно, но все зубы были на месте.

Так началась моя московская эпопея.

Новый год мы встречали уже под мою музыку — и это, поверьте, был настоящий фурор. Я правильно сделал, когда взял с собой кассеты с записями собственных песен. Надо сказать, что Константин проявил живой интерес к моему творчеству. Узнав, что я уж давно рвусь поступать в Гнесинку, он, прослушав записи, посоветовал съездить туда еще на зимних каникулах, ознакомиться с условиями приема.

На следующий день после встречи Нового года, ближе к вечеру, компанией — я, Светлана, Алла и Константин — мы отправились в ближайшую к нашему дому гостиницу, где в то время располагалось казино.

Вдумайтесь в это слово — *казино!* — и представьте себе мальчишку из провинции, который второй раз в жизни ступил на московскую землю и про подобные заведения знал лишь понаслышке. Из фильмов, из книг и журналов. Думаю, что и из московских подростков того времени мало кто может похвастать посещением настоящего казино.

Так вот, меня туда привезли, я вошел и был совершенно ошарашен открывшимся великолепием. Мы потягивали коктейли и наблюдали за игроками. За другими столиками сидели прилично одетые люди — некоторые из них то и дело вскакивали в азарте и что-то выкрикивали. За столиками для покера народ вел себя спокойнее — там не торопясь перекладывали карты.

Словом, я приобщался к совершенно новому, непонятному мне миру, прикидывая, как бы я смотрелся среди этого праздника жизни.

Игру мы закончили под утро. На закуску Константин предложил переместиться ближе к центру города, в казино

несколько иного уровня. Так и сделали. Когда мы входили в помещение, то прямо в дверях столкнулись с группой людей во главе с человеком небольшого роста. Человек двигался с достоинством — он явно принадлежал к сильным мира сего и не считал нужным это скрывать. Процессия спустилась вниз, где ее ожидал шикарный лимузин. Люди погрузились и авто отчалило от подъезда, провожаемое подобострастными взглядами портье.

— Айзеншпис здесь тоже иногда бывает, — безучастно сообщил Константин, кивнув вслед отъезжавшему автомобилю. — Слыхал о таком?

Конечно, я слыхал! Я тут же живо представил себе, как моим продюсером становится Айзеншпис собственной персоной. После ночи в казино эта возможность показалась мне вполне реальной.

Вернувшись домой после столь бурного веселья, я сделал короткую запись в ежедневнике: «Я хочу работать с Айзеншписом». Написал и тут же свалился в кровать и сладко уснул, на время забыв о своем дерзком пожелании.

...По иронии судьбы именно в казино, спустя несколько лет, состоялся мой первый концерт под патронажем известнейшего продюсера Юрия Шмильевича Айзеншписа...

Назавтра после этой удивительной ночи мы с Аллой и тетей Светой съездили в Гнесинское училище — узнать, не вывесили ли информацию о приеме. Были каникулы, и Гнесинка пустовала. Но я все же проникся увиденным: огромное современное здание из стекла и бетона навевало мысли о чем-то вечном и фундаментальном.

Две новогодние недели московских каникул пролетели незаметно. Настало время прощаться.

— Ну что ж, — весомо сказал Константин, — ты уже определился с планами?

Он занимался недвижимостью, но имел некоторые виды на приобщение к миру шоу-бизнеса. Константин еще не делал мне никаких предложений, однако он явственно дал понять, что ему интересен и я сам, и то, что я делаю.

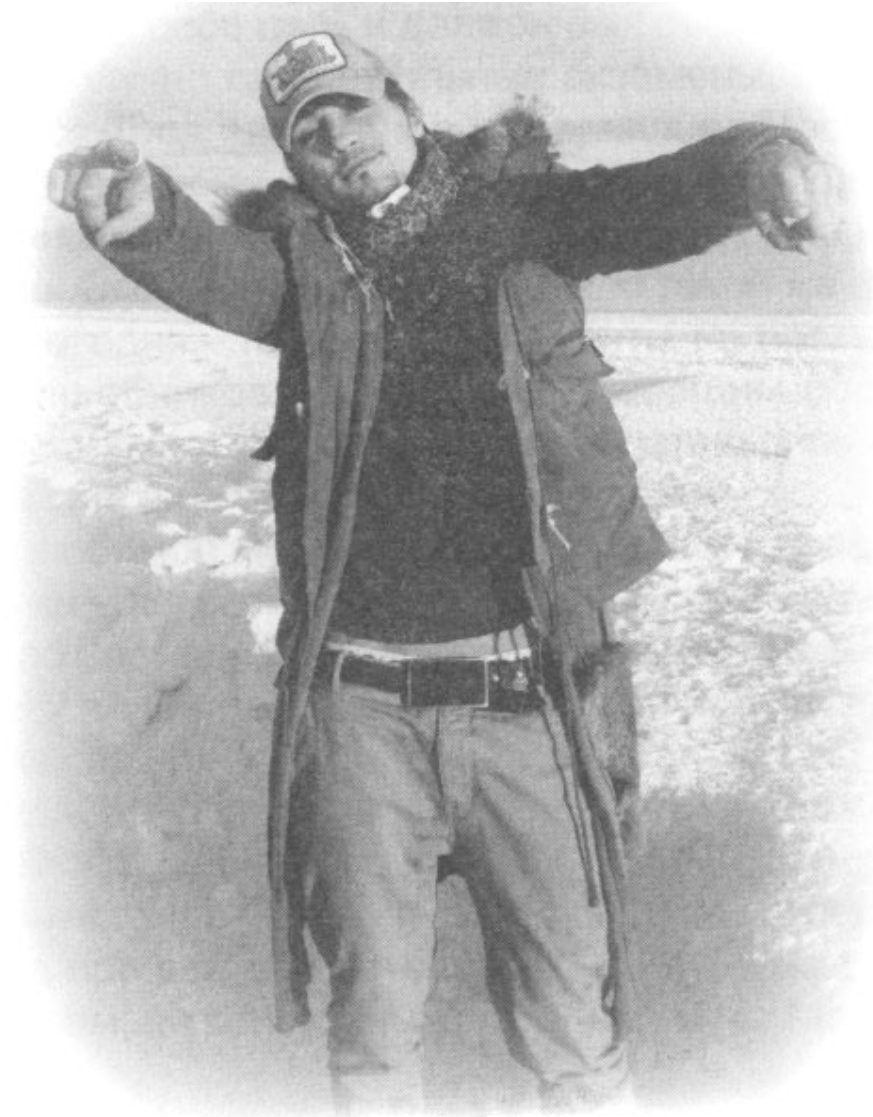
Я поспешил его обнадежить:

— Конечно! Я приеду поступать после окончания школы. Как вы считаете, у меня получится?

— Получится, — сказал Константин с улыбкой. — Безусловно.

Глава 9
ЭКЗАМЕНЫ В ГНЕСИНКУ

Бешеный ритм: подготовка-зубрежка, экзамены-документы, Майский — Москва • Тридцать человек на место • Автограф Киркорова на удачу и другие знаки судьбы • Если на экзамене вам некуда девать руки, машите ими, это помогает! • Мои чувства у списка поступивших

В очередной раз вернувшись в Майский, я с остервенением принялся готовиться к поступлению в Гнесинку. Я искренне верил, что должен быть там — другого пути просто нет. Я был занят с утра до ночи: обычная школа, музыкальная школа, студия в Доме культуры... Бесчисленные выступления, конкурсы, концерты... Я работал в бешеном ритме, но для меня он уже не был чем-то запредельным. Потому что я поставил себе цель и должен был ее достичь.

Благополучно сдав школьные экзамены, я задушевно попрощался с родными и вновь отправился в Москву. На сей раз — подавать документы в Гнесинское училище. Для

непосвященных добавлю, что поступить туда было не просто нереально. Это, мои обожаемые, было такой же фантастикой, как сегодня — подавать документы на поступление в школу волшебников Хогвартс. Отягчающим обстоятельством служило то, что до экзаменов оставались считанные недели, а мне еще предстояло подготовиться.

Мое любимое московское семейство — Алла, Света и Константин — встретило меня радушно. На следующий же день мы со Светланой поехали в Гнесинку узнавать подробности — как подавать документы, есть ли подготовительные курсы и как на них попасть.

Правда, одно время мне казалось, что я готов к экзаменам. Мое погружение в музыку было полным, и я не мог себе представить, что в человеческих силах подготовиться еще лучше. Не прошли для меня даром ни зубрежка сольфеджио по ночам, ни конкурсные выступления от Майского. Но московские требования — это совсем другое. Следовало быть в теме: представлять себе, что будет на экзаменах, знать, как вести себя, и постоянно ориентироваться на критерии оценки экзаменуемых.

Для меня все это было вдвойне тяжело — как человек темпераментный и несколько строптивый, я всегда был против подобных оценочных систем. Я вообще не любил чтобы меня оценивали. Не люблю и сейчас. Хуже всего, когда на человека лепят ярлык, не пытаясь понять его до конца. Ведь сегодня я сделаю что-либо одним способом, завтра все будет абсолютно по-другому. И что же, после этого я стану иным, противоположным предыдущему? Вовсе нет. Все тот же, просто система координат изменилась, захотелось попробовать что-то принципиально новое...

Меня записали на предварительное прослушивание — что являлось обязательным условием допуска как на подготовительные. так и на экзамены вообще.

И на второе прослушивание я попал в легкие руки Талины Ивановны, колоритной женщины, благоухающей невероятными пряными ароматами. Как всякая истинная представительница московского музыкального истеблишмента, она была харизматична и уверена в себе.

Обнаружив во мне несомненные способности, Талина Ивановна даже слегка расстроилась.

Я И АЛЛА. 2002 ГОД

— Честно говоря, не знаю, как вы будете поступать, молодой человек, — резюмировала она, покачав головой.— Надо было раньше озаботиться подготовкой к экзаменам. Я понимаю, что вы из другого города, но все же...

Словом, мне предстоял неравный бой за право учиться в стенах одного из лучших музыкальных заведений России. Судите сами: когда я пришел писать заявление в приемную комиссию, выяснилось, что таких желающих попасть на вокальное отделение по классу академического вокала — 30 (прописью: *тридцать!)* человек на место.

От этого открытия мне стало не по себе. Моя уверенность начала потихоньку улетучиваться. До этого момента я был охвачен непотопляемым желанием — приехать в Москву, стать студентом Гнесинки, а затем и профессиональным певцом, получить диплом, добиться серьезных успехов... Но теперь пришлось прокручивать в голове, что же я буду делать, если срежусь на экзамене. Я сжег мосты, объявив близким, что уже

практически принят, что все устроено и решено...

— «Никогда не сдавайтесь!» — сказал Уинстон Черчилль. Его девиз не раз пригодился мне в жизни. Если бы я испугался и забрал документы, вы бы сейчас понятия не имели, что есть такой человек...

Словно желая ободрить, синяя птица удачи несколько раз махнула крылом у меня перед носом. После чего я снова поверил в успех. Случилось это так.

Талина Ивановна прониклась ко мне человеческой симпатией и, во-первых, посоветовала обратиться к еще одному педагогу, который мог бы оценить мои шансы на поступление. Так я познакомился с Маргаритой Иосифовной, знаменитые ученики которой украшали собой оперные и эстрадные подмостки. Во-вторых, Талина Ивановна подробно рассказала мне, на что лучше делать упор на экзамене, какой репертуар подобрать и как себя вести в целом.

Нам с Маргаритой Иосифовной удалось выбрать для исполнения два романса и одну русскую народную песню. Надо ли объяснять, как сильно я волновался и как старался не пропустить ни одной рекомендации моей наставницы? Я занимался с ней почти каждый день — ездил и в Гнесинку, и даже к ней домой. Втихую я записывал ее слова на кассету и прослушивал их дома.

Незадолго до экзамена Маргарита Иосифовна подарила мне диск с автографом уже известного на тот момент Филиппа Киркорова — на удачу. Все это, конечно, вдохновляло.

***

В день экзамена я зашел в храм Вознесения Господня у Никитских ворот. Я поставил свечку Николаю Угоднику и попросил его о помощи в моих замыслах. Я стоял перед иконой и мысленно объяснял святому, насколько это для меня важно и как я буду благодарен Господу за безусловную милость его. Затем я вышел из храма и целиком положился на судьбу, ибо сам я уже сделал все что мог.

К моему счастью, в тот год на вокальное отделение теноров набралось намного меньше абитуриентов, чем по остальным тиситурам.[2] Это увеличивало мои шансы стать студентом — к слову об упомянутой выше синей птице.

И еще одно знаковое открытие: председателя приемной комиссии звали Виктором Николаевичем, как и меня. Он был старейшим педагогом Гнесинки. Светлая ему память! Виктор

Николаевич потерял руку на Великой войне, но это не мешало ему руководить вокальным отделением и растить талантливых воспитанников.

Естественно, что я сразу заметил совпадение. Нервничая, как акробат перед сальто-мортале, я переступил порог кабинета, где проходил экзамен, и, собравшись с духом представился:

— Белан, Виктор Николаевич!

Седой педагог с интересом взглянул в мою сторону.

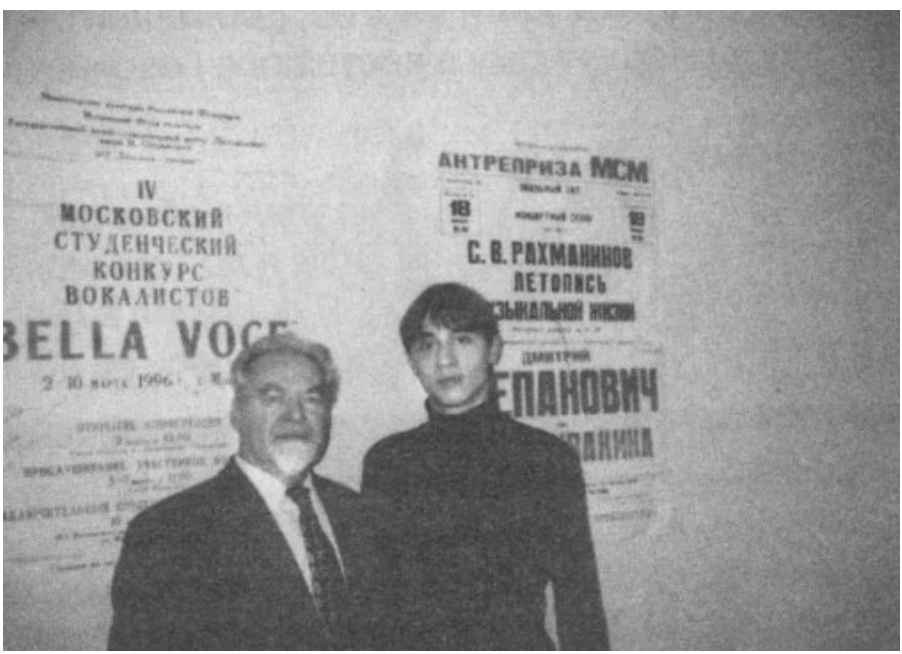
— Ну, здравствуй-здравствуй, тезка, — усмехнулся он и указал мне, где стать.

— Вас ведь тоже Виктор Николаевич зовут, — сказал я в волнении. — Наверное, это судьба, что экзамен у меня принимаете именно вы...

— Может быть, может быть, — ответил педагог, не прекращая улыбаться. — Давай посмотрим, что ты нам приготовил.

И я запел:

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую:
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.

С ВИКТОРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ СТУЛОВЫМ

Я пел и — очевидно, от нервов — эмоционально размахивал

руками. Мне это помогало, а вот приемной комиссии почему-то не нравилось.

Руками можешь не двигать? — спросил Виктор Николаевич, не прерывая романса.

От испуга я запел громче и замахал своими непутевыми конечностями совсем уж неистово. Педагогу пришлось дослушивать меня именно в таком состоянии.

Я вышел из кабинета с опрокинутым лицом. Пугая своим пепельно-бледным видом ожидающих очереди абитуриентов, я спустился вниз, где меня ждала Светлана. Она отвела меня к скамейке, усадила и только тогда осторожно поинтересовалась, как все прошло. Я почему-то кивнул и, кажется, сказал, что все в порядке... Были и другие экзамены. Музыкальная литература, сочинение, посвященное 200-летию со дня рождения Пушкина. В общем, не все так просто...

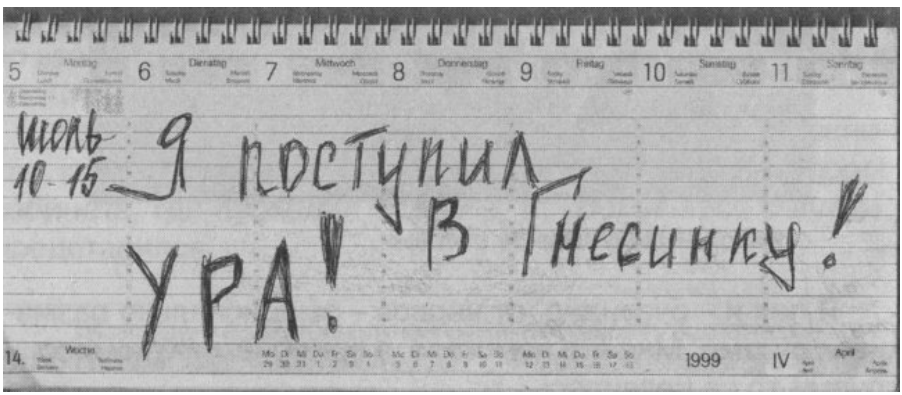
Всю неделю до их объявления от меня можно было прикуривать. А столичные комары, садясь на мою южную кожу немедленно сгорали, обдавая меня запахом паленой шерсти.

Но настал день, и я, как и многие, дрожащей рукой провел по листку, вывешенному в вестибюле Гнесинского училища.

Мое имя было в списке.

Оно там было! Странно, что я не упал в обморок — щемящего и трепетного чувства такой силы я до того момента не испытывал. *Неужели?.. Да, точно... я поступил в Гнесинку!!!*

Как хотите, а без Николая угодника здесь не обошлось.

Глава 10
СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ И ПЕРВЫЕ ЭСТРАДНЫЕ ОПЫТЫ

Что такое Гнесинка • Наша столовка: подносы с едой и нотами • Я, она и резоны ее родителей • Пора входить в шоу-бизнес! • Мои первые съемки и поедание насекомых • Я смотрю свой клип, или «Что это за парень?!» • Моя песня на MTV! • Кастинг в группу: «Делай сольную карьеру, ты не в формате!» • Я расхожусь с родителями Аллы и переезжаю

Современное здание Гнесинского училища, овеянное легендами, отшлифованное крылами витающих над его обитателями муз, — это огромный одиннадцатиэтажный корпус, доверху наполненный звуками, чувствами, мелодиями и неосязаемым духом студенчества. Первокурсники входят в Гнесинку с искрящимися от восторга глазами. Не веря своему счастью, они перепархивают из кабинета в кабинет, от преподавателя к преподавателю.

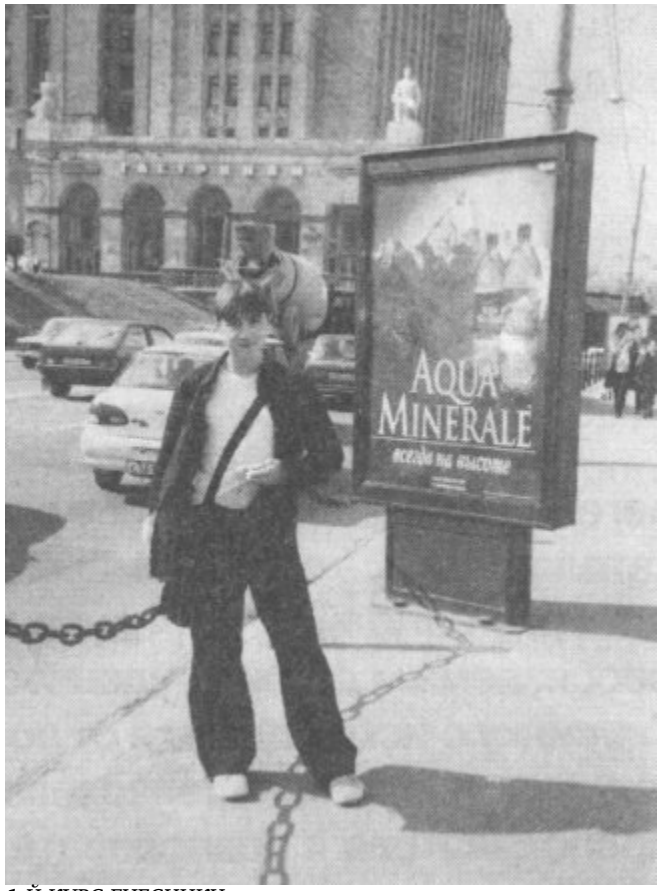
Занятия — с понедельника по пятницу плюс суббота. Предметы начинались с девяти-десяти часов утра и, с перерывами на отдых и самоподготовку, тянулись до девяти вечера. К девяти утра приходили не все, но это нормально. В 11.45 я, что бы ни

случилось, отправлялся на специальность — в это время в моем расписании значились индивидуальные занятия вокалом. Специальность проходила в классе № 49 с видом на Новый Арбат. Это было пафосное помещение с витражом в имперском стиле — сквозь цветные стекла можно было разглядывать Поварскую улицу и Верховный суд. Кстати, упомянутое здание суда позже не раз появлялось в моей жизни, причем в довольно зловещем качестве. Но для беззаботного студента оно выглядело вполне невинно.

Среди изучаемых предметов были: мировая художественная культура, ансамбль, хоровое сольфеджио, оперный класс, танец... Позже добавился итальянский язык, но это случилось лишь спустя два курса.

Обучение музыке не прекращалось даже в студенческой столовой, где мы болтали и репетировали часами. Со стороны это выглядело забавно. На столах в несколько слоев — ноты, поверх них подносы с посудой разной наполненности. А в воздухе — привычные ароматы столовки и непередаваемый гул спорящих и распевающихся студентов.

Между тем я по-прежнему дружил с Аллой и обитал в доме Константина и Светланы в районе Фили. Вот вы спросите: какой резон этим людям проживать с молодым парнем из Кабардино-Балкарии? Причем не просто жить с ним под одной крышей, а кормить, поить и одевать его?

1-Й КУРС ГНЕСИНКИ

Ответов может быть несколько. Во-первых, и Костя, и Светлана имели восточные корни, что как-никак подразумевает определенную степень гостеприимства. Во-вторых, им действительно нравилось мое творчество, и они понимали, что симпатичному талантливому юноше нужна поддержка в большом городе, а в одиночку ему будет ох как сложно. И в-третьих...

Алла мне нравилась. Ее родители видели и это, и то, что я сам нравлюсь Алле. Они старались не препятствовать развитию событий. Просто ожидали, что же будет дальше. Я, в свою очередь, оставался не по годам серьезным парнем — особенно если учесть, что мои чувства к Зарине окончательно не исчезли. Думал я примерно следующее: «Конечно, Москва и все ее прелести — это сказочно интересно, но мне нужно учиться». Из вольностей я позволял себе лишь подержать Аллу за руку на заднем сиденье авто, когда Костя вел машину — при этом мы делали вид, будто ничего происходит. Сердце бешено колотилось, адреналин бил голову но я все же не выходил за рамки.

Как показало время, с моей стороны это было предусмотрительно. Далее события развивались следующим об разом.

Светлана решила, наконец, начать мою раскрутку. Ведь я довольно часто говорил о том, что, раз уж так сложилось пора бы нам пробиваться в шоу-бизнес общими усилиями. И, чем черт не шутит, даже начать этим зарабатывать... Да мне хотелось движения — и одного поступления в Гнесинку в этом смысле было недостаточно. Училище — одно из средств достижения цели, но не сама цель. И вообще, разве Москва должна просто стоять, а я — смотреть на нее и облизываться?..

Костя был риэлтором, имел средства и полезные связи. Правда, с шоу-бизнесом его связи почти не соприкасались. Однако он, будучи опытным предпринимателем, мигом очертил тактику моей раскрутки: записать несколько треков и клип, затем пробивать это на радио и телевидение.

Мы окунулись в музыкальный мир, по незнанию и неопытности наугад находя студии, встречаясь с различными людьми — композиторами шансона и просто любителями-энтузиастами, которые обещали много, а могли мало. Нам неизменно говорили, что нужно записать песню, «качественный продукт, который обязательно появится на радио», но появится только благодаря связям наших собеседников. С таким же успехом можно было связываться с внеземными цивилизациями через дымоход. Направление верное, а толку нет. Правда, мы все-таки записали несколько приличных песен и выкупили на них права.

Вскоре судьба вынесла нас к студии звукозаписи «Союз», где мы познакомились с одним из независимых продюсеров. Продюсер *действительно* имел возможность пристроить хороший материал на радио и ТВ. Мы впервые почувствовали, что дело сдвинулось с мертвой точки...

***

Мой первый клип был на песню «Осень». Мы снимали его в Финском заливе под Питером, для чего отправились в Выборг, в гости к брату Константина. Брат Андрей, по-видимому, тоже занимался бизнесом — это было видно по антуражу нашей встречи.

С момента выхода из поезда я чувствовал себя, как в кино. Нас встречали по всем тамошних правилам — с охраной, с бронированными автомобилями, с эскортом. Процессия прибыла

в особняк, окруженный рвом, до краев заполненный водой. У ворот стояла охрана, а по двору бегали натасканные на ловлю чужаков собаки.

На следующий день мы приступили к съемкам клипа. Бюджет был небольшим, но режиссер Михаил Сигал умудрился в него уложиться. Да не просто уложиться, а проявить чудеса изобретательности и нашпиговать ролик самыми разными символами. От пианино и телефонных будок, стоявших на берегу Финского залива, до автомобиля с девушкой-моделью. По сюжету девушка так и не приехала на свидание со мной — машина сломалась по дороге. Небольшая роль досталась и Алле — в одном из эпизодов она шла от берега с массовкой.

Тогда я впервые понял, какова она, судьба киноактера. Хотя в целом съемки получились забавными. Они проходили ночью, на дворе был конец лета, и после заката становилось ощутимо холодно. Особенно когда от Финского залива дул северный ветер. На свет прожектора слетались насекомые. Они кружили вокруг нас, норовя залететь под рубашку, забиться в нос, рот, уши... Я шел навстречу световой пушке, и вредные твари неслись прямо на меня. Большие — наподобие саранчи, маленькие — типа гнуса и средние — вообще ни на что не похожие. А я шел на свет и пел. И конечно же наглотался насекомых. Не советую повторять это дома, было очень неприятно. Мясо я люблю, но не такое и не сырым...

Но это так, рабочий момент съемок. Главное, я остался доволен процессом.

ГНЕСИНКА. КЛАСС ВИКТОРА НИКОЛАЕВИЧА СТУЛОВА. Я С ОДНОКУРСНИКАМИ

По возвращении в Москву я не расставался с полученной пленкой. Так и не доверив никому свою драгоценность, я отвез ее на студию для монтажа. Затем я забрал готовый ролик и почти всю дорогу до своего временного жилища прижимал его к груди. Я ехал на метро, бежал по улицам и подспудно боялся, кабы чего не вышло. Ну мало ли? Меня могут ограбить или сбить мордой легковушки. Я могу упасть в раскрытый канализационный люк или случайно выронить кассету и неловко на нее наступить. И мир не увидит этого шедевра. Да что там мир, я не увижу! Свой первый клип! А уж это совершенно непереносимо... Я вцепился в футляр мертвой хваткой.

Ворвавшись в квартиру, я поспешно сунул видеокассету в магнитофон. Включил и посмотрел — первый, в одиночку, хотя собирался сделать это вместе со Светой, Костей и Аллой. Ну что ж... Не могу сказать, что я был очень уж доволен возникшим на экране Биланом. Позже я выяснил, что так чувствуют себя все начинающие артисты... Я не узнавал себя на видео! Что за ерунда, я же совсем не такой! .. Я смотрел, перематывал и снова сидел, уставившись на картинку. Когда я прокрутил клип раз двадцать, приехала Алла, затем появились Светлана и Костя. Мы посмотрели ролик вместе. Тоже отнюдь не один раз. В итоге мы все же решили, что работа — очень даже ничего, и ее вполне можно продвинуть на какой-нибудь музыкальный канал.

Правда, мы еще плохо понимали, как и куда можно пристроить видеоклип. С «куда» оказалось проще — мы просто

посовещались и пришли к выводу, что нам прекрасно подходит MTV. Но насчет «как»... Для начала мы просто отправили запись на канал — вовсе не будучи уверенными, что ее заметят и что она попадет в эфир. Каков же был сюрприз, когда нам сообщили, что ролик приняли к показу и будут транслировать в категории С!!![3] То есть раз в день — для ознакомления публики!..

О, как я ждал начала трансляции! Но в день, когда мой клип должны были впервые показать по телевизору, случилось нечто из ряда вон выходящее. Загорелась Останкинская башня! Тут уж озноб пробрал не только меня, мы все изрядно подергались. Я, правда, тогда не знал, что Останкино не отвечает за дециметровый канал MTV, поэтому скорее боялся за свой ролик — его могли так и не показать! Но постепенно я проникся и глобальным смыслом происшедшего. Останкино — символ Москвы и всего российского телевидения — могла погибнуть! В расстроенных чувствах я переключал каналы, пытаясь поймать новости. Я смог вздохнуть свободно, только когда сообщили, что пожар полностью потушен. Потом я услышал о жертвах и перед моими глазами пронеслись картины гибели людей в огне и удушающем дыму...

В итоге я пропустил показ своего первого ролика — мои мысли были заняты другим. Но позже клип показали вновь — несколько раз. И — ничего не произошло. Хотелось бы написать, что в одно прекрасное утро я проснулся знаменитым — вышел на улицу и меня стали узнавать прохожие... Но нет, этого не было. Похоже, что никто ничего не заметил. Поначалу в это было трудно поверить — я был преисполнен радужными надеждами, они поблекли и развеялись далеко не сразу.

Однако сидеть и смотреть, как жизнь проходит мимо, я не мог. Следовало действовать — хоть как-то. Я стал записываться на все музыкальные мероприятия и отборы, до которых мог дотянуться. Я ходил на кастинги и участвовал в тусовках. Из моих скитаний того периода мне особенно запомнился кастинг, проходивший в одном из московских клубов. Дело было днем, и на прослушивание собралась невероятная толпа молодых людей — подобных мне соискателей артистической карьеры. Шел кастинг; на смотр начинающих вокалистов собрались весьма именитые продюсеры.

Словом, до меня дошла очередь, а я взял микрофон и запел первое, что пришло на ум. Изначально эта вещь была на английском, а я исполнял ее, как вы понимаете, на не совсем привычном английском. Да ладно, главное, что от души.

— Послушай, — сказал мне один из продюсеров, — с такими вокальными данными тебе обязательно нужно делать сольную

карьеру.

В ответ на мой вопросительный взгляд он добавил:

— Но это немного не наш формат, извини.

Мол, давай, парень, пробуй сам. Конечно, с одной стороны, это была похвала, и я ушел оттуда окрыленный, вновь веря в светлое будущее. С другой стороны, это все-так отказ... Кстати, с тех пор роковое слово «формат» преследует меня повсюду. Это серьезный момент, испортивший жизнь многим поколениям артистов: иногда тебя ругают не потому, что ты плох. Просто ты — *другой.* А нужны *форматные.*

И вновь все осталось по-прежнему. Я продолжал жить у Аллы и ее родителей, а время тикало, и нужно было что-то делать. Я понимал, что мне нужна собственная история, что пора действовать самостоятельно. Также я чувствовал, что готов встать на ноги и стоять без посторонней помощи. Нужно было искать профессионального продюсера.

Вот так вышло, что мы с Костей и Светой сначала обоюдно решили начать совместную музыкальную деятельность, а затем постановили ее прекратить — и вновь по взаимному согласию. Расставание происходило плавно, без грусти, без надрыва. Было лишь понимание того, что времена, как и декорации вокруг нас, меняются, но дружба остается. Безусловно, эти почти два года жизни не прошли даром. И я был безмерно благодарен Косте и Свете за то, что они дали возможность мне, приезжему юноше, спокойно заниматься творчеством, постепенно вливаясь в столичную жизнь и не думая при этом ни о пропитании, ни о крыше над головой. Чуть позже я смог отплатить им добром — Алла не раз обращалась ко мне за помощью, и я помогал — с радостью и признательностью за все, что было.

Итак, начиналась новая жизнь. Я переехал в студенческое общежитие.

Глава 11
ОБЩАГА

Дом музыкантов • Общая страсть • Кстати о еде • Студенческий суп, рецепт • Простые радости • Мои заработки: клубы, корпоративы • Попытка кражи на почве голода • Моя студенческая любовь • Подробно о дружбе между мужчиной и женщиной

Для меня это веселое время было не просто этапом взросления. Это был период обзаведения друзьями — и отношения со многими из них сохранились на долгие годы.

Меня поселили в двухкомнатном номере с соседом (кстати,

когда я уже переехал, то узнал, что незадолго в той самой комнате убили какого-то парня. Вот так...). Двушка оказалась заметно скромнее квартиры Светы и Кости, но я был к этому готов. Так что перемена окружения меня лишь взбодрила.

Музыкальное студенческое общежитие здорово отличается от любого другого. Его обитатели транслируют в пространство вокруг себя гремучую смесь эмоций творческих карьеристов — молодых и еще способных всем показать. В общаге живут исключительно приезжие, не москвичи. И почти каждый из них явился в столицу, чтобы покорить этот огромный город. Все по-своему талантливы и все — втайне или явно — мечтают о звездных высотах. Поэтому из музыкального студенчества хлещет не только креатив, но и множество побочных чувств, которые появляются у человека, если он воспринимает окружающих как соперников.

В остальном жизнь студента Гнесинки традиционна. Вечное безденежье, галдеж, совместное разгильдяйство, поиск заработков... Главная проблема студента одна на все времена. Еда. Денег практически ни у кого не водилось, и мы ходили друг к другу в гости — поесть. Давали в долг и занимали, делились переживаниями, влюблялись, расставались... Все это — на фоне одной общей страсти, которой была *большая музыка.*

Кстати о еде. В студенческой столовой Гнесинки работала наша спасительница — повар, которая могла запросто ссудить кому-то из студентов немного булочек в долг, за свой счет. Если вы бывали в шкуре безденежного дона, то знаете, что деньгами подобных вещей не из мерить.

В самой общаге было принято делиться всем что есть в заначках. Кому-то прислали родители, кто-то сам заработал. В таких условиях кристаллизировалось наше студенческое братство, и находились те люди, которых я теперь могу назвать своими друзьями, на которых могу положиться. Катя, Юля, Серега, Алексей, Игорь...

Друзья...

Дружба для меня ассоциируется прежде всего со взаимопомощью. Еще одно хорошее слова о дружбе — это слово «вместе». Знаете, каков был наш любимый суп? Сборная солянка из всего, что нашлось в тумбочках и холодильниках как можно большего числя студентов.

...хм, заговорив о студенческой дружбе, я опять съехал на еду. Впрочем, ничего удивительного...

Итак, рецепт совместного супа. Я бы даже сказал не рецепт, а *история создания.* Берется пакетик обыкновенного сухого супа... Такие супчики часто водились у Сережи, ему присылали

родители. Поэтому пакетик берется у Сережи... Потом кто-то из соседок тащит картошку. Если имелось мясо или его аналоги, это был праздник. Аналоги — колбаса или сосиски — периодически появлялись у студента Вити, то есть у меня. Правда, шикануть таким образом удавалось лишь после какого-нибудь корпоративного заказика... Затем вся собранная по общаге роскошь сваливается в огромную кастрюлю с водой и отваривается. После чего картошку можно растолочь — получится суп-пюре с колбасными кусочками. Или с еще какими-нибудь кусочками, как повезет... Сготовив, мы уминали это всем этажом — причем, напомню, такой суп считался праздничным блюдом. Это был фактически пир на весь мир — с народными гуляньями, с цыганами и медведем... Праздники поменьше устраивались индивидуально и ограничивались лапшой быстрого приготовления. Ее, как и всякую еду, мы тоже любили.

А какими необыкновенными в ту пору казались моменты простых житейских радостей! Например, просмотр кинофильмов и видеоклипов. Так как телевизора у нас не было, мы одалживали его вместе с видеомагнитофоном у кого-нибудь из соседей «побогаче» — на вечер. У других брали видеокассеты — сразу семь-восемь штук, общаговское переходящее красное знамя. Их обычно выменивали на сигареты. Вот это были вечера! Кассеты смотрели до победного конца, всю ночь напролет. Умри, студент, но досмотреть обязан!.. После этого воздвигнуться на утреннюю лекцию не представлялось возможным. Иногда мы героически доползали до училища часам к одиннадцати.

Ребята на нашем курсе были разные, и я тесно общался далеко не со всеми. Мы вместе гуляли, ходили на концерты в Большой зал консерватории, постепенно сближаясь. Но самое сокровенное, что, наверное, нужно просто почувствовать, происходило все же за стенами училища.

Именно в общаге удалось проникнуться и до конца оценить помощь московских друзей. Например, Катя периодически подселяла к себе кого-то из оголодавших ребят и вместе с родителями их подкармливала.

Вообще, музыканты — народ ранимый и не склонный к коммерции. Только задумался, размечтался о высоком — бац, к вечеру обнаруживаешь, что кушать уже нечего. Жестокая реальность заставляла постоянно искать возможность заработка. Конечно, мы не метались лихорадочно в поисках еды, но было очевидно, что шевелиться нужно быстро. Чтобы музыка могла не просто радовать душу но и питать тело.

Каждый зарабатывал как мог. Серега играл на флейте в метро. Я пел на корпоративах и в клубах. Их я посещал с

завидной регулярностью — именно в поисках заработка, а не как все нормальные люди. Не могу сказать, что эти доходы были постоянными. Пел в КВН, периодически устраивался на работу, но долго на ней не выдерживал — совмещать ее с учебой было невозможно. Приходилось вертеться. Иногда осуществляли и лизинговые операции. Объясню. У нас в комнате был телевизор. Мы сдавали его в аренду. За еду...

Если у кого-нибудь из ребят появлялись деньги или продукты, это быстро делилось между соседями, ибо кто-то из нас обязательно был на мели. Случалось, что денег одновременно не оказывалось ни у кого. Типичная ситуация: в кармане ни копейки, а следующий корпоратив только через неделю. И тогда...

Страшно сказать, я однажды едва не украл булку. Дело было так. Мы с Серегой ездили на очередное собеседование и на обратном пути увидели перед магазином лоток с хлебом. Булки, батоны, буханки, плетенки — все это лежало на виду и источало аромат, от которого скручивало желудок. А нас обоих томило то требовательное чувство молодого организма, когда он... э-э, давно не жрамши.

Деньги? Какие, право, деньги! В последний раз я видел их давно и мельком.

Я потоптался вокруг лотка, надышался еще больше и подошел к симпатичной продавщице. На языке почему-то вертелось только «Как пройти в библиотеку?».

— Привет, — сказал я, поражаясь своей находчивости. — А подскажите, как... м-м... вы всегда здесь торгуете? Каждый день?

— Ну да, — ответила девушка.

— Знаете, я вас увидел и сразу понял... — продолжал я, глядя на ближайшую буханку, — вы такая красивая, такая милая! Мне вдруг пришло на ум... вот это, из Ахматовой:

Быть веселой — привычное дело,
Быть внимательной это трудней...
Или томная лень одолела
После мартовских пряных ночей?

Девушка сперва улыбалась, но после Ахматовой посерьезнела.

— Слушай, я все поняла, спасибо, — сказала она,— только шел бы ты отсюда, парень. Ты мне работать мешаешь. Она почему-то покраснела.

— Ну ясно, — вздохнул я.

Я осознал, что мошенник из меня никудышный а чужую булку я не возьму и под дулом пистолета. Поэтому сказал прямо

и честно:

— Девушка, вы знаете, очень хочется есть. А до вечера еще далеко...

Выпалил смотрю на ее реакцию. А у самого от стыда уши горят.

— Так бы сразу и сказал! — засмеялась продавщица. — У меня сегодня хорошее настроение — на, держи батон, угощаю!

Девушка взяла с лотка булку хлеба и сунула ее мне в руки.

— А теперь правда, отойди, не мешай, — добавила она. — У меня покупатели.

Мы с Серегой повернулись к лотку спиной и зашагали плечом к плечу, отламывая куски от теплого фантастически свежего батона и на ходу запихивая их в рот. Так и жевали, сгорая от стыда.

— Докатились, — мрачно подытожил я, когда от хлеба ничего не осталось.

— Но есть-то хочется... — вздохнул Серега. — Считай пожрали авансом.

Весь остаток дня прошел в тяжелых раздумьях. Через пару суток я постучался в дверь к Сереге.

— Слушай, неудобно-то как. Мне кажется, нужно съездить, отдать девчонке деньги, у нее же вычтут...

— Ты прав, — сказал Серега, — только у меня голяк. Я пока вообще ничего не заработал.

— У меня есть. Поехали?

Мы прибыли на «Полежаевскую», но лотка на месте не оказалось. Зато рядом с метро просила милостыню бабулька с самым что ни на есть разнесчастным видом. Мы зашли в магазин и вышли оттуда, гордо неся перед собой йогурт и батон хлеба.

— Бабуля, держи, — сказал я и стал торопливо совать продукты в сухенькие руки старушки.

Та в первый момент оторопела от такого напора. Но следом за этим на ее глаза навернулись слезы, она неловко притиснула булку к груди, а йогурт запихала в черный целлофановый пакетик — она держала его в руках, и видимо, складывала туда подаяние.

— Ой, спасибо, спасибо, ребята, дай вам Бог здоровья, — растроганно прошептала она.

А мы уже неслись вниз по лестнице, торопясь и перепрыгивая через ступеньки, пока, наконец, метро не приняло нас в свою утробу.

***

В общежитии со мной вновь случилось то большое и прекрасное, ради чего стоит жить.

Меня всегда тянуло к девушкам, которые как-то выделялись из общей массы. Внешним видом, манерой разговора, мировоззрением... И Настя Матвеева была именно такой — *выделяющейся.* Она носила потрясающие прически, постоянно экспериментировала со своим имиджем, периодически перекрашивала волосы в невероятные цвета. Словом, я просто не мог ее не заметить. А заметив, втюрился по уши. Звучит не очень серьезно, скажу иначе: я действительно влюбился. Очень сильно.

...Когда нам надоело просто встречаться, мы поселились вместе в одной комнате и зажили почти семейной студенческой жизнью.

Мудрые люди считают, что любовь в самом высшем ее понимании проявляется в том, что ты служишь любимому человеку. Бескорыстно, беззаветно, а порой даже безответно.

В ОБЩЕЖИТИИ. СУШУ КРОССОВКИ

На что я только не был готов ради своей любимой! Я встречал ее из училища, мыл полы и посуду, ходил в магазин за продуктами, варил обеды. И был счастлив от того, что рядом со

мной такая замечательная девушка; я дорожил ею и обожал ее. Мне доставляло радость ухаживать за ней и видеть ее благодарную улыбку.

Настя заметно отличалась от меня по складу характера. Талантливейшая скрипачка, она жила музыкой, занималась с утра до вечера, репетируя и с головой погружаясь в волшебные звуки. Она оказалась лишена всяческого тщеславия, ею не двигали карьерные помыслы, она не стремилась продвигать себя и карабкаться вверх по лестнице успеха. Это ее свойство очень подкупало. Мне нравилось, что рядом со мной находится кто-то с совершенно иными мыслями в голове — иногда, возможно, слишком странными для меня, но такими живыми. Хотя в глубине души я понимал, что эти отношения, по всей вероятности, обречены. Именно из-за несоответствия наших жизненных устремлений.

Но, что бы я себе ни думал, подобные мысли отфильтровывались и уходили в отсев. Наш разрыв оказался внезапным...

Настя не любит вспоминать о том, что произошло. Мы приняли это непростое решение и, понурые, разъехались по разным комнатам общежития. Некоторое время мы старались не пересекаться, затем потихоньку начали общаться снова. А вскоре и вовсе сдружились. Мы были молоды и потрясающе легкомысленны, поэтому не вполне серьезно воспринимали происшедшее между нами.

ДРУЖБА И ЛЮБОВЬ НИКОГДА НЕ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ. ХОТЯ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ СЕРИИ

Расставаться нужно так, чтобы не причинять друг другу боли. Нет смысла наносить близкому человеку раны, которые невозможно будет залечить. Ведь самые тяжелые травмы — те, что достаются от любимых. От людей, которые знают о тебе все — мысли, мечты — и, как следствие, видят самые уязвимые места. В таких случаях важно вовремя остановиться и остановить бывшую половинку. А еще важнее — не выносить на всеобщее обозрение то, что должно быть известно только двоим.

Не всегда, далеко не всегда кто-то виноват в разлуке. Чаще бывает так, что время расстаться приходит само собой. И ты шагаешь вперед, вдаль, сохраняя в сердце нежность и ласку — воспоминания о человеке, с которым многое пережил. Для меня очень важно оставлять после себя добро.

Мы с Настей общаемся и по сей день. Она бросила профессиональную карьеру скрипачки и погрузилась в шоу-

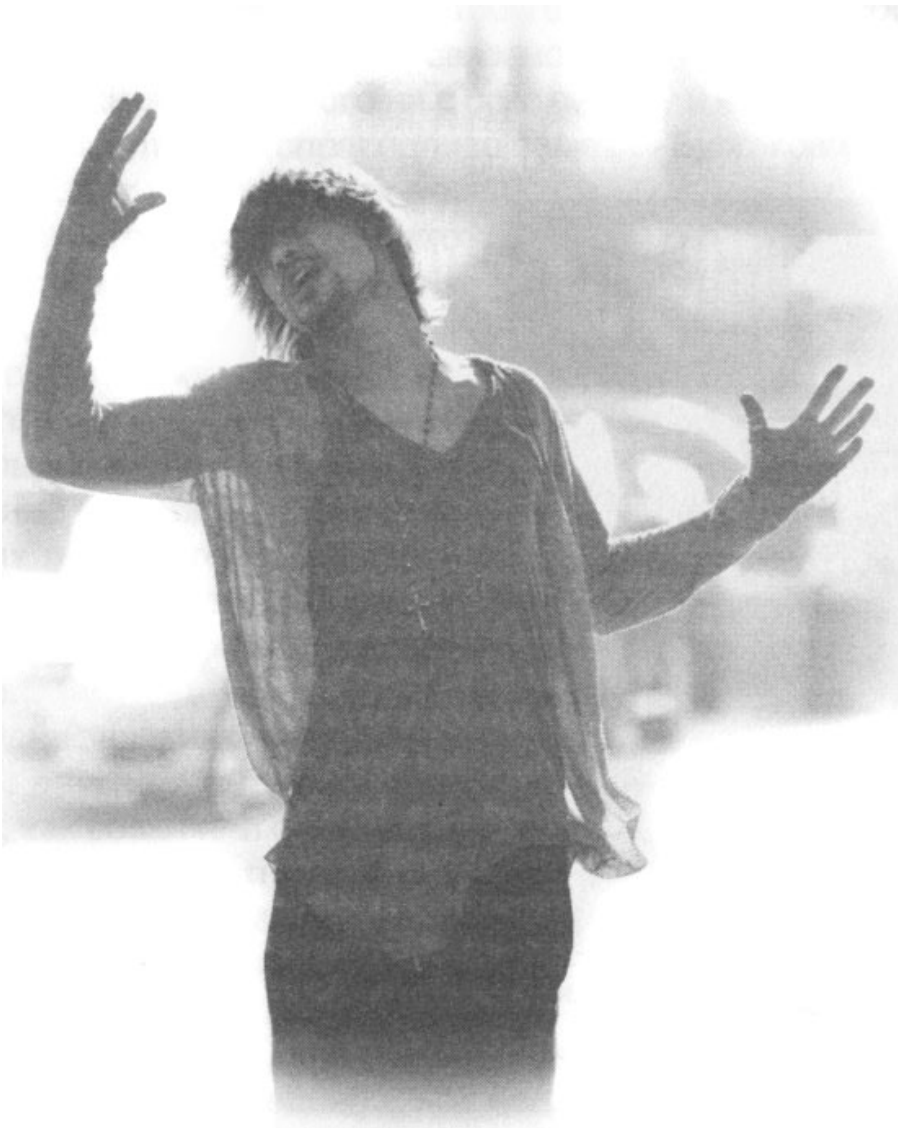
бизнес — занялась продюсированием, продвигает собственный коллектив. Сейчас Настя вышла замуж и переехала в Европу, куда я иногда приезжаю ее навестить. И я знаю, что там у меня есть отличный друг, к которому я всегда могу обратиться. И это взаимно.

Я дружу со своими бывшими девушками. Как и с женщинами вообще — потому что в этом нет ничего странного или противоестественного. Напомню, мы живем в мире людей. Все лучшее в нашей жизни происходит только потому, что рядом есть кто-то, кого можно любить, с кем можно сотрудничать, для кого можно жить. А с женщинами можно еще и вести молчаливые диалоги — например, усевшись где-нибудь в парке на скамейке. Или в другой обстановке за бокалом вина. Можно позвонить друг другу и, занимаясь своими делами, слушать тишину, когда на том конце провода тоже играют в молчанку, просто наслаждаясь присутствием потенциального собеседника.

Люди живут условностями. Изобретают некие «правила жизни», отгораживаются от окружающих придумывая себе круг общения или кланы, что еще хуже. И шаг в сторону становится побегом, после которого — ах-ах! — «ты нам чужой». А я не устаю повторять, что все мы просто люди — не столь важно кто; главное — какие.

Глава 12
СПОЙ. СТАНЦУЙ. YES!

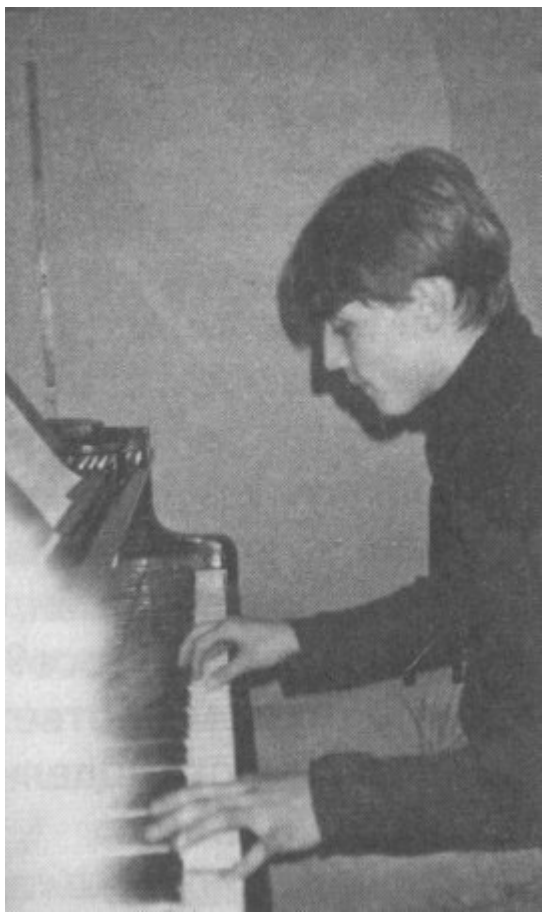
Занятия вокалом и знакомство с Сашей Савельевой • Экзамен по аккомпанементу • Конкурс на обложку • Случайная встреча с неслучайным продюсером

Я могу абсолютно точно сказать, что случаи, которые люди часто называют везением, на самом деле закономерности. Ей-богу, не бывает такого, чтобы с человеком произошло событие, которое совсем не связано с его прошлыми действиями. «Кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на Голову не свалится», — справедливо заметил Булгаков устами Воланда. Вот и с удачей так же. Она достается только тому, кто давно прикладывает усилия к достижению своей мечты.

Но все по порядку.

Итак, учеба в Гнесинке — это не только занятия вокалом, но и изучение большого количества других предметов. Сольфеджио, гармония, теория музыки, актерское мастерство, хоровое пение...

БУДНИ В ГНЕСИНКЕ

Одни занятия были групповыми, другие — индивидуальными, как вокал или фортепиано, на которые я приходил к преподавателю в одиночку в строго определенные

часы. Фортепиано у меня вела замечательная, женщина воспитавшая немало хороших музыкантов, — Ирма Мамедовна. Как педагог она была строга и требовательна. Я был у нее единственным учеником с нашего курса. Просто так сложилось. Саша Савельева тоже была единственной с курса «Руководитель народного хора».

В конце второго курса и я, и Саша сдавали экзамен по аккомпанементу — а я, кроме того, сдавал в этом же классе фортепиано. Саше нужно было выбрать вокалиста, разучив с ним песню и исполнить на экзамене ансамблем. Ирма Мамедовна, разумеется, кивнула в мою сторону.

— У меня занимается замечательный вокалист, Витя Белан, — сказала она Саше. — Приходите ко мне в одно время, я вас познакомлю, и вы подумаете, что будете вместе петь.

Саша согласилась. Так мы и сошлись. Вообще я встретил немало интересных людей именно в процессе сотрудничества. Некоторые из них впоследствии стали моими хорошими друзьями.

— Ну вот, — проговорила Ирма Мамедовна, представив нас друг другу. — Выбирайте, что вам больше нравится, что по душе... Вы тут договаривайтесь, а я пойду по своим делам, не буду вам мешать.

Ирма Мамедовна жила недалеко от училища, как раз напротив Белого дома, и периодически за чем-нибудь отлучалась. Разумеется, это было на руку ее ученикам. Лично я, например, не раз бывал у нее в гостях — заходил за нотами, что-то разучивал во внеучебное время.

Едва за ней закрылась дверь, как мы оба разом перестали быть серьезными.

— Ты на каком курсе? — спросил я у Саши.

— На втором, — ответила эта сероглазая блондинка с внешностью фотомодели. — А ты?

— Тоже второй.

Слово за слово, мы выяснили друг о друге все — кто чем увлекается, какие планы на жизнь имеет... Тут же обнаружилось, что нам обоим нравится современная музыка, мы обсудил исполнителей и сошлись на том, что Уитни Хьюстон королева поп-музыки, голосище всех времен и народов, а Билли Холидэй бесподобно умеет передавать оттенки эмоций. Впечатлений было много, и обменяться ими до конца мы в тот день не успели.

Довольные друг другом, мы наконец приступили к выбору музыкального произведения. Ирма Мамедовна сама делала переложения для фортепиано, поэтому даже привычные всем вещи у нее звучали довольно экзотично.

— А вот неплохая песня, — сказала Саша. — «Снова замерло все до рассвета» в эстрадно-джазовой обработке.Витя, как тебе?

— Вообще, мне нравится. Как раз хорошо ляжет на голос.

На следующий день Ирма Мамедовна принесла ноты, и мы с Сашей принялись репетировать, периодически прерываясь для обмена эмоциями.

Самое прекрасное в этой девушке было то, что она работала над нашей общей песней буквально до самозабвения — то есть столько, сколько надо. Мы по нескольку раз перепевали один и тот же куплет или даже такт, обсуждали, что получается хорошо, а что нет, вносили изменения, дополняли мелкими штрихами. Я видел, что Саше приходится нелегко, ибо концертмейстер (человек, который аккомпанирует певцу) должен, помимо хорошего владения инструментом и знания нот, еще и прислушиваться к исполнителю. Но она очень старалась.

— Знаешь, — говорил я ей в один из таких дней, — Мне кажется, что мы еще не раз встретимся в будущем — на большой сцене...

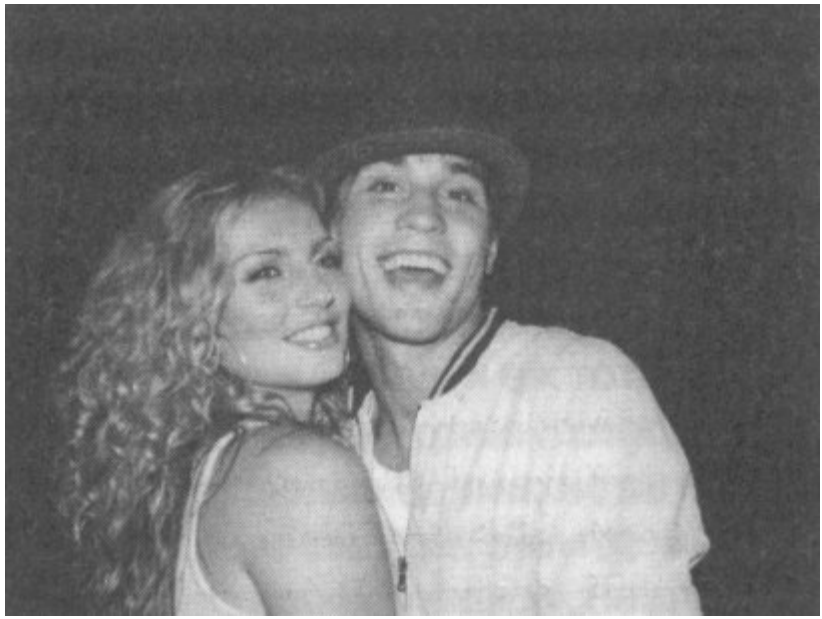
Саша была того же мнения.

Это первое из отступлений, в которых обо мне рассказывают другие люди. Впрочем, иногда не совсем обо мне — скорее о нашем с ними сотрудничестве и о ситуациях, в которых оно происходило. Друзья, коллеги и просто знаком — словом, те, кто видел меня не только на сцене, а в учебе, роботе и быту. Не все же вам одного меня слушать, правда? Полезен и взгляд со стороны. Он мгновенно превращает моно в стерео. Вот такая у нас будет книжка — со стереоэффектом.

Саша Савельева, певица:

Димка — хороший друг. Только времени очень мало на общение. Поэтому, к сожалению, часто видеться не выходит. Когда он был на «Евровидении», я очень сильно пере живала за него — и первый раз, и второй. Я помню, как мы встретились через две недели после «Евровидения-2006» — он приехал такой уставший, замученный, делился впечатлениями и ощущениями от конкурса. Мы разговаривали часа полтора, и такие моменты дорогого стоят. Я за него очень рада.

Он человек внимательный — в этом году его не было на моем дне рождения, но он прислал цветы. Такие мелочи очень ценны. Я могу сказать, что у нас сохраняется хорошая дружба, потому что дружба не исчисляется тем, как часто вы видитесь, перезваниваетесь, переписываетесь, поздравляете друг друга. Это что-то выше.

С САШЕЙ САВЕЛЬЕВОЙ

Наверное, все взрослеют. Минул довольно большой отрезок времени — 8 лет, а Дима всегда шел вперед, и он продолжает это делать. Это замечательное качество. Конечно, он отличается от того мальчика, с которым я познакомилась... Димка все такой же подвижный, но в нем появилась стать. Как бы это сказать более литературно... над ним витает ореол состоявшейся личности. Это важно, но главное все же не потерять себя, оставаться собой. На концертах я часто замечала, насколько хорошо он говорит между песнями о своих эмоциях, ощущениях, мыслях. И я слышала не просто заученный текст — его слова шли от души...

Дима большой профессионал, и мне понравилась наша совместная работа. Я все время с ним советовалась: «Как тебе кажется, нужно так или эдак?» Для меня-то работа в коллективе — дело привычное, но для него петь дуэтом — немного необычно. Он все время говорил, что ему это интересно, поскольку в дуэте нужно слушать друг друга. Мне кажется, Дима остался доволен результатом.

Готовился к экзаменам я самозабвенно. Многие из тех студентов, которые страстно желали стать профессиональными исполнителями, брали уроки дополнительно. Я — не исключение. Большая удача, что со мной согласилась заниматься Маргарита Иосифовна — она воспитала многих звезд, например Сергея Захарова, и я ей тоже почему-то приглянулся. Она считала меня

очень перспективным учеником, одним из лучших. Таким образом, каждый из моих преподавателей — и Виктор Николаевич, и Маргарита Иосифовна — вносил в мое обучение свой бесценный опыт. Я впитывал его как губка — стараясь не упустить ни одного замечания или комментария.

В итоге мы великолепно подготовились к экзамену, и закономерной платой за наш труд стала заслуженная Сашина «пятерка». Получилось весьма креативно — я не просто стоял и пел, отрабатывая свою партию, а исполнил настоящий эстрадный номер, немножко схулиганив и добавив в свой академический вокал нотки джаза.

После этого эпизода мы с Сашей подружились — частенько общались, вместе куда-то ходили, обсуждали новости. Правда, я не могу сказать, чтобы мы были прямо «не разлей вода». Я-то жил в общежитии, а Саша — в московской квартире, поэтому мы общались в основном в училище.

И тогда что-то между нами проскочило. Мы оба это за метили и стали пошучивать: а вдруг мы станем семейной парой? Представляли себе подобный союз и смеялись чего только в жизни не бывает. Оба мы тогда с кем-то встречались — не знаю, был ли кто-то у Саши, но у меня точно была девушка. Поэтому нас связывали скорее общие интересы — фанатичная направленность всей жизненной энергии в одну точку — к музыке.

В то время я уже сотрудничал со студией «Союз». После занятий в училище я мчался на репетиционную базу, где тоже занимался вокалом. В общем, в моем графике вокал был и до обеда, и после обеда. Я периодически ходил с сорванным голосом, хрипел и сипел, но в нужные моменты включался и выдавал своего рода квинтэссенцию умений и возможностей.

У МЕНЯ ЕСТЬ СВОЯ ДИЕТА, ОНА НАЗЫВАЕТСЯ: «ЗАБЫЛ НЕ ПОЕЛ, ВСПОМНИЛ — ПОЕЛ».

В один из вечеров, когда я собирался на студию, позвонила Саша.

— Дима, привет! Что делаешь?

— Привет-привет, — сказал я, прижимая мобильник плечом к уху. — Саш, не могу говорить, убегаю-тороплюсь. Что-то срочное? — Я как раз носился по комнате, одеваясь на ходу.

Она явно расстроилась.

— А я хотела тебя позвать... У меня вечером конкурс на обложку журнала «YES!», поболел бы...

— Ух, ты! — восхитился я, замерев, с одной надетой

штаниной. И зачем-то переспросил: — Участвуешь в конкурсе?

— Ага. В Московском дворце молодежи.

— Как жалко-то... А я вот должен уходить. Извини, но просто не получится приехать.

— Жаль... — вздохнула Саша.

Я поехал на студию совсем в другом настроении. Почему-то казалось, что я действительно должен быть в МДМ, несмотря на репетицию.

На студии выяснилось, что я напрасно спешил. Кто-то заболел, кто-то уехал, в общем, репетиция не состоится. Стечение обстоятельств.

Я тут же набрал Саше. Она уже была на месте — из трубки грохотала музыка.

— Приезжай, конечно! — услышал я сквозь шум.

***

За кулисами МДМ стоял невообразимый гомон. Столько красивых девушек в красивых костюмах да в один момент в одном и том же месте я еще не видел.

Саша стояла рядом со своими родителями. У ее многочисленных друзей и подруг в этот день оказались срочные дела. Но она, похоже, совсем не расстроилась. Саша встретила меня с восторгом и принялась взахлеб рассказывать о своих приключениях.

— Представляешь, я даже не думала, что сюда попаду! — рычала она мне в ухо. — Я послала фотографию на конкурс

«девушка с обложки» и забыла про нее совсем! А мне прислали приглашение!

Далее шел взволнованный рассказ о том как звонили из редакции журнала «YES!». Как она не могла даже вспомнить о посланном туда пляжном фото, где она запечатлена на фоне стены в шляпе и парео. Как ходила на собеседование, заполняла анкеты, участвовала в фотосъемках... В общем, обо всем, что предшествовало ее выходу на сцену. Саша очень волновалась ей предстояло не просто ходить по подиуму, а еще танцевать, представляет себя, петь. На конкурсе участницы даже рисовали.

Оставив ее дожидаться выхода, я стал сновать между артистами и конкурсантками, стараясь ничего не упусти из виду и со всеми перезнакомиться.

Оживление за кулисами вдруг заметно выросло.

— Ой, девчонки, смотрите! «Динамиты» выступают!

Конкурсантки гурьбой придвинулись к краю кулис до сцены

оставалась пара метров, они буквально вываливались.

Я тоже попытался просунуть голову между очаровательных плеч и причесок, но не вышло. Поэтому я отошел вглубь — к компании, в которой находилась Саша. Она о чем-то беседовала с родителями. Сашин папа попутно развлекал стайку девушек — он был очень общительным человеком. Он что-то рассказывал, активно жестикулируя, и конкурсантки старались не слишком отдаляться, чтобы не потерять нить повествования.

За кулисами появились еще несколько человек, и в одном из них я узнал Юрия Шмильевича Айзеншписа. Он продюсировал «Динамитов». Этот сухонький и подвижный человек в дорогом светлом костюме при галстуке был откровенно взволнован. Он то обменивался короткими репликами со своими спутниками, то отходил в сторону. На него все обращали внимание — Айзеншписа хорошо знали в лицо и для каждого, кто мечтал о сцене, событием было просто увидеть его в реальной жизни.

Вдруг Айзеншпис изменил траекторию движения и устремился в нашу сторону.

— Ну, как вам? — обратился он к нашей компании, очевидно, имея в виду своих артистов. — Нравится?

— Да, здорово, классно! — зашумели девочки и потянули шейки в его сторону. Каждой хотелось, чтобы ее заметили и по возможности получше рассмотрели.

— А кто больше нравится? — спросил Айзеншпис. — Во тот светленький, — он указал на солиста, — он вам как?

— Да, да! Классный!..

А я вертелся вокруг и жутко нервничал. Даже во рту пересохло.

— У нас тут тоже поют, — сказал Сашин папа. — И девочки, и мальчики...

— Да? Как интересно, — сказал Айзеншпис. — И кто же из девочек и мальчиков у вас поет?

— Вот Саша, — он указал на свою дочь. — Еще Витя...

В этот момент я как раз находился в непосредственной близости от Айзеншписа. Думаю, он хорошенько приметил подвижного паренька, с ног до головы одетого в джинсу: кепка, брюки, куртка...

— Кто, вот это Витя? — спросил Айзеншпис и оценивающе меня оглядел. — Интересно. Сними-ка кепку.

НАЧАЛО РАБОТЫ С ЮРИЕМ ШМИЛЬЕВИЧЕМ

Я стянул свой любимый головной убор и тряхнул волосами.

— А спой, — сказал Айзеншпис.

И я с ходу запел одну из своих студенческих песен

— Ух... — выдохнул Айзеншпис. — Хорошо поешь... А танцевать умеешь?

— Умею!

Я изобразил несколько танцевальных па.

— Слушай-ка, — задумчиво сказал Айзеншпис. — А ка мне свой телефон.

Немного нервничая, я достал из кармана какую-то бумажку, где наскоро настрочил номер своего мобильного. Вообще носить мобильник в те годы все еще было дорогим удовольствием, но я уже выступал, поэтому мне он был попросту необходим.

Айзеншпис тоже дал номер своего телефона.

— Я позвоню! — горячо заверил я. — А вы меня вспомните?

— Вспомню, вспомню, звони, — усмехнулся Айзеншпис.

В это время конкурс потихоньку двигался к концу. Саша вернулась за кулисы довольная — нагруженная шарами и цветами. Главный приз она, к сожалению или к счастью, не выиграла, зато ее ожидало несколько специальных премий. Грех было жаловаться такой удаче, если учесть, что она никогда не мечтала быть именно фотомоделью.

Восторженно галдя, окруженные целым облаком разноцветных шаров, мы толпой вышли на улицу и спустились в метро. Саша улыбалась, шутила, что-то рассказывала и постоянно расспрашивала меня о впечатлениях от конкурса.

Где-то между станциями в кармане моей куртки ожил мобильник. Звонил Юрий Шмильевич.

— Алло, здравствуй, ты сейчас где? — сказал он и, не дав мне даже ответить, добавил: — Приезжай ко мне в студию, попробуем записать одну песню. Когда тебя ждать?

— Я сейчас приеду! Буду примерно через полчаса! — заорал я в трубку, стараясь перекричать шум подземки. — Куда ехать?!

Айзеншпис назвал адрес.

— Я выхожу на следующей, — объявил я Саше, которая смотрела на меня с недоумением.

— Ну, хорошо... — ответила она и натянуто улыбнулась. — Планы изменились? Тогда до свидания!

— Потом все расскажу.

И я шагнул в открывшуюся на станции «Белорусская» дверь.

Глава 13
НОВАЯ ВОЛНА

Я пою в казино • Моя «Метелица» • Отбор на «Новую волну» • Конфликт характеров • Конкурс начинается за кулисами • Юрмала • Экскурсии и муштра • Отработка номера и тайный поход на пляж • «Ну как вам Дима?»

Мое первое выступление под патронажем Юрия Эмильевича состоялось в игорном зале небезызвестного казино «Голден Палас».

Помещение казино было весьма компактным, поэтому слушателей ожидалось немного. После меня должна была выступать группа «Динамит». Да, вы все верно поняли. Поскольку я только начал работу с продюсером, каким бы он ни был известным, меня сперва нужно было представить широкой публике. Все, конечно, ждали популярных «Динамитов», а я шел «на разогреве». Ведущий меня так и объявил: «А теперь разрешите представить молодого, но многообещающего певца Диму Билана!» Публика вежливо поаплодировала, причем некоторые сделали это, не отрываясь от игры.

Юрий Шмильевич сидел в самом дальнем углу от сцены. Я вышел на помост и тут же нашел его глазами. Он одобрительно кивнул, музыканты заиграли «Бум», и я запел.

Я выступал по меньшей мере сотню раз до этого, и уж чего-чего, а уверенности на сцене мне хватало в избытке. Но в тот раз я разволновался, будто дебютант. Я держал микрофон, а у самого руки были влажными и чуть подрагивали. Думал — не дай бог сорвусь! Я чувствовал себя неуютно не столько перед слушателями, сколько перед самим Айзеншписом. Нельзя было ударить в грязь лицом на первом же концерте.

Юрий Шмильевич сразу заметил мое напряжение. Он стал жестами показывать, что надо делать. Мол пройдись по сцене, улыбайся... Я смотрел на продюсера, но все равно интуитивно все делал по-своему, хотя и двигался как во сне. Допев вторую песню, я с облегчением сошел вниз в игорный зал. Кажется, все прошло удачно.

— Ну, хорошо, хорошо, — сказал Айзеншпис. — Вполне прилично. Надо будет еще кое над чем поработать. И готовиться к Юрмале.

Он твердо решил, что я должен поехать на вновь открывшийся конкурс «Новая волна» — его совместно организовывали Игорь Крутой и Раймонд Паулс. Вы наверняка знаете: этот эпохальный конкурс был закрыт после распада Союза. Теперь же была предпринята первая попытка воссоздать его на качественно новом уровне.

***

Есть такое место... Ах, да, в связи с запретом всех казино в черте города оно теперь имеет совсем другой вид... Тогда так: было такое место под названием «Метелица». Оно было для меня магическим, не меньше. Ибо я проводил там немало времени, постигая секреты своей профессии. Именно там я учился

завоевывать зрителя.

ВЫ ДУМАЕТЕ, У АРТИСТА НЕТ ПРОБЛЕМ? ЕСТЬ! ОДНА ИЗ НИХ — КАК БЫ ВЫСПАТЬСЯ...

«Метелица», поймите меня правильно, была эдаким сгустком пороков. Там жители столицы (да и приезжие) могли дать волю своим скрытым желаниям, выплеснуть их наружу. Этот ночной клуб-казино по праву мог называться концентрированным шоу-бизнесом во всех его проявлениях. В эпоху своего расцвета «Метелица» была центром свободомыслия в широком смысле слова: там позволялось все — только плати деньги.

Впрочем, как представитель сферы обслуживания, я стойл по ту сторону баррикад. К тому же я был очень молод и еще не мог толком понять прелесть того, что называется интересной работой. А потому я смотрел на клиентов развлекательного комплекса с легкой грустью. Даже с тенью зависти.

Отбор на конкурс «Новая волна» проходил, как вы уже догадались, именно в «Метелице». Я хорошо помню, как шел туда из Гнесинки: меня переполняли чувства, вполне гармонировавшие с дождливой погодой на улице. В голове крутились слова Айзеншписа: «Дима, ты должен их заинтересовать. Сейчас все зависит только от тебя!» Попасть на этот конкурс, возрожденный после десяти лет молчания, тогда было довольно трудно. В силу обстоятельств он одновременно был и модной новинкой, и проверенным временем мероприятием.

Я вошел в комплекс и сразу увидел главных людей «Новой волны» — Крутого, Матецкого, Ревзина и представителей каналов. Надо ли говорить о моем состоянии? Да меня колбасило похлеще, чем на экзаменах в училище!.. В смысле я заметно нервничал.

Игорь Крутой, продюсер, бизнесмен:

Такие конкурсы, как «Новая волна» — эта возможность для продюсеров увидеть новых артистов, а для артистов — показаться продюсерам. И если в этот момент звезды правильно нашлись, то авторы заметят нужных исполнителей своего творчества, а артисты познакомятся со своими будущими продюсерами... — найдут точки соприкосновения и в итоге станут популярными. Моя старшая дочь Вика сразу сказала о Диме: «Он будет звездой». Через год она снялась в клипе «Я так люблю тебя» — и свободой ее поведения в кадре были ошарашены все, включая Кобзона. Когда мне показали этот материал, я решил, что он уже органично сделан, и все должно остаться как есть.

Я помню самую первую церемонию премии Муз-ТВ — огромный «Олимпийский», аншлаг. Дима в то время еще только начинал. Но так получилось, что он шел немного позади меня и Айзеншписа, и мы все вместе выходили сбоку, от трибун, чтобы пройти за кулисы. Я обернулся и увидел как Дима заигрывает с публикой, машет зрителя. С трибун засвистели, стали ему аплодировать, а он явно примерил на себя этот костюмчик», вообразив, что все знают кто такой Дима Билан. В этот момент я увидел его лицо. Оно действительно было озарено звездной энергетикой, оно источало харизму!.. То есть все это было в нем даже тогда когда Дима не был настолько известен.

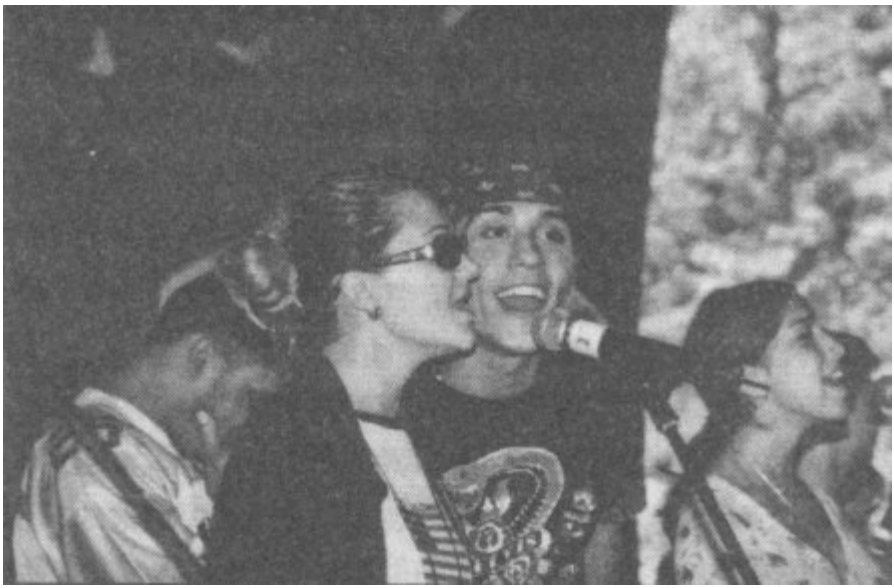
Бесталанный артист не станет звездой. Он может лишь дойти до определенного уровня — у таких артистов есть свой потолок. Потому подобные проекты всегда плохо заканчиваются. А Дима несомненно талантлив.

Уже есть уверенность, что его творчество нравится людям, что оно востребовано. И это ощущается даже по его походке — по тому, как он выходит на сцену, по его общению со зрителями между песнями. Видно, что это его публика и его стихия — на сцене он чувствует себя лучше, чем дома. Он артист, который способен своей энергетикой зажигать и удерживать дворцы спорта. Так что я могу только пожелать ему, чтобы это продлилось подольше. Это уже зависит от репертуара; кроме того, важно не допускать ошибок...

Юрий Шмильевич представил меня присутствующим, и в этот момент я вдруг обнаружил в себе такое чувство... как бы зернышко неприязни к Айзеншпису. Почему я почувствовал подобное к своему благодетелю? Очень просто: я заметил, что он, по-видимому, не первый день расхваливал меня этим людям. И, как всегда бывает в таких случаях, у них начался своего рода регресс — переход к негативу. Все уже до такой степени наелись рассказами обо мне, что и видеть меня не желали. Что ж, мое появление всегда отчасти компенсировало накопившийся негатив.

Вообще характер Юрия Шмильевича был таков, что он постоянно говорил о своем артисте и зачастую не знал меры. Я же, напротив, всегда был склонен к тому, чтобы делать все без лишних слов — молча доказывать свою состоятельность одними поступками и тем самым профессионально расти. Это качество вступало в неразрешимое противоречие с принципами работы моего продюсера. Но артист, как мне кажется, по-настоящему начинается лишь тогда, когда происходил некий надлом в мировосприятии человека. Такой надлом постепенно

формировался по мере моего погружения в недра шоу-бизнеса.

ЮРМАЛА. 2002 ГОД

Я вышел на сцену, уже загруженный закулисной болтовней о том, что все давно решено и победители известны. Это Марина Челло (вокал которой в то время завораживал), популярная группа «Smash!» (быть популярным — не запрещено правилами конкурса) и конечно же гость из какой-нибудь далекой страны. Причем эти сведения передавались из уст в уста с такой уверенностью, что я добрался до сцены полностью опустошенным. Знаете, как трудно на что-то надеяться, невзирая на слухи? Безусловно, все конкурсы насыщены подобными сплетнями, и не всегда они подтверждаются, но осадок все равно остается.

Посему вывод: любой конкурс начинается за кулисами с психологического противостояния. Я справился, достойно исполнив заготовленные вещи: «Fever» Элвиса Пресли, «Я не забуду никогда» и «Звездочка моя ясная» в оригинальном ключе. Отзывы были очень неплохими. Меня особенно обрадовали одобрительные слова большого музыковеда Владимира Матецкого.

Но все же я уходил оттуда не в лучшем расположении духа. Долго разговаривал по телефону с Юрием Шмильевичем — обсуждал прошедший отбор и просто делился впечатлениями.

Так или иначе, но 13 июля 2002 года мы погрузились в фирменный поезд Москва-Рига. Отправились, как бы это пафосно ни звучало, отстаивать честь России. Нас было трое: я,

Денис Акифьев, который в то время занимался преимущественно группой «Динамит», и Юрий Шмильевич. Мы с Денисом ровесники, поэтому всю дорогу дурачились и смеялись — для нас эта поездка была скорее приключением: лето, море, другая страна... Денис надо мной все время подтрунивал — мол, сейчас приедем, пойдем на пляж валяться, там толпы девчонок, весело! Я смеялся и поддакивал.

Юрий Шмильевич в нашу возню не встревал. Он, как генерал перед боем, обдумывал что-то свое, продюсерское. Айзеншпис ехал в отдельном купе. Иногда он заглядывал к нам — проверить, не слишком ли разошлись. Несмотря на то что я фактически был у него на работе, я не воспринимал Айзеншписа как своего работодателя. Он настолько органично сживался с каждым своим артистом, что его присутствие становилось таким же естественным, как явления природы. Дождь, ветер, раскаты грома, Айзеншпис... На самом деле с Юрием Шмильевичем я чувствовал себя в полной безопасности. В поезде я ни о чем не волновался, ожидая, что конкурс запомнится мне скорее как увеселительная поездка. Ох, как я ошибался! ..

По приезде мы с Денисом даже не успели толком посмотреть город... А в Юрмале есть на что посмотреть. Это ухоженный зеленый курорт на берегу Рижского залива — аккуратные редкие домики перемежаются соснами, загораживающими от посторонних глаз песчаный пляж, где при известной доле везения можно найти настоящий янтарь...

Нас с Юрием Шмильевичем поселили в гостинице «Дзинтарс» рядом с концертным залом «Дзинтари» — каждый получил по номеру. Номера были небольшими, зато с отличным ремонтом и на этаже, отведенном организаторам мероприятия. На том же этаже поселили еще одну конкурсантку — Марину Челло из США. С первых дней она потрясала всех мощным вокалом — когда Марина распевалась, в гостинице дрожали стекла.

Да и в целом Новая волна» того года поражала разнообразием участников и пестрела яркими личностями. Дуэт «Smash!», Джей Стивер, выступивший от Латвии под псевдонимом Янис Стибелис, представители Казахстана, Эстонии, Грузии, Болгарии, Испании... Все они, к слову, жили этажом выше — в обычных номерах.

Только мы собрались отоспаться с дороги, как выяснилось, что ранним утром нам обязательно нужно быть на собрании. Мы втянулись в зал в числе других сонных конкурсантов, и Александр Ревзин, режиссер-постановщик «Новой волны», взял всех прибывших еще тепленькими.

— Если вы думаете, что приехали сюда отдохнуть и

поразвлечься, — грозно говорил он, — то сильно ошибаетесь. Работа будет сложной, серьезной, и я сразу предупреждаю: буду строго спрашивать и много требовать. Кто не будет справляться, соберут вещи и уедут. Это касается и тех, кому просто не нравится то, что я сейчас сказал, — пожалуйста, на выход.

Зал притих. Ревзин продолжил:

— Сегодня сделаем прогон; посмотрим, кто что подготовил. С завтрашнего дня начинаем отрабатывать шоу. Прошу всех мобилизоваться — поблажек не будет. Всем все ясно?

Все было ясно. Народ покидал зал в тихой тревожной задумчивости. Настрой был задан четкий — все поняли, что от упорной и ударной работы им теперь никуда не деться. Я, правда, втайне питал иллюзии относительно отношения ко мне. Питомец известного продюсера мог рассчитывать на поблажки — так мне казалось.

Первая же репетиция привела меня в состояние полной прострации. Я вышел петь «Звездочка моя ясная». Я был собран, серьезен и преисполнен чувства собственного достоинства. Взяв микрофон, я принял академическую позу и запел так, словно у меня бенефис в Большом театре, а я перед роялем. С каменным лицом.

Ревзин даже не дослушал.

— Стоп, стоп, остановите песню! — вскричал он. — Не нужно стоять на сцене просто так! Я не понимаю, ты для чего сюда приехал? Стоять приехал?!

Увидев, что я растерялся, он добавил значительно мягче:

— О зрителях надо думать, о зрителях! Где шоу, где твоя энергетика? Где эмоции? Ты, если так стоять будешь, можешь вообще отсюда уходить — мне такого не надо! Все, иди репетируй!

Поникший и понурый, я спустился со сцены.

Юрий Шмильевич все это время сидел в зале и слушал, опустив голову. Вмешаться он не мог, хотя в другой обстановке Айзеншпис за своего артиста порвал бы глотку любому — некоторым в переносном, а кому-то и в буквальном смысле.

Мы уныло молчали до самой гостиницы.

— Я прямо не знаю даже... — наконец сказал Юрий Шмильевич. — Ты, Дима, постарайся, ладно?

— Угу, — буркнул я.

Было чертовски обидно. Я ведь уже постарался, всю душу вложил!.. Да за кого они меня держат?!.

Айзеншпису тоже было не по себе. Критикуя его артиста, режиссер-постановщик критиковал его самого. Выходило,что он

привез, воспитанника, который не в состоянии себя подать.

Еще пару дней я получал тычки от организаторов, пока (Юрию Шмильевичу все это не надоело. И он взялся за меня всерьез, со свойственным ему напором.

— Витя, ну делай хоть что-нибудь!!! Все, будем репетировать в номере!

Я и моя постоянная группа поддержки в лице Дениса — все это время он был единственным человеком, с которым я мог нормально общаться, — получили задание купить какой-нибудь простенький музыкальный центр. Искомое приобрели в первом попавшемся магазине аудиотехники. Центр состоял из проигрывателя и колонок — тогда подобные магнитофоны уже называли бумбоксами. Мы принесли его в номер, включили минусовку «Звездочки» и принялись репетировать. Юрий Шмильевич водил руками, а Денис управлял аппаратурой — перематывал музыку.

— Помнишь, что говорил Ревзин? — инструктировал Айзеншпис по ходу. — Вот когда поешь слова «звездочка моя ясная», ты рукой так вверх показывай, будто за звездой тянешься... Руку вверх поднимай, говорю!.. Во-от, будет некий посыл к небу. А потом, на словах «как ты от меня далека», наоборот — руку вниз и голову вниз... Голову вниз! Что — почему?.. Грустно тебе! Прекратил улыбаться!..

Каждую строчку «Звездочки» я отработал именно так — разложив всю песню на движения. Это был мой первый постановочный номер, исполнить его следовало без запинки.

Как следствие, замечаний от режиссера стало меньше. Он даже показался мне мягче и добрее.

— Уже лучше, — комментировал он. — Но вот смотри, ты в некоторых местах совсем замыкаешься, не обращаешь внимания на зал... Улыбайся!..

Словом, нам таки удалось дожить до открытия конкурса, но какой ценой! Мы были измучены, выжаты, мы потеряли интерес к происходящему. Какой там на пляж, какие, к чертовой бабушке, девчонки!.. Выспаться! Крепкий длительный сон без посторонних — вот самая распространенная эротическая фантазия молодых артистов... Мы использовали пляж по назначению всего однажды — во время жеребьевки. Каждый участник нырял за своим номером — и всю эту водную процедуру снимали для телеканала. Вероятно, зрителю должно было передаться ощущение легкости и непринужденности конкурса «Новая волна». Да и с названием это барахтанье котят вполне рифмовалось...

СЪЕМКИ КЛИПА «БУМ»

Еще организаторы регулярно устраивали участникам экскурсии. Мы осматривали достопримечательности, пляж тоже осматривали, ибо он превратился для нас во что-то типа природного памятника. Также нас водили по центральной улице Йомас, где мы заглядывали в каждый магазинчик, но ничего не покупали. Ни я, ни Денис тогда не могли похвастаться большими зарплатами.

Перед началом конкурса к нам приехал Дима Бушуев. Он был концертным директором Юрия Шмильевича и перед Юрмалой ездил на гастроли с «Динамитами».

Дима явился в расслабленном и приподнятом настроении.

— Ну что, на пляж? — предложил он нам с Денисом.

Увидев напряженные физиономии, он удивился.

— Что не так?

— Да репетировать надо... — уныло ответил Денис.

— Да ладно тебе! — заулыбался Дима. — Мы на минуточку только окунемся пару раз. Что ж это такое, приехали летом к морю и не искупались? Ребят, вы чего?!

И мы украдкой побежали на пляж, где буквально на пару минут запрыгнули в воду, выбежали, высохли... И поминутно озираясь, но все же с чувством выполненного долга вернулись в гостиницу.

Было еще кое-что, что меня напрягало Если помните незадолго до Юрмалы мы сняли клип «Бум» А волосу, которые мне за бешеные деньги нарастили для этого ролика чуть ли не до

плеч, решили оставить, хотя у меня была достаточно длинная стрижка. Юрию Шмильевичу нравился такой образ — он утверждал, что это стильно, интересно, модно. Может, оно и было модно, зато очень неудобно. Во-первых, нарощенные волосы на заклепка невозможно было как следует вымыть. Во-вторых, на солнце клепки нагревались, и от них жутко зудела кожа головы и шеи. Я ходил, как грязный хиппи — постоянно почесываясь. От этих манипуляций некоторые пряди вылетали. В моих руках то и дело оставался клок волос, который я тут же прятал в карман или за спину — лишь бы Айзеншпис не заметил.

Я мужественно терпел почти до самого начала конкурса. Но потом все-таки обратился к продюсеру.

— Юрий Шмильевич, а можно мы эту мочалку с моей головы снимем? — сказал я и, видя, как меняется его лицо, торопливо добавил: — Ну, представьте, выхожу я на сцену и вместо того, чтобы петь, начинаю чесаться! Мне эти волосы дико мешают!

Айзеншпис сдался и скрепя сердце вызвал парикмахера-стилиста. Прямо в ванной гостиничного номера стилист открепил от моей головы чужеродные локоны и сделал мне новую стрижку которую я по окончании процедуры торжественно расчесал.

...Вот так, брильянтовые мои, и выглядят будни при ближайшем рассмотрении. Редкие моменты триумфа уравновешиваются постоянными неудобствами, среди которых накладные волосы — смешная мелочь. Приходится терпеть и не такое, а что делать-то?!

Зато когда конкурс начался, я мог не отвлекаться на это физическое неудобство. Мне и без того приходилось делать непривычные вещи. А именно, я должен был не только следить за своим вокалом, но и поглядывать на Дениса и Юрия Шмильевича, выступавших в роли суфлеров, — только подсказывали они не текст, а те или иные сценические движения. К тому времени я уже и сам их запомнил, но все равно опасался ошибиться.

Конкурсанты выступали очень сильно. Особенно отличился дуэт «Smash!» — с самого начала парни были признаны безоговорочными фаворитами. За ними таскались толпы репортеров, их постоянно снимали и в общем-то ни у кого не было сомнений, что они победят.

Если честно, это слегка деморализовало и меня, и Юрия Шмильевича. Чтобы разрядить ситуацию и сгладить эффект безнадежности наших усилий, Айзеншпис неустанно знакомил меня со звездами, приехавшими на «Новую волну». Он давал им послушать мои записи и спрашивал, какого они мнения о моем выступлении. Влиятельные фигуры музыкального Олимпа в дни конкурса слышали от него один неизменный вопрос: «Ну как вам

Дима?» Отзывы были самые разные. Многим понравились мои песни, но некоторые сочли их слишком сложными для раскрутки.

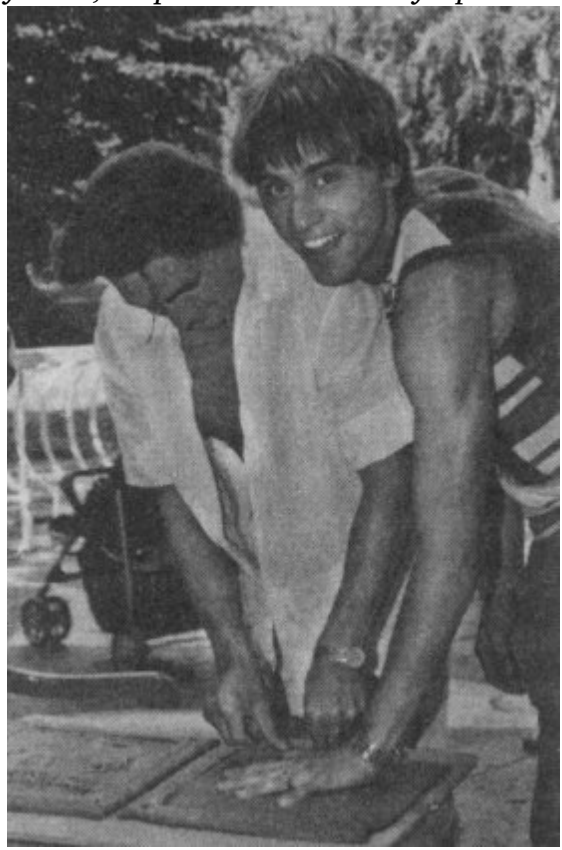
Илья Бачурин, раньше работал программным директором MTV-Россия, ныне главный редактор канала «Музыка первого»:

Я познакомился с Димой на «Новой Волне» Айзеншпис принес мне стартовый материал, который был очень европейским, даже, я бы сказал, английским по саунду совершенно невероятное исполнение. Айзеншпис преподнес это так: «у меня артист новый, давай ты пойдешь, послушаешь". Я отнекивался, мол, физически не могу, но Юра настаивал «Мы сейчас по сейчас пойдем в номер, я тебе поставлю, ты услышишь. А потом беги, занимайся своими делами». В итоге все-таки затащил, посадил и включил. Вот это было моим первым знакомством с Биланом. Никто тогда не делал такую музыку, и у меня возникли претензии с точки зрения возможности поставить это в Ротацию на MTV. Нашему каналу это просто не подходило… Дальше Айзеншпис давал материал тем медийным людям, чье мнение ему было важно и интересно. Каждому он пытался объяснить, что это бренд-нью. «Ты не понимаешь, чувак, все получится. В это нужно просто поверить». Но поверить как-то не получалось, потому что музыка была очень сложной.

Через какое-то время после Юрмалы Айзеншпис стал приносить новые песни — по одной, невероятно ярко их предлагая. Но в следующий раз мы говорили о Билане уже серьезно. Я работал на MTV, это был 2003 год. Вот тогда стало ясно: то, что делает Дима, и то, что продюсирует Айзеншпис, — это круто. Димина открытость и естественность, его профессиональное и усердное отношение к работе — все это стало фундаментом для победы на первой премии MTV Победы заслуженной. Впрочем, то же самое можно сказать обо всех его победах.

На момент, когда Дима делал первые шаги, конкуренция была по-настоящему жесткой — новые артисты лезли из всех щелей, миллионами. Занять свою нишу, быть оцененным можно было только благодаря незаурядному таланту. Это и хорошо, и плохо. Плохо — по понятным причинам, хорошо — потому что в этой борьбе, в этом прохождении самого сложного участка, закаляется характер И формируется профессиональное отношение к творчеству. А оно, в свою очередь, как помогало Диме побеждать во всех начинаниях, так и будет помогать в дальнейшем. Дима, при том, что он не спортсмен, очень азартный человек, ему важно быть лучшим во всяком деле. Он лучшим образом исполняет свои песни, он ищет лучший материал, выбирает лучший образ на сцене

— ему важны все аспекты. Мне кажется, что наличие многочисленных соперников в начале, когда он доказывал свое право на публике, сыграло положительную роль.

ЮРМАЛА. 2002 ГОД

Юрий Шмильевич собирал и принимал к сведению все замечания по поводу моей работы. Вспыльчивый и упрямый характер не мешал ему быть гениальным человеком. Он мог перепробовать огромное количество композиций, выбрать самую удачную и заставить ее звучать в эфире. В итоге песня становилась хитом. Айзеншпис никогда не ошибался. Ну, почти никогда — он же был живым человеком из плоти и крови.

Так что он прекрасно понимал: первого места нам не видать. Однако мы могли рассчитывать на одно из призовых — второе или третье. Увы, не сложилось. Конкуренты были слишком сильны, а я вышел на большой конкурс пока лишь в качестве начинающего. Поэтому места совершенно справедливо распределились «следующим образом: «Smash!» — первое, Марина Челло — второе и, к вящей радости принимающей стороны, Янис

Стибелис — третье. А я получил почетное четвертое место и

колоссальную конкурсную школу. Нас так вымуштровали на «Новой волне», что значительную часть этих знаний и навыков я еще долго использовал в своих выступлениях.

Но это не это главное. «Новую волну» показали по главному каналу страны, поэтому, несмотря на провал, я вернулся из Юрмалы известным артистом. Большой конкурс одним махом поднял меня вверх по карьерной лестнице. Началась моя активная концертная деятельность — в новом для меня амплуа самостоятельного сольного певца.

Глава 14
ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЮРМАЛЫ И КОЕ-ЧТО ОБ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СЪЕМКЕ

Сольная карьера • «Метелица-2» • Долой фанеру, даешь живые концерты! • О пользе классического образования • Подготовка моего первого альбома и клип «Ночной хулиган» от режиссера-рокера • Забота о внешности, или Здоровое и красивое тело настоящего артиста • Кто работает, тот не мерзнет

Итак, я вернулся из Юрмалы другим человеком — более раскованным, более умелым. Способным кайфовать на сцене, что само по себе уже залог успеха.

Сразу по возвращении на нас с Юрием Шмильевичем посыпались заказы на концерты и частные вечеринки. Работали в основном в клубах и казино. Но теперь я выступал не столько с «Динамитами», сколько сольно. Меня и объявлять стали иначе: «Лауреат конкурса «Новая волна» Дима Билан». Или, что особенно приятно, просто «Дима Билан!» Публика уже знала, кто это, и не удивлялась.

И снова «Метелица». Начиная с отбора на «Новую волну» это место все больше врастало в мою судьбу. Я хорошо знаком с

музой клуба Нонной, и она сыграла значительную роль в моей жизни. В «Метелице» эта милая женщина отвечала за культурно-организаторские моменты. Если произнести ее имя в артистической среде, не найдется ни одного человека, кто бы ее не знал. Нонна была подругой Айзеншписа, и именно благодаря ей я мог безвылазно оттачивать свое мастерство в работе с живыми музыкантами. У меня всегда был достаточно креативный материал, я это осознаю, но дополнительное тестирование каждого нового трека на сцене «Метелицы» при любом раскладе было большим плюсом. К тому же можно было заработать пусть небольшие, но все-таки деньги. В то время я беспрекословно отдавал большую часть заработка Айзеншпису — ведь требовалось как-то покрывать расходы на снятые клипы.

Пожалуй, тогда я любил этот клуб так же, как ненавидел. При всех благах «Метелицы» я не мог свыкнуться с тем, что люди, которые приходили туда по субботам и воскресеньям, чаще всего невнимательно слушали того, кто стоит на сцене. При этом ели, выпивали, играли... Создавалось ощущение, что шоу, которое им в это время пытались показывать, их совсем не колышет. Какой удар по самолюбию артистов!.. Я не мог с этим смириться. Даже сидя в зале, я из-за какой-то не до конца сформировавшейся солидарности к коллегам не мог скушать канапе или выпить чашку кофе, считая это неуважением к тому, кто на сцене.

Конечно, я тогда не до конца понимал специфику имен но этой культуры — ведь клиенты «Метелицы» имели право отдыхать по-своему. В свою очередь я не терял зря времени и учился психологии общения со зрителями. В частности, тому, как разговаривать с гостем, который пришел в ночной клуб за другим и не горит желанием поднимать глаза к сцене. Таких я заинтересовывал всеми возможными способами, хоть это и было непросто. Совсем скоро я не только сам полюбил эту прямолинейно-честную публику, но добился-таки взаимности. Вспомнить хотя бы огромные букеты от постоянных посетителей, больших плюшевых медведей и другие, самые разнообразные подарки молодому артисту...

С ЮРИЕМ ШМИЛЬЕВИЧЕМ И ОДЕССКИМИ ПРОМОУТЕРАМИ

Я всю жизнь мечтал быть на сцене. И я наконец дорвался. Кто-то ищет там славы, кто-то хочет заработать, кто-то просто нравиться девочкам... Это все замечательно, не спорю. Но для меня на первом месте музыка — то есть само выступление. Когда выходишь к зрителям и чувствуешь энергию зала, питаешься ею, подзаряжаешься, заводишься сам и заводишь других. Это космическое ощущение, его ни с чем не сравнить... В моей системе ценностей оно на первом месте, а все атрибуты хорошо проделанной работы — потом.

Поэтому, когда мы выезжали на гастроли, организаторы дивились: отчего наша группа такая тихая? А как же выпить-погулять со всеми вытекающими?.. Вместо «вытекающих» мы вели скучную, на взгляд обывателя, жизнь. Перед концертами я отсыпался, набирался сил. Ребята (музыканты и танцоры, с которыми мы гастролировали) обычно репетировали. Зато на концерте я обрушивал на зал всю накопленную энергию... После чего мокрый как мышь тут же менял одежду и уползал куда-нибудь, где можно поспать.

Я был счастлив. Что может быть лучше сбывшейся мечты?.. Если, конечно, она сбылась по-настоящему, если при ближнем рассмотрении оказалась именно тем, к чему вы стремились. Разве можно вполсилы радоваться выстраданному счастью любимой работы? Особенно когда профессия — это ваша жизнь, ваш мир?.. Нет, никак нельзя.

Есть один важный момент, на котором я пока не заострял внимания. В те годы я был одним из немногих эстрадных

исполнителей, которые пели *исключительно вживую*. Мы специально подбирали музыкантов, способных играть живые концерты. От них нам требовался четкий профессионализм, потому что ошибки, ляпы и ситуации в стиле «забыл партию» на концерте недопустимы. Концертная политика живых выступлений распространялась и на аппаратуру. Которой следовало быть надлежащего качества для каждого из музыкантов: для басиста, клавишника, ударника и вокалиста. Ко всему необходим был хороший звукорежиссер, задача которого — свести все инструменты воедино, позволяя им стройно звучать.

В то время я впервые почувствовал бремя ответственности за группу людей. Юрий Шмильевич редко ездил на гастроли, чаще всего меня сопровождал концертный директор Дима Бушуев — он брал на себя всю административную работу. А я был лицом команды. И быстро выяснилось что за оплошность, допущенную любым человеком, будь то кто-то из музыкантов или менеджеров, отвечаю лично я. Что невозможно сказать: «Я не виноват, это все они». Известное имя, конечно, дает массу преимуществ, но и недостатков у него в избытке. Основной из них: за все, что происходит вокруг меня, с меня же и спросят.

А стрессовых ситуаций на концертах — хоть отбавляй. Технике свойственно ломаться, поэтому может самопроизвольно вырубиться свет и звук. Люди тоже не совершенны — кто-то из команды может опоздать или заболеть. Могут потеряться инструменты... И никого, кроме членов группы, не волнует, почему это произошло и что теперь делать. Концерт должен состояться вовремя и пройти без накладок. Потому что после выступления некому сказать, мол, был плохой звук. Только себе. Перед зрителями не оправдаешься. Все, кто пришел на концерт, скажут: «Сегодня Билан плохо пел».

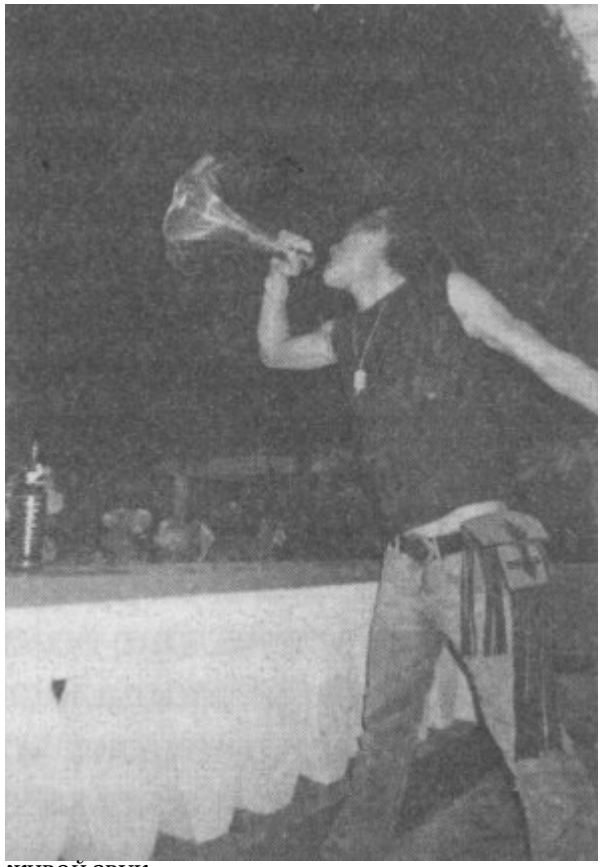
Я сразу взял эту планку — петь вживую. И Айзеншпис поддержал именно такой гастрольный формат, ибо он болел за дело и хотел, чтобы все проходило на высшем уровне. «Метелица» стала идеальным полигоном для учений, но боевые условия гастролей — совсем другое дело. Там могло произойти все что угодно. И происходило...

Когда я начинал карьеру, было принято ездить с фонограммами. Многие так и делали. Эстрадники колесили по стране чаще, активнее и проникали в самые дремучие уголки России и бывших союзных республик. Концертная деятельность была поставлена на поток, музыканты работали чес — есть такое слово в артистическом жаргоне, которое я кстати ненавижу. Это когда выезжаешь в тур по стране, и за месяц успеваешь дать 20-30 концертов. Маловероятно, что кто-то может выдержать такую

колоссальную нагрузку, исполняя что бы то ни было вживую. Сейчас уровень артистов значительно выше, и живые выступления можно назвать новым трендом. Ведь ради них зритель и ходит на концерты.

Но то сейчас. А во времена засилья фанеры мы неизменно сталкивались с проблемами на местах. Чаще всего не хватало хорошей аппаратуры. То ударной установки, то колонок нужной мощности, то еще чего-то. Мы собирали то, что было, и выступали с этим как могли. Приходилось на месте давать консультации организаторам, которые охали, ахали, но старались помочь нам решить проблему. Самыми типичными были ситуации, когда оборудование имелось, но посредственное. При большом зале иногда приходилось аж кричать. Я постоянно лечил связки.

Что и говорить, когда шоу-бизнес в нашей стране только начинался, многим приходилось учиться на лету. Однако жизнь не стоит на месте, и нельзя вечно рассчитывать на то, что приедет поп-звезда с фонограммой и будет стоять (или танцевать) на сцене, невпопад разевая рот. Зрители на такие сомнительные шоу уже не ведутся.

ЖИВОЙ ЗВУК

Алексей Козловский, музыкант:

Живое исполнение подразумевается как минимум другую энергетику, особую подачу. Для выступления вживую нужен целый арсенал аппаратуры: колонка для инструменталиста, другая — для басиста, для барабанщика, для вокалиста... Нужен звукорежиссер, который сможет все это настроить так, чтобы был слышен каждый инструмент, чтобы каждому в отдельности было комфортно на сцене. Это непростой труд, но он того стоит.

При работе с Димой кроме профессионализма требуется еще и внутренняя свобода. На каждом концерте должно быть что-то новое и уникальное — как-будто выступаешь в первый или последний раз. Мы постоянно придумываем что-то интересное — и в шоу, и в музыке. От этого все музыканты только счастливы, потому что когда играешь что-то одинаково в 151-й раз, исчезает изюминка, становится тоскливо. На Диминых концертах, напротив, приветствуются импровизации.

Отношения в коллективе дружные. У нас есть взаимопонимание, хотя и ругались, бывало, и терпеть друг друга не

могли. Ссорились и веселились одинаково. Для группы это нормально.

В одном из городов с нами приключился анекдотический случай. Меня с группой пригласили на важное городское мероприятие. Оно должно было проходить на центральной площади, и ожидалось несколько десятков тысяч зрителей. Мы приехали и обнаружили, что... никакой аппаратуры нет и в помине.

Я сразу рванул к устроителям концерта.

— Когда привезут оборудование?!

— Какое оборудование? — искренне удивился один из администраторов. За техническое обеспечение сцены отвечал именно он.

— Барабанные установки, колонки, комбики... — стал перечислять я, уже понимая ситуацию и чувствуя себя, мягко говоря, на взводе.

— Ну, тут у нас есть музыкальный центр... Вот сюда вы можете поставить свой, диск...

— Какой, вашу мать, диск?! — переспросил я на несколько тонов выше. — У меня музыканты!!! Мне им инструменты подключать надо!

— Ну, знаете ли...

Администратор с опаской развел руками.

— Слушайте! — сказал я, стараясь подобрать разумные доводы и спокойно их озвучить. — Вы разве не понимаете, что это престиж вашего же города? Мы же для вас стараемся! То есть для людей!.. — добавил я, опустив конец фразы: «...а не для тебя лично, придурок!» — Здесь на площади собрались тысячи человек. Все они завтра скажут, что Билан... что городская администрация вместо концерта подсунула им фанеру! Нам нужно оборудование, срочно! Мы готовы сами его собрать, только дайте машину, чтобы его погрузить... Если мы сейчас же не найдем все необходимое, мои музыканты воткнут гитарные джеки вам в... — объяснил я,— причем все сразу!

Вышло весьма рассудительно, не считая последнего обещания. Что поделать, не удержался. Я, впрочем, допускаю, что именно оно лучше всего подействовало на организатора.

Уже через двадцать минут мы покидали пределы концертного зала со списком наиболее толковых студий и музыкальных магазинов города. Нам выделили «Газель» с водителем — на взгляд администрации, в нее должны были уместиться все необходимые установки.

В бешеном темпе мы носились по городу, по частям

выцарапывая оборудование. Которое нам вообще-то и так положено. Потратили уйму времени и нервов. А концерт задержался почти на час, но все же состоялся.

***

В то же время, как вы помните, я все еще учился в Гнесинке. И как раз перешел на третий курс. Мои педагоги тоже смотрели «Новую волну»... Что и говорить, конкурс явно не вписывался в формат моей специализации, то есть был ни разу не по классу академического вокала.

Даже раньше, когда я еще жил у родителей Аллы, Виктор Николаевич деликатно намекал, а порой даже увещевал в том, что мой талант явно не для попсы, что я гублю свой уникальный голос, тогда как меня ждет оперная сцена, большое будущее и так далее. Но послушайте. Несмотря на то что меня никогда не привлекали оперные подмостки, мне все же требовалось классическое образование. Потому что это фундамент, без которого профессиональный певец невозможен. И если я желаю стать профи, то должен учиться именно по классу академического вокала. И учиться серьезно. Классическая школа дает эстрадному исполнителю немало преимуществ, одно из них — в умении филигранно владеть своим голосом.

БИЛАН — ЭТО НЕ ФАМИЛИЯ. БИЛАН — ЭТО ПРИЗВАНИЕ.

Когда осенью я пришел на первое занятие, Виктор Николаевич встретил меня довольно сухо.

— Здравствуй, Витя, — сказал он. Мой псевдоним он, как вы понимаете, не признавал. — Поздравляю.

— Спасибо, Виктор Николаевич, — ответил я.

— И сколько же ты будешь вот так петь? Как думаешь?..

— Не знаю. Надеюсь, что долго.

— Долго?.. Ну-ну, — мрачно сказал Виктор Николаевич. — Нет, Витя, век эстрадного певца недолог. Ведь мода меняется каждый год, так? И сегодня ты популярен, а завтра о тебе забыли. Знаешь, сколько я повидал на своем веку ребят, которые резво начали, да недолго маячили...

— Я все знаю, Виктор Николаевич, — проговорил я вполголоса.

— И все равно туда лезешь, — покачал головой Виктор Николаевич. — Упрямый.

— Да...

Он откинулся на спинку стула, уперев единственный локоть в верхнюю перекладину.

— Чтобы удержаться на эстраде больше пары лет, нужно быть вечным певцом, — сказал он. — Как Иосиф Кобзон. Или Юрий Антонов. Или Алла Пугачева. Вот они — вне моды, потому что поют настоящую эстраду, неподвластную времени. Потому что каждый раз делают что-то новое, и все это от сердца. Подумай, сможешь ли ты, как они.

Я пожал плечами.

— Наверное, я никогда этого не узнаю, если не буду пытаться. И потом, я много занимаюсь. Слушаю современную музыку, изучаю и российских, и западных музыкантов, певцов... Всех самых-самых.

— Ох, лучше бы ты Брамса слушал, в самом деле! — улыбнулся Виктор Николаевич. — Куда полезнее, чем все эти «тыц-тыц».

— Брамс — один из моих любимых композиторов! Слушаю, очень помогает! Но не Брамсом единым...

— Ладно, начнем занятия. Я, кстати, за тебя искренне рад, — прибавил он.

Мой учитель был мудрым человеком. Не меня одного тормошили по поводу «излишнего» увлечения эстрадой, просто я был наиболее заметен. Практически все ребята, которые в нашем училище подрабатывали «не своим ремеслом», попадали на заметку. Им постоянно выговаривали, пытались наставить на путь истинный, и я даже знаю пару случаев, когда их грозили не допустить до госэкзаменов. Тогда считалось, что нет смысла учиться четыре года академическому вокалу, если эстрадному исполнителю требуется «издать всего три ноты». Но я другого мнения. Как бы патетично это ни звучало, но чем больше на сцене профессионалов, тем выше *культурный уровень всей страны.* И меня учебные препоны только раззадоривали. Гнесинка просеивала людей, как старатель отмывает золото — в сите оставались только золотые крупинки — те, кто действительно мог и хотел заниматься музыкой, у кого был внутренний стержень. А сбить меня с пути было совершенно невозможно — я видел себя на эстраде и шел не вслепую, а целенаправленно. Кстати говоря, «попадало» от преподавателей в свое время и Иосифу Кобзону, который также исполнял не только классический репертуар.

В ноябре 2002-го мы начали готовить материал к моему первому альбому под названием «Я ночной хулиган». Несколько композиций было уже записано. На заглавную песню требовалось снять клип.

Специально для съемок этого ролика Юрий Шмильевич

объявил конкурс среди клипмейкеров. Нам прислали несколько оригинальных сценариев, и наиболее органичным оказался тот, что представил уже не начинающий, но еще не особенно известный режиссер Гоша Тоидзе. Причем с эстрадой он почти не работал, в его активе значились музыканты иного жанра — «Мумий Тролль», «Ария», Найк Борзов. Фигурально выражаясь, Гоша был рокером. И со своим вариантом «Ночного хулигана» он попал в точку — нам как раз требовалось нечто в подобной стилистике.

ВНЕШНОСТЬ — ПОНЯТИЕ РАСТЯЖИМОЕ. ГЛАВНОЕ — ЭТО ГЛАЗА! А КРАСОТА... Я ВООБЩЕ НЕ ПОНИМАЮ СМЫСЛА ЭТОГО СЛОВА.

По сценарию я должен был ворваться на автозаправку вооруженный водяным пистолетом. После чего действие переносилось в ночной клуб, где меня ждало отвязное веселье в компании друзей. Как видите, все просто и динамично.

Снимать мы начали уже в начале зимы — на улице потрескивал морозец, а я в легкой курточке да с улыбкой на лице должен был бегать по улице, размахивая игрушечным оружием. Машина, которую мы использовали как реквизит, напрочь отказывалась заводиться. Но наш — мой и Гошин — энтузиазм с лихвой компенсировал неудобства. Когда после долгих попыток наше транспортное средство все-таки завелось, я уже все мысленно отрепетировал, везде пробежался и настолько вошел в образ, что клип сняли без всяких дублей. Секрет мастерства в этом случае оказался предельно прост. Во-первых, я действительно хотел, чтобы сняли без дублей. Во-вторых, я, черт возьми, промерз до костей и жаждал поскорее завершить съемки. Нормальное человеческое желание. Можно сказать, что погодные условия и мое природное рвение пошли только на пользу.

Эх! .. В тот момент я еще не до конца осознал, что жизнь артиста — сплошные экстремальные видеосъемки. Теперь то я прекрасно понимаю актеров, которые должны сыграть все, что требуется по сценарию, независимо от того, снег или дождь на дворе.

Георгий Тоидзе, режиссер:

Самые удачные сюжеты клипов — первые. Первое, что приходит в голову после прослушивания песни, первые образы — они самые верные. Но бывало, что условия не позволяли снять аутентичный сюжет — приходилось переделывать.

Часть клипа «Как хотел я...» мы снимали в Панаме. По сути,

это была увлекательнейшая этнографическая экспедиция. Мы познакомились с культурой Центральной Америки, параллельно сняли несколько шоу «Последний герой»; к съемкам были привлечены многие аборигены. Тюрьму, положенную по сюжету, мы снимали совсем не в тюрьме, а в личном кабинете губернатора островного архипелага Бокос-дель-Торо. Представляете, если бы в Россию приехал зарубежный артист и попросил предоставить кабинет мэра города для съемок клипа?..

То, что Дима на съемках «Время-река» в штанах и в майке купался в воде, где температура плюс 7 градусов — достаточно экстремально. Это был Марокко, январь. Дима заходил в воду; выходил, и так несколько дублей подряд. Он ходил по берегу; а температура,воздуха при этом была плюс 10.

Таких историй я помню много. Клип «Я тебя помню» снимался зимой, при минус 28. В том году была очень суровая зима, настоящего снега почти не выпало, поэтому весь лес засыпали искусственным. Дима сидел на пеньке в общей сложности 3-4 часа, одетый в легкое полупальтишко, замотанный в шарфик... Практически все съемки — это экстремальные ситуации, но он все же понимал, что это в первую очередь нужно лично ему. Это очень важное понимание для артиста.

Еще можно вспомнить клип «Это была любовь, где они с Леной Кулецкой бегали по берегу. Январь, океан... Дима был в одних джинсах. Мы сидели в куртках, а они носились по мокрому песку почти голышом. В это время к тому же шел промозглый дождичек.

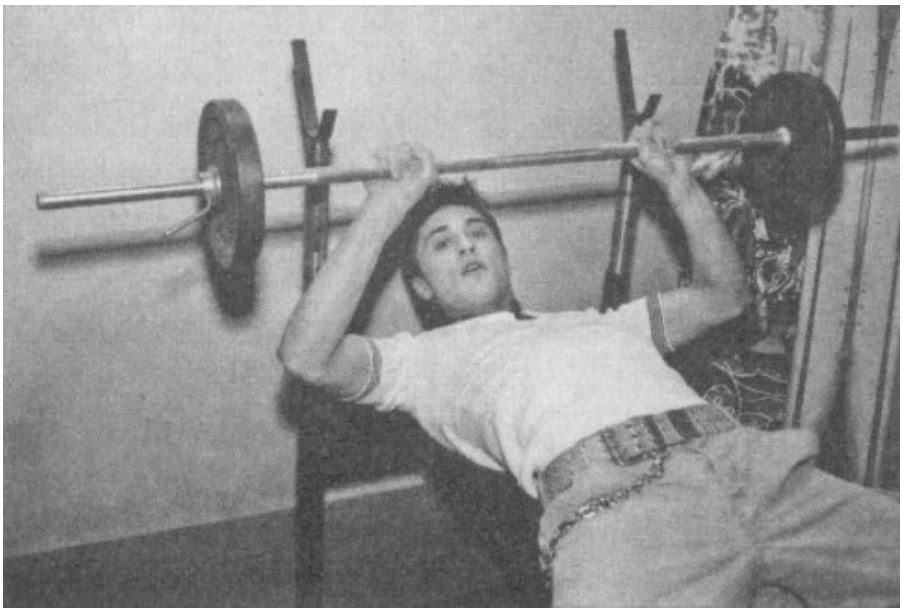
Конечно, Дима мог прийти и сказать: холодно же, я сниматься не буду. Но он не говорил, бегал, будто вокруг него 25 градусов жары, и не было видно, что ему холодно. И кстати, по Лене Кулецкой в клипе тоже не видно, что ей холодно. Для зрителей все очень романтично и комфортно.

Вдобавок ко всему Айзеншпис всегда придавал огромное значение внешнему виду артистов — и правильно делал. Если ты участник шоу, будь добр соответствовать и выглядеть максимально привлекательно и эстетично. Так что сразу после «Хулигана» я прямиком отправился в спортзал.

С того момента я проводил в спортклубе все свободное время. Качался, питался по особой программе, что, конечно, сказалось на внешности. Мне понадобился примерно год, чтобы из щуплого худенького паренька превратиться в стройного красавца. Зато к началу новых съемок я мог достойно «переварить» любой сценарий — в том числе и требующий демонстраций внешних достоинств.

Забота о внешности — это отдельная часть жизни артиста.

Каждый, кто выходит на сцену, вынужден посвящать себе максимум времени и средств. Следить за телом, прической, одеждой... Словом, за всеми физическими компонентам имиджа, а их немало. Это нормально. Вы бы видели многих Западных и отечественных звезд в юности! Вот про кого можно с уверенностью сказать, что они сами себя сделали. Изнурительные тренировки, консультации имиджмейкера — и это далеко не полный список всего того, что требуется человеку, вставшему на скользкую дорожку шоу-бизнеса. С Айзеншписом я пошел потому же пути. Профессия требовала преображения и оно было достигнуто.

ПОДДЕРЖИВАЮ ФОРМУ

Но вернемся к теме. «Хулиган» заложил своего рода традицию: снимать клипы в любую погоду и на любой местности, героически наплевав на неудобства. На многих из роликов, которые гоняли в эфире, я появляюсь эдаким бодрячком — то в простой майке, то и вовсе без оной. И мало кому известно, что во время съемок нормальные люди-выходили на улицу, до глаз замотавшись в теплые шарфы.

Так было во время работы над клипом «Я ошибся, я попал»; его снимали почти через год после «Ночного хулигана» на песню из того же альбома. Он тоже создавался зимой, и на улицах в это время лежал снег. Часть съемок проходила в России, на Заводе имени Лихачева (ЗИЛ). Холод там был собачий, вся съемочная

группа сидела в шубах да шапках, а задействованные актеры то и дело бегали в трейлер погреться, как вы понимаете, горячим чаем.

Один я почти не чувствовал холода. Мне вообще нравится делать что-либо на одном дыхании: задумал — сделал. Во время съемок я включаюсь в непрерывный поток и могу повторять несколько раз один и тот же дубль, одно и то же движение — лишь бы выполнить его идеально. Загораясь какой-то идеей, я погружаюсь в процесс с головой. И исчезаю для остальных — есть только начатое действие, которое нужно доделать. Находясь на пике творческого подъема, я забываю обо всем на свете. В этом увлечение работой сродни любовной горячке, ради которой тоже реально забыть обо всем на свете. Только это совсем другая тема, мы вернемся к ней чуть позже.

Юрий Шмильевич явно за меня волновался. Все увещевал:

— Билан, твою мать, иди греться в автобус! Промерзнешь, испортишь голос!..

Угроза сорвать голос была серьезным аргументом, и в определенных условиях он мог бы заставить меня прерваться. Да только в моей жизни крайне редки случаи потери голоса из-за простуды. Один я уже описал. А кроме него — помните, на конкурсе «Чунга-Чанга»? — ничего и не припомню. Поэтому я не принимал близко к сердцу экспрессивные просьбы продюсера.

Гоша Тоидзе оказался дотошным и профессиональным малым.. Он умел подбирать ракурс, давал советы, как более выигрышно выглядеть в кадре. Несмотря на это, мы пересняли ролик много раз, и можно сказать, что замучил Гошу именно я. Мне хотелось, чтобы все было безупречно.

Глава 15
ЛЕНЯ И ЛЕЙЛА

Немного лирики • Звезда Леня Нерушенко • Танго в «Макдоналдсе» • Мы бросились друг в друга и утонули… • О ревности и доверии • Ляля создает свою первую картину… для меня! • Сжигающая страсть • Айзеншпис против Лайлы • «Марокканская» разлука • На берегу океана • Похороны Лени • Наша встреча на Риджент-стрит

Эта глава, несомненно, покажется вам странной, сумбурной, сбивчивой, полной загадок и умолчаний. То есть именно такой, какой была история Вити и Ляли, которые любили друг друга слишком сильно, чтобы долго оставаться вместе. Это не проза, друзья, это лирика, а она не может быть другой.

Что ж, я вас предупредил.

...Леня Нерушенко из «Динамита» был сыном дипломатов, коренным москвичом, рубахой-парнем и любимцем девушек — в общем, баловнем судьбы. Он обожал жизнь, риск, мотогонки,

тусовки и московские клубы. Однажды провидение привело к нему милую Лайлу из Санкт-Петербурга. Конечно, Лайла могла остаться просто девушкой, заехавшей к друзьям в гости, а затем попавшей на вечеринку в модный московский клуб «Пропаганда». Но так сложилось, что она стала одним из центральных персонажей сперва Лениной, а позже и моей жизни.

Но тогда я еще не подозревал о счастье, которое вскоре на меня обрушится. Как и о том, как тяжело будет его вынести. Зато я много думал о сцене — только-только поступил «на воспитание» к Айзеншпису, рвался в бой, работал, как ненормальный, давал первые концерты и готовился к Юрмале. Где и встретил Лайлу. Так сошлись звезды.

Безусловно, просто так ничего не происходит, но фатализм, которым веет от предыдущих абзацев, тут на самом-то деле неуместен. Тот вечер, когда Лайла оказалась в Москве и познакомилась с Леней, был ею запланирован по просьбе питерской подруги — поклонницы «Динамитов». Подруга уговорила Лайлу при случае познакомиться с ее (подруги) кумиром Леней Нерушенко. Когда женщины просят друг друга о подобных вещах, они же что-то имеют в виду, да? Что-то, непостижимое рассудком. Или совсем ничего?..

Словом, в Юрмале Лайла была с Леней. Их связывали довольно нежные отношения, посему эта девушка часто ездила с ним на гастроли — и на «Новую волну» в том числе.

Леня Нерушенко казался мне совершенно особенным. Он был жутко крут и популярен — настоящая суперзвезда. Он исполнял песни, которые становились хитами. Он дружил со множеством знаменитостей. Он носил вещи, которые мне были решительно не по карману. При этом он запросто общался со всеми, с кем его сводила судьба, так как совсем не страдал звездной болезнью. Периодически я стрелял у него что-нибудь поносить, и однажды испытал настоящий катарсис, когда сам Леня Нерушенко попросил у меня на концерт красивый пиджак и серые вельветовые штаны в тон. Это было бронебойным комплиментом в мой адрес, ведь Леня, ко всему, обладал хорошим вкусом.

Была у Нерушенко еще одна особенность, за которую его особенно уважал сам Айзеншпис. Леня был абсолютно честен с самим собой и окружающими. Это был его образ жизни. Таким был Леня для меня и тех, кто его знал.

В общем, я искренне радовался общению с ним, абсолютно не покушался на его девушку, да и познакомились мы с ней мельком, на обратном пути из Юрмалы в Москву — поскольку ехали в одном вагоне. «Привет — привет», — и весь диалог.

Прошло несколько месяцев. Как-то раз мы с подругой Катей

возвращались с занятий по танцам. В этот день мы осваивали полонез и еще немножко танго. Поэтому на обратном пути мы часто останавливались на тротуаре, исполняли несколько па и шли дальше, жутко довольные собой.

Так мы дотанцевали до «Макдоналдса», что на Пушкинской площади, и решили зайти перекусить. Понятно, что после столь интенсивных тренировок мы сильно проголодались. В «Макдоналдсе» играла живая музыка. Я уже не помню, какие именно инструменты — кажется, аккордеон и гитара. Важно, что это так меня вдохновило, что я принялся петь на весь зал. Тогда это было для меня нормально — после Юрмалы я пел везде. Узнавали меня не всегда, но это особо не огорчало — веселил сам процесс. Иной раз недовольные граждане начинали на меня шикать, и приходилось извиняться. Позже я осознал, что привлекать излишнее внимание не всегда уместно.

В «Макдоналдсе» я пел совсем недолго — лишь до момента, когда завелся, подхватил Катю и принялся кружить ее по залу в ритме танго. Реакция публики на импровизированный концерт была ровной: ведь играл почти целый оркестр — надо же было кому-то и танцевать, да?..

Но вдруг я остановился. Потому что увидел *ее*.

Она стояла перед кассой, расплачивалась, что-то говорила, и распущенные белокурые волосы струйками стекали по ее плечам и колыхались при каждом движении. Лайла обернулась и заметила нас с Катей. Улыбнулась, помахала ладошкой, подошла. В руках она держала три пакета со снедью.

— Привет! Вот так встреча, — удивленно сказала она.

И я обалдел от звука ее голоса — будто услышал его впервые. Он был нежным, мелодичным, немного тягучим — в общем, неземным.

— Привет... а ты что здесь делаешь? — пролепетал я.

— Я живу недалеко, через дорогу, — сообщила она, перекладывая один из пакетов в другую руку. — А вы откуда?

— А мы с танцев, — ответила Катя.

— Здорово!

Еще несколько слов — и мы обменялись телефонами, договорившись созвониться, чтобы пойти на день рождения одного общего знакомого. Правда, Лайла меня так и не набрала. Она почему-то позвонила моему другу Егору, который тоже был приглашен. Он мне рассказал об этом, а я сразу взревновал, мгновенно представив, что у них могут завязаться отношения... о боже, нет!..

Но все обошлось, и на ту самую вечеринку мы пошли вместе с Лайлой. Лени поблизости не наблюдалось. С вечеринки мы

уехали тоже вместе. И затем провели четыре безумных дня, курсируя между моим и ее домом, не в силах расстаться и оторваться друг от друга ни на минуту.

Сейчас я уже не помню, отвечал ли я в тот момент на какие-то звонки. Вероятно, отвечал, но как в тумане. Я видел и чувствовал только Лайлу — мы бросились друг в друга и моментально утонули. Это можно назвать *узнаванием* — будто бы мы встретились через вечность после разлуки. Мы сразу же стали настолько тесно и пугающе близки, что я ошалел, потеряв голову от нахлынувших девятым валом эмоций. И Лайла чувствовала нечто подобное, не могла не чувствовать.

Спустя несколько дней мы завтракали в кафе, слегка притихшие и не понимающие толком, что же с нами произошло и что с этим делать. Мы знали определенно лишь одно: *это* необходимо во что бы то ни стало сберечь. От посторонних глаз, от досужих сплетен, может быть, даже от друзей. Слишком оно хрупкое.

Я был в курсе, что на момент нашей судьбоносной встречи в «Макдоналдсе» Лайла уже рассталась с Леней Нерушенко. Но насколько я понимал, между ними еще оставалась невидимая связь — неподвластная рассудку и то и дело провоцирующая во мне тонкие уколы ревности. Затем Леня напомнил о себе сам. Он просто позвонил, потому что хотел, чтобы Лайла поехала с ним в Сочи на несколько дней. Лайла — для друзей Ляля — что-то говорила в трубку, я видел ее лицо, слышал обрывки Лениных фраз. Нерушенко неистовствовал. Но пока — лишь от непонимания происходящего. Как это — Ляля не может ехать?.. Почему? При чем тут Билан?! Она же с ним почти не знакома!..

Мне пришлось взять из Лялиных рук трубку и все объяснить. Леня понял правильно и отреагировал на удивление спокойно.

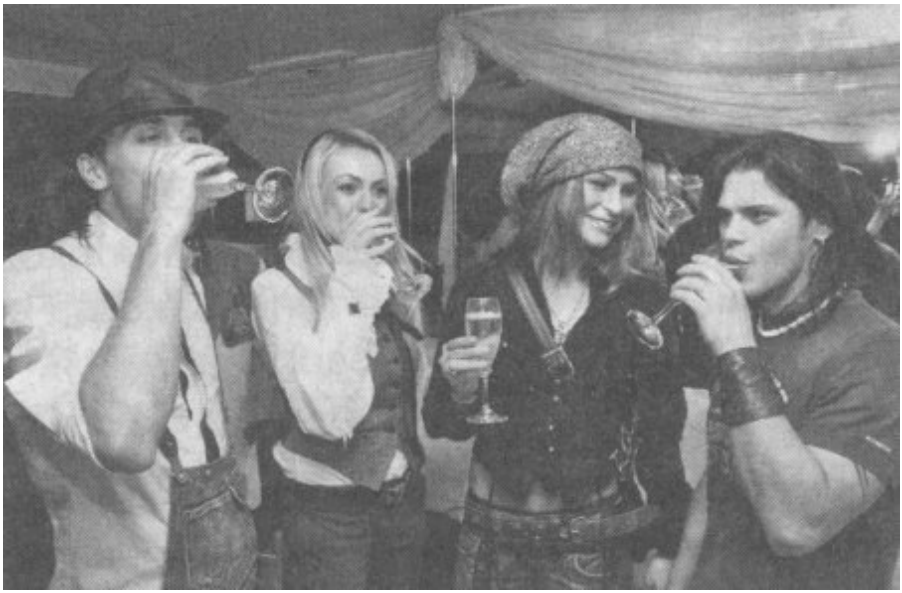
— Вот, — сказала Лайла, когда я закончил разговор. — Все, наверное, к лучшему...

Она смотрела мимо меня отсутствующим взглядом.

***

Остальное я помню как во сне, приятном и уводящем за границы обыденности. Чтобы не тратить слишком много слов на объяснение необъяснимого, это кратко называют «сумасшедшей любовью». А у англичан есть и более точное определение подобной влюбленности: «fall in love». Что дословно означает «упасть в любовь». Да, упасть, провалиться, обрушиться. Правда, я плохо представлял себе, что с этим делать. И разрывался между

Лялей и своей работой — концертами, гастролями, репетициями, съемками...

ПОСЛЕ МОЕГО КОНЦЕРТА В ЛОНДОНЕ. Я, ЯНА, ЛЯЛЯ И АНТОНИО

Лайла, художник, бывшая девушка Димы:

Витя был очень наивным, добрым, чистым, открытым мальчиком — не побоюсь этого слова. Я его тогда так и называла: «маленький мой». Это было его имя для меня. Даже моя мама, когда с ним познакомилась, сказала: «Слушай, он очень хороший, положительный. Но почему такой застенчивый?..» Я в свою очередь всегда была более открыта. Все же у нас с Витей разное воспитание: я выросла в Питере, в центре города, а он — в Кабардино-Балкарии. Но нас объединяло то, что мы в общем-то оба были чужими в Москве...

Некоторое время нам с Лялей удавалось скрывать наши отношения от Юрия Шмильевича. Но все довольно быстро обнаружилось — участились случаи, когда мы попросту отключали телефоны и пропадали, наслаждаясь исключительно друг другом.

Айзеншпис быстро оценил происходящее и сразу расставил все точки над «i».

— Ты пойми одно, — сказал он мне. — У тебя все впереди, тебе нужно сконцентрироваться и работать, работать, работать. А не любовь крутить. Возьми себя в руки, черт возьми!

Юрий Шмильевич был старше и определенно мудрее. Он

смотрел на жизнь иначе. В его речи часто появлялись нотки цинизма, но законченным циником он не был. Он был реалистом. А потому Айзеншпис просто старался донести до меня мысль, что работу и творчество необходимо ставить на первое место — особенно теперь, когда все только начинается и вполне успешно разворачивается.

ОПЫТ ПОКАЗЫВАЕТ — ЕСЛИ Я ДРЕЙФЛЮ, ЗНАЧИТ, ЗАДУМАННОЕ ПРИНЕСЕТ ПОЛЬЗУ.

Айзеншпис был в курсе абсолютно всего, что происходило в моей жизни. Естественно, он хотел, чтобы я как можно больше времени проводил на студии — занимался и записывал новый материал. Он прекрасно знал свое дело. И, возможно, также знал, что ему недолго осталось... Возможно. Я могу об этом судить уже по тому, что он торопил меня, не давал продыху, будто ему нужно было *успеть* и вложить в меня как можно больше.

Но Ляля! И как бы я «взял себя в руки»? .. Когда я целый день о ней думал! В том числе выходя на сцену. Считал минуты до счастливого мгновения встречи, ради которого приходилось выдираться из плотного рабочего графика, теперь казавшегося враждебным.

Невозможно отвернуться от человека, который рождает в тебе настолько сильные переживания. А они, с одной стороны, дают силы и вдохновение в минуты подъема. С другой — отнимают силы и лишают покоя в моменты спада. Такие отношения были для меня в новинку. В отсутствие Ляли я не находил себе места, скучал, страдал, исторгал из себя массы стихотворений и мелодий. Я без нее не мог.

Звучи, как вечер, смотри, как ворон.
Беги, как Лола, бери от Бога.
Мечтай, летай, не жди, давай, бери
Так много. Не стесняйся и поддавайся иногда.
Влюбляйся. Тебя я вижу в счастье.
Будь в нем, ходи конем.
Так дальше будет — и не прямо
Как линия одна — неинтересно.
Пусть будет в жизни всем немного тесно
От твоих поступков. Не забывай.
Давай, бери — не упускай.

В перерывах между нашими встречами Ляля умудрялась еще и *просто жить.* Вместе с одним из своих друзей она открыла

магазинчик одежды, который вполне успешно развивался. Словом, она была девушкой самостоятельной — единственная из тех, с кем я тогда близко общался.

Ляля некоторым образом опекала меня. Я запросто мог прийти к ней в магазин и взять что-то из одежды. Лишних денег в моих карманах в те годы не водилось, поэтому такая возможность меня попросту спасала. Одну майку из этого магазина я храню и по сей день — это стильная дорогая вещь с нашивками в виде вертолетиков и еще каких-то неопознанных объектов. Вернее, так было в начале. Часть значков давным-давно отлетела, остальные я аккуратно срезал и положил в шкатулку на память. Для меня они символизируют не только безденежные годы, но еще и те чувства, которые я тогда испытывал.

Кроме того, Ляля могла примчаться ко мне в любое время дня и ночи, привезти что-нибудь поесть, сготовить, остаться... И опять мы пропадали, а нас искали чуть ли не с собаками, потому что после Юрмалы начались непрерывные концерты, съемки, репетиции.

Сейчас я с трудом понимаю, каким образом мог успевать все, как совмещал свою многогранную работу с любовью — и даже выкраивал время на общение с друзьями!.. Мне запомнились только самые теплые и трогательные моменты тех дней.

Все происходило спонтанно. В очередной день рождения Лени Нерушенко мы с Лялей поднялись аж в семь утра. Что, учитывая мой график работы, совершенно немыслимое издевательство над организмом. Мы отправились в круглосуточный супермаркет, выбрали самый большой и красивый торт, отыскали праздничные свечки и приехали к Лене домой, чтобы первыми его поздравить. Хихикая и подначивая друг друга, мы пытались попасть в Ленин подъезд — кода мы не помнили. Наконец кто-то из жильцов впустил нас, и прямо в подъезде мы достали торт, украсили его свечками, зажгли их... И предстали пред Ленины светлы очи, которые он с утра даже продрать толком не мог, встретив нас на пороге, заспанный и удивленный.

Кстати, Леня — это отдельная тема. Несмотря на то что с Лялей они давно были не вместе, они продолжали дружить и поддерживать теплые отношения. Лайла принимала Леню как близкого человека, которому можно доверять и на которого можно положиться. А поскольку мы с ним тесно общались, оба будучи под патронажем Айзеншписа, то со временем сдружились еще больше. Ревновал ли я? Наверное, мог бы. Но в Лялиной с Леней дружбе не было ни намека на чувства *особого рода.* Скорее это были отношения брата и сестры.

Ляля со своей стороны меня вообще не ревновала. Ни к кому. С одной стороны, сказка. С другой — меня это зачастую бесило. Казалось что ей все равно где я, с кем и почему. Иногда я даже сомневался, испытывает ли она ко мне чувства того же накала. Потому что для меня безумная любовь была неотделима от безумной ревности. Иногда я даже провоцировал ее на подобную реакцию. Бесполезно. Стоило нам чуть поссориться и разбежаться — что случалось нередко, потому что наши размолвки и примирения происходили с фантастической скоростью, — как я начинал метаться, не в силах перенести картин с ее участием, которые рисовало мое свихнувшееся воображение. А потом я понял, почему она такая. Она жила в совершенно другом мире. Где любовь возможна только тогда, когда есть доверие. Доверяю — значит люблю, не доверяю — не люблю. Это ее принцип, который я пытался перенять. Впрочем, без особого успеха.

Ляля писала невероятные стихи. Этим она меня потрясла даже больше, чем внешней красотой. Признаться, я не ожидал найти в ней столь многогранную и глубокую личность. Она умела выражать эмоции такими словами, которые каждый раз оказывались единственно верными и окончательными. Ни добавить, ни убавить. Ей удавалось передавать характер наших отношений так, как у меня никогда не получится. Смотрите сами.

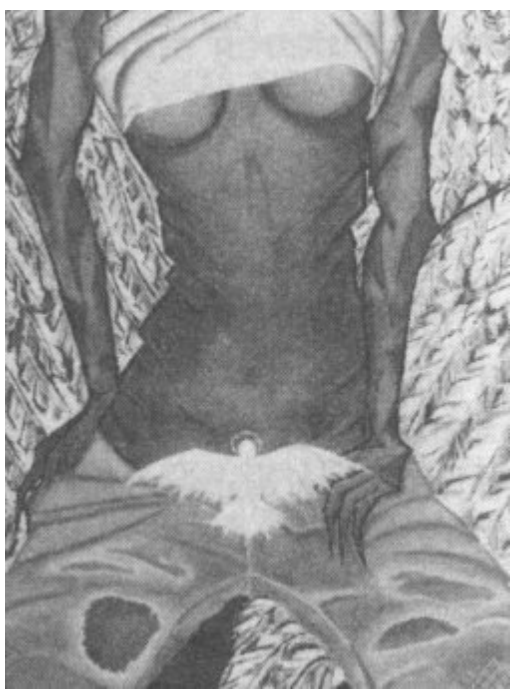
У тебя крылья, у меня крылья,
Оглянись, у кого еще...
Указатели занесло пылью.
Время прошло.
Быть твоей игрушкой

У тебя кони,
У меня поводья,
Но пусто седло.
Быть твоей ловушкой.
Кто мы сегодня?
Кажется, все равно.

Как куклы и невидимые лески.
Промолчать,
Друг другу в отместку.
Раздуть пустоту, что потом
Лопнет с треском.
У тебя в руках голуби,
У меня зерно.

Мысли не сломаны,
Ведь мы чужая боль.
У тебя в руках голуби,
Но они не станут мной.
Ты не можешь без игры,
Я не могу с игрой.

Услышать твой голос в песне
И дальше жить.
Замести следы, но так,
Чтобы ты мог найти.
Мы робки признаться
В желании любить.
Но не в наших силах
Разорвать эту нить.

ЛЯЛИНА КАРТИНА

А самое большое впечатление произвел на меня ее подарок на мой первый день рождения, который мы провели вместе. Она подарила мне *свою картину.* До этого Ляля никогда не создавала масштабных полотен, тем более маслом. Это очень сложно для новичка, но она смогла. На кар-

тине Ляля изобразила женщину с раскинутыми руками-

крыльями на фоне огромной безмолвной Луны — женщина то ли взлетала куда-то в небеса, то ли, наоборот, падала. Я стал свидетелем рождения чего-то нового в жизни моей любимой — и это было очень ценным, как и тот факт, что свое самое первое творение она решила преподнести именно мне.

Чуть позже Ляля описывала весь процесс написания этого полотна: как она смешивала краски, как подбирала сюжет, перерисовывала начатое. Поскольку она никогда раньше не писала маслом, на работу ушло много времени — *почти восемь месяцев.* Я был до глубины души потрясен этим фактом.

Лайла сделала свою картину, похожей на большую открытку, кроме собственно изображения на ней были нанесенные теми же масляными красками стихи.

Только мы заметим мерцания эти.
Нам нельзя развязать всем глаза.
Ниточки свяжем,
Силы истратим, но не докажем.
Никому не видно,
Как и нам, детям.

Стрелы вонзить,
Инеем покрыться.
Получи, прости, просто возьми,
Как есть, прими.
Снова влюбиться.
Того, без кого не представляешь жизни
И негде скрыться.

Лишние люди,
Бог простит, если мы их забудем.
Страшные лица, злые силы.
Все, что казалось нам милым.

Бьют, когда нужна встряска.
Страх и ложь грязная,
Ложь, как будто безопасная.
Ложь — разная.
Не простить и не ответить
Легче, чем не заметить.
Попробовать жить без опаски.
Не черное и белое,
А краски...

Шрамами, а не мелом,
Не рассудительным стать, а смелым.
Мы не будем придираться,
За одной спрячемся маской.
Развяжи им глаза,
И все будут дети.
В новый океан от каждого слеза.
Вот только нам не нужны
Взгляды эти...

Развяжи им и закрой нам.
Только этот мир никто не видел.
Играми, масками,
Страхом и красками
Мы укроемся там.
Он один для нас безобиден.
Единственный трон — напополам.

Любви было слишком много. В душе моей бушевал настоящий пожар, я метался, рвался и распадался на части будто нескладывающийся пазл. Мне хотелось проводить с ней как можно больше времени — и одновременно с этим в тот же период неуклонно росло количество даваемых мной концертов. И я никак не мог отказаться от своей работы, от единственного призвания в жизни.

Ляля это прекрасно понимала. Но в глубине души она не могла смириться с тем, что я сам себе не принадлежу и не в состоянии проводить с ней столько времени, сколько хотелось бы нам обоим. Я не мог притормозить этот разогнавшийся эшелон. У меня, как и у всякого человека, имелся лишь стоп-кран — возможность бросить все и сразу. Продолжая метафору, скажу, что подобная остановка состава означает, что он сойдет с рельс — раз и навсегда. Оставшиеся в живых пассажиры расползутся, а сложная машина для движения вперед превратится в тонны разъедаемого коррозией железа. Я бы не пошел на такую жертву, а Лайла бы ее не приняла.

Наверное, в глубине души я понимал с самого начала эти отношения — не навсегда. Это не значит, что я был готов расстаться с Лялей, как раз напротив. Просто я чувствовал, что здесь что-то не так, неправильно, это сжигает дотла, а так не должно быть. Но вместе с тем Ляля открыла для меня целый мир. В ее лице я соприкоснулся с философией мегаполиса и сразу стал иначе воспринимать действительность.

Я вообще не люблю податливых. Когда просишь девушку

сделать что-нибудь — и она смотрит тебе в рот и бежит делать... Не надо. Мне нравится, когда со мной спорят. Вот Ляля — да, она была девушкой моего типа. Правда, из-за прений мы не всегда могли долго выдерживать друг друга. Вместе тесно, врозь скучно... Впервые мы расстались почти на два месяца — как бы желая взять тайм-аут, сделать передышку. Эти два месяца в разлуке были невыносимы...

Иногда нам удавалось вырваться из бешеного ритма и куда-нибудь съездить. Недалеко и ненадолго, но это неважно. Я до сих пор вспоминаю нашу поездку в Анапу, эти несколько дней в раю, веселых и безумных, как вся наша с Лялей жизнь. Я тогда выцыганил у Лени Нерушенко летнюю майку и носил ее с чувством приобщения к чему-то звездному. Правда, майку следовало бы сперва постирать, она пахла потом...

А вот еще один из эпизодов нашего затянувшегося сумасбродства. Перед Новым 2004 годом у меня был назначен концерт в «Метелице». За пару дней до этого мы с Лялей поссорились, потом случился мой день рождения, мы помирились... Но примирение, как всегда, было настолько бурным, что мы оба пропали на три дня, отключив все средства связи. Позднее я обнаружил у себя на телефоне *пятьдесят пропущенных звонков*. До меня добрались непосредственно перед концертом. И когда я появился в «Метелице», притащив с собой Лялю, Айзеншпис был вне себя от ярости.

— *ГДЕ ТЕБЯ НОСИТ?!!* — заорал он на грани ультразвука. — *У НАС ЖЕ КОНТРАКТ!! НА СЦЕНУ!! БЫСТРО!!!*

Переодевшись, я выбежал выступать. А когда вернулся, обнаружил, что Ляли нет.

— Где она? — спросил я у Айзеншписа.

— Там, где и должна быть, — ответил он. — Дома.

Ребята, которые были в зале и видели случившееся, рассказали мне, что Айзеншпис чуть ли не с кулаками набросился на Лялю, наорал на нее, после чего она в слезах покинула клуб. Дозвониться до Ляли я в тот вечер не смог. Она не брала трубку.

И вот наши отношения стали давать сбой. Ляля все больше расстраивалась, просила меня больше бывать с ней — чего я делать не мог, потому что моя популярность росла, а с ней увеличивалось количество работы. Если раньше музыкальные проекты откусывали от моего свободного времени по кусочку, то теперь они его откровенно сжирали.

Однажды Ляля объявила, что едет отдохнуть с мамой в Марокко — на месяц. Такова была ее официальная версия. Я поверил и с легким сердцем отпустил свою девушку. Как оказалось, напрасно.

Первое время я жил ожиданием. Но вот минул месяц, пошел следующий… А Ляля все не появлялась. Я звонил ей, приезжал к ней домой — все безрезультатно. Оставалось лишь ждать, страдая и скучая по ней. Еще через месяц меня, наконец, пронзила простая и жестокая догадка: Ляля меня бросила. Сбежала. Ушла. Исчезла.

Я взвыл, как раненый зверь. Метался, тряс друзей, пытался выведать у них, где моя любимая, что с ней, куда она исчезла и как ее найти. Но все молчали. Кто-то действительно был не в курсе того, что происходит, а кто-то определенно знал… Но Ляля переехала, поменяла телефоны и строго-настрого наказала всем молчать.

Я испытывал целую гамму чувств, которые сложно сейчас описать. Все это я выплескивал в дневник смутными фразами и оборванными строчками стихов. Я постоянно спорил — с ней, с собой, с собственной любовью… Часто мне казалось, что я схожу с ума.

Разбирай все бумаги.
Действуй. Сделай, как надо.
Не забудь про подарки —
и сожги это на хер.
Сколько же фотографий
с содержанием разным.
Не хочу быть заразным,
карантином здесь пахнет.
Буду биться, как серый,
не буди во мне зверя.
Убирайся из сердца,
я нашел уже церковь
С близкой теплой стеною.
Не могу не остаться.
Это новое счастье.
Не могу не остаться —
не хочу быть с тобою.
Как же больно мне было,
как же было мне тесно.
Ты не сможешь обидеть,
мне с тобой уже пресно.
Вкуса я не имею,
я тобой не болею.
Ты уйдешь — вот дорога.
Но еще два-три слога.
Обретенный условно

и еще не вживленный
Твой портрет понемногу
разбросает по волнам.
Не утонет, конечно,
как бы мне ни хотелось.
И, найдя в себе силы,
не признаюсь я в этом.
Волны солью полны,
как все слезы мои.
Море слез — это важно.
И портрет тот бумажный,
На поверхности памяти и сожалений.
Все, хватает.
Не буду. Не хочу на коленях.

А Ляля в это же время чувствовала себя настолько истерзанной, что приняла решение за нас обоих. Это было ее очередной попыткой поставить точку в отношениях, которые, увы, вновь зашли в тупик. Я не мог понять, как такое возможно — причинить и самой себе, и любимому человеку дикие страдания. Ляля полагала, вероятно, что «с глаз долой — из сердца вон». Проблема только в том, что от себя не убежишь. Вот и она… не убежала.

Однажды ночью раздался звонок. Я взял трубку и услышал родной и знакомый Лялин голос.

— Привет, — сказала она и разрыдалась.

Она плакала, что-то говорила, я слушал и молчал. По том позвал:

— Приезжай.

И она приехала.

Все завертелось с новой силой, с новым накалом. Встречи, признания, ссоры, примирения. И ощущение дикой усталости, опустошенности внутри. Какое-то новое чувство, которого раньше не было. Оно нависало надо мной, как грозовая туча, давило на грудь и предвещало скорый финал.

В какой-то момент я сломался. Боль от долгой марокканской разлуки с Лялей была настолько острой, что в ее отсутствие все переплавилось и перегорело. В душе осталось только унылое пегое пепелище, где не было места прежним надеждам.

Я чувствовал какое-то странное спокойствие, опустошение, почти равнодушие. Это новое ощущение пугало. Мне хотелось снова испытать то волшебное очарование, которое меня охватывало в присутствии Ляли… И это чувство все еще можно было вызвать искусственно, но теперь оно тянуло силы,

выматывало.

Тогда, когда вдруг кажется,
что все — пришли и нет пути назад,
Формальность вслед за сложностью
смещает прежний факт
Ведь все же чувства неискоренимы,
Проблемы, страхи
и страданья все же мнимы.
Уверен, есть возможность
отыскать тот берег и войти
Второй раз в устье быстрой той реки.

Ляля видела эту перемену. Если раньше она могла исчезать и появляться, то теперь в ее поведении открылось что-то новое — в чем я видел искренний страх потери. Она стала ездить за мной на концерты. Например, я мог поехать в Питер на гастроли и уже на месте обнаружить ее среди публики. Да! Она неслась вслед за мной, покупала билет на мой концерт и ожидала конца моего выступления перед сценой, стоя с огромным букетом белых роз. Она хотела сделать мне сюрприз. Она все чаще меня удивляла.

КОМУ ЖЕ, КАК НЕ НАМ, ЛЮДЯМ С ГЛУБИНОЙ ДУШИ, ЗНАТЬ, ЧТО ТАКОЕ БЕССОННИЦА.

МЫ С ЛЯЛЕЙ СТРОИМ СВОЙ ЗАМОК МЕЧТЫ НА БЕРЕГУ ОКЕАНА

Все случилось, когда мы поехали отдыхать на Гоа, в Индию. Во время поездки Ляля замкнулась, ушла в себя. Я пытался ее тормошить, но отступал перед ее грустным взглядом.

Наше последнее объяснение произошло на океанском пляже. Оно было кратким и уж точно не таким страстным, как все предыдущие. Страсть ушла.

— Витя... — тихо сказала Лайла. — Как думаешь, что будет дальше?

Она всегда задавала честные вопросы и ждала соответствующих ответов.

— Не знаю, — сказал я чужим голосом.

— Мне кажется, что дальше... что так продолжаться не может.

— А как должно быть?

— Я просто больше не могу, — прошептала Ляля и сжалась всем телом в песок, словно озябнув под прохладным океанским бризом и желая согреться. — Я очень устала.

Мы сидели на берегу океана и молчали. Я чувствовал себя так, будто наблюдаю за происходящим из параллельной реальности. Вроде бы все как всегда — вот Ляля, такая родная и знакомая, близкая. Рядом я — обнимаю свою возлюбленную, пытаюсь что-то сказать ей и одновременно ловлю себя на мысли, что это теперь выглядит до безобразия фальшиво. На самом деле я уже не внутри этих отношений, а как бы вовне.

— Давай просто расстанемся, — предложила Ляля.

— Да, наверное, так будет лучше, — глухо ответил я.

Так мы приняли решение по возвращении в Москву больше не встречаться.

За всю обратную дорогу Ляля не проронила почти ни звука. Она не плакала, и это было хуже всего. Лучше бы она рыдала, кричала, обвиняла меня в чем-нибудь. Я мог бы что-нибудь ответить. Но нет, она просто отпускала меня и уходила сама.

Некоторое время мы вели себя так, будто сумели забыть о существовании друг друга. Мы не были в ссоре, мы не держали обид. Просто эмоциональный накал еще не спал, и все было настолько больно, что мы бы не смогли смотреть друг на друга и представлять, что мы теперь чужие. И уж точно нам не удалось бы находиться среди общих друзей, смеяться, заводить новые знакомства на глазах у *бывшей любви*... Нет, это было бы лишним.

Наверное, правда? Уверен, бывает.
Судьба про идущих на свет забывает.
Быть избранными сердцу бешено биться.
С тобой понимать все и вдруг оступиться.
Упасть в пустоту и желать в ней остаться.

Теряя, заставить зрачки сокращаться.
Упасть и не ждать ничего и не верить.
Отказываться от того, кто в замене.
Быть преданным, даже если прежняя скажет: «Возьми».
Но фатальные чувства сильнее.
Ты хочешь отдать сердце мысли,
Увидев глаза мои полные боли.

Терять невозможно, не нужно, не вдруг,
Хочу в эту сказку, как маленький Мук,
Не понятый, но понимающий все.

Через несколько месяцев я узнал, что Ляля снова собирается в Индию. Буквально накануне я примчался, чтобы попрощаться и передать ей мою песню «Вода, песок», которую я сочинил, когда мы были в Индии. Не мог не прийти, ведь я совершенно не представлял, когда мы увидимся вновь. И будем ли мы при новой встрече теми же Лялей и Витей…

Вскоре Лайла вернулась в Москву — у нее оставались незавершенные дела в городе. А еще через некоторое время не стало Лени Нерушенко. Он погиб, врезавшись на мотоцикле в грузовик и перелетев через ограждение. На дороге, по которой он несся на своем байке, шли ремонтные работы. Леня к тому времени стал единственной ниточкой связывающей нас с Лялей. Он принимал участие во всех перипетиях наших сложных отношений — мирил нас, когда мы ссорились, давал советы, подставлял дружеское плечо то мне, то Ляле. Сопереживал. Был другом. И вот эта нить оборвалась…

Никогда не забуду тех минут, когда узнал о гибели Лени… Я был дома, что-то гладил, раздался звонок… Я не мог поверить своим ушам. Не помню, выключил ли утюг, не помню как домчался на место катастрофы…

Через несколько дней мы все приехали на похороны. Ляля явилась полуживая — она молчаливо стояла в сторонке, посеревшая, тихая, бледная и поникшая, словно тень. Плакать она не могла — она была в шоковом состоянии, и только глаза выдавали, насколько это невыносимое страдание — потерять разом двух близких людей, одного — навсегда, другого… Это был последний раз, когда я видел Лялю перед долгой разлукой.

Остались только строчки, пропетые веселым Лениным голосом — на диске, который вышел уже после его смерти:

Не забывай меня, нет.
Не забывай меня…

Может, встретимся...

Обязательно когда-нибудь встретимся, Леня. Я в это верю.

Лайла с ее природной веселостью и легкостью была слишком нежной для всех испытаний, выпавших на ее долю. Настолько нежной, что события этих лет подкосили ее. Через друзей мне передавали, что у Ляли нервный срыв — она временно находится под присмотром мамы.

После того как Ляля оправилась от потрясения, связанного с Лениной гибелью, она уехала в Лондон — учить английский, писать картины и просто жить другой жизнью. Ее след для меня затерялся. Она оставалась верной себе и не раскрывала свои планы даже перед лучшими друзьями. Ей требовалось одиночество. В одиночестве рождались лучшие ее стихи и картины.

Спустя два года после нашего расставания мы случайно встретились в Лондоне. Это было на Риджент-стрит, куда она зашла в магазин игрушек с подругой. А мы с Яной Рудковской приехали на гастроли. Мне хотелось осмотреть Лондон получше, и я прогуливался по той же улице. Вдруг кто-то вдруг хлопнул меня по плечу, я обернулся и увидел свою утраченную возлюбленную. От изумления я на пару секунд потерял дар речи, и когда голос вернулся, схватил ее за плечи и завертелся с ней по тротуару, повторяя: «Привет, привет, привет! Боже мой, это ты!» Контрапунктом шли сбивчивые реплики Ляли: «Слушай, я вообще не бываю в центре Лондона, представляешь! Я даже не знаю, как так получилось... Именно в этот день... И я здесь! .. Она действительно предпочитала шумным городским улицам тихие предместья и выбиралась в эти места довольно редко.

Ляля почти не изменилась. Разве что стала более величавой и, думаю, еще более прекрасной, чем была. Мы тут же отправились в ближайшее кафе, где около трех часов сидели, вспоминая прошедшие времена. Я расспрашивал Лялю, как она здесь устроилась, что делает, чем живет. Оказалось, она поступила в университет Уимбильдон и как художник выставляла свои работы на выставках...

Я был за нее искренне рад. Но теперь мы общались только как друзья. К тому времени мое сердце было уже занято Леной. И все же для Ляли там по сей день есть потайной уголок, где я храню эти воспоминания. Такое не забывается. Лена — это другие чувства, другие эмоции, абсолютно фантастические, но иного порядка. Ляля — прошлое, и она навсегда мой друг, близкий человек, часть моей души. Мы общаемся. Теперь — можем.

Из Лондона я уезжал со странным чувством. Будто эта

история любви, описав некий виток, наконец, завершилась. Хотя, о чем это я. Любовь — вечна. Если она настоящая, она никогда не заканчивается.

Прощай, мой друг, прощай,
Прощай, не навсегда,
Прощай, мой друг,
Ведь ты теперь — звезда...

Я думаю, что девушка на картине, подаренной мне Лялей, все же взлетела.

***

Не хочется грустно заканчивать эту главу. Часто вспоминаю один забавный случай. Расскажу. Через Леню Нерушенко я познакомился с Ксенией Собчак, мы стали друзьями. Я знал, что у них романтические отношения. Как-то вечером, когда я жил на Песчаной улице, ко мне примчался Леня с просьбой спрятать его от разгневанной Ксюши — они поругались. Ксения его искала, видимо, желая продолжить разборку. Названивала мне на телефон, колесила вокруг дома! Леня умолял: «Скажи, что я не у тебя»! Конечно я его прикрывал из мужской солидарности. Ксения в конце концов стала настойчиво звонить в домофон, но я стоял намертво, защищая друга! Мы даже свет повыключали. Высматривали ее, затаившись, из окна. Вот такие были молодые!

Глава 16
ЛОЖЬ, ВИДЕО И ПИАР

Мерзости шоу-бизнеса • «Дерганый он какой-то, Билан этот» • Мой будущий пиар-менеджер, а ныне диджей и адвокат • Немного о шутках Айзеншписа • «Я здесь больше не работаю»

Есть у меня одна дивная особенность: я никогда не устраиваю скандалов. Они сами возникают вокруг меня, вторгаются в мою жизнь против моей воли. Чаще всего — по вине людей, которые пытаются построить интригу вокруг моей персоны. Ведь многим не дает покоя сам факт моего существования. То тут, то там периодически вспыхивают какие-то междусобойчики, которые я

стараюсь игнорировать.

Друзья, знакомые, коллеги в связи с этим в один голос твердят, что скандал и эпатаж — не мой стиль. Что вы можете видеть даже по общему тону этой книги. Когда я начал ее писать, меня живо волновало, какую интригу преподнести читателю, чем зацепить. Вероятно, я мог бы шокировать широкую общественность каким-нибудь скандальным откровением... но зачем настолько явно выносить сор из избы? Люди везде одинаковы, и поверьте, в шоу-бизнесе не больше и не меньше историй, чем в любой другой сфере деятельности. Спросите, например, заводского работягу, и он вам расскажет столько о своем родном коллективе, что потом вы долго будете приходить в себя от обилия впечатлений. Время течет, истории забываются... Через десять лет о них уже никто не вспомнит.

Грязь, интриги, прочие мерзости — проблемы повсеместные. Правда, публичным личностям для их решения приходится привлекать профессионалов особого рода. Один из таких профи — пиар-менеджер Борис Хлуднев. Он заслуживает отдельного рассказа — как человек, который так много сделал для охраны моего спокойствия.

Я познакомился с Борей при забавных обстоятельствах. В то время только вышел мой ролик «Бум» — его крутили на MTV; сам трек оккупировал радиостанции, в том числе и «Юность». Туда меня пригласили для интервью. Как следует подготовившись, мы с Юрием Шмильевичем отправились отвечать на каверзные вопросы радиоведущих.

Я расположился в студии прямого эфира — тесной комнатке с парой микрофонов, а Юрий Шмильевич отправился прогуляться по студии, ему обязательно нужно было все осмотреть лично. Кроме того, шел эфир, и Айзеншпису предложили переждать мое интервью в другой комнате. Туда дублировалась трансляция, и можно было услышать все, что я говорил.

Минут через пятнадцать мой продюсер вернулся — злой как тысяча чертей.

— Нет, ты представь себе, каков наглец! — возмущался он на ходу. — Я не успел войти, как мне нахамили!

Я не удивился. Скорее всего, Айзеншпис снова стал кому-то рассказывать, какой я у него замечательный. А люди ведь реагируют на это по-разному...

Основной темой, из-за которой заводился Юрий Эмильевич, были его артисты. Айзеншпис безумно любил своих протеже, а ко мне он и вовсе относился как отец. Впрочем, не устаю повторять, что он готов был положить и жизнь, и кошелек за любого своего воспитанника.

— Сидит какой-то пацан!.. — продолжал Айзеншпис. — Мне, мол, не нравится!.. Да кто он вообще такой, чтоб судить!

Ага, я не ошибся.

— Какой пацан, Юрий Шмильевич?

— Да ну, неважно, забудь, — буркнул он. — Лезут тут со своим мнением...

Айзеншпис, кстати говоря, в разговоре с новыми людьми чаще всего опускал завязку и сразу брал быка за все подробности. Обычно бывало так: он входит, садится перед собеседником, некоторое время молча его изучает. Затем задает вопрос в лоб:

— Ну как?

Подразумевалось: я на тебя посмотрел, значит, познакомились; твое «здрасте» мне не надо, и ты тоже обойдешься; меня интересует только твой *положительный* отзыв о моем артисте; поехали. Люди обычно угадывали весь упакованный в полтора слова смысл, но не всегда горели желанием хвалить предмет разговора. Вот и в этот раз Юрий Шмильевич спросил молодого диджея Борю Хлуднева, как ему нравится мой «Бум». А тот возьми да и ляпни: а никак не нравится.

— Почему?! — искренне удивился Айзеншпис. Он всегда искренне удивлялся, если сидящий перед ним нормальный на вид человек оказывался слеп и глух к истинному искусству.

— Не нравится и все. Дерганый он какой-то, Билан этот.

Юрий Шмильевич ответил негромко, но разборчиво. Затем поднялся и вышел. Да и о чем говорить именитому продюсеру с начинающим радиоведущим, когда последний не способен проявить тактичность и, если не скрыть, то хотя бы завуалировать прущее из него дурновкусие?..

Так состоялось знакомство Айзеншписа с человеком, который позднее сыграл немалую роль в моей карьере. Чуть позже Боря признался, что Айзеншпис был единственным продюсером, кого он в тот момент знал, и тот факт, что он, Хлуднев, посмел возразить олимпийскому богу шоу-бизнеса, в его глазах было сильно крутым поступком. «Я всегда говорю, что думаю, — любил повторять о себе Боря. — Может, это и неправильно, но по-другому я не умею».

Года через полтора после этого небольшого происшествия наши пути снова пересеклись. Это был конец марта, мы только-только сняли клип на «Мулатку», а Юрий Шмильевич решил взять на работу пиар-менеджера и объявил в кулуарах об открытой вакансии.

Хлуднев, хоть и работал на радио, никогда в жизни не занимался пиаром. Зато он имел юридическое образование и

огромное желание «связываться с общественностью». Это и подкупило Айзеншписа — он всегда считал, что если человек хочет что-то сделать, то пусть сделает и докажет, что умеет. Словом, давал шанс. Боря сумел убедить Юрия Шмильевича, что шанс следует подарить именно ему — поскольку его специализация по образованию адвокатура, а между адвокатом и пиар-менеджером разница не так уж велика, если вдуматься. Айзеншпис вдумался, нашел этот тезис, не выдерживающим критики, но охотно пошел на эксперимент.

Так Хлуднев влился в наш дружный коллектив, заняв в нем поистине достойное место. Хотя мне он поначалу не слишком понравился — самоуверенный молодой человек, который все время норовил со мной спорить. Я ему слово — он мне два. Я ему три — он мне восемь. Боря не особенно задумывался над этим вопросом. Зато интересы своего «клиента», то есть меня, он умел отстаивать почти так же, как Юрий Шмильевич. То есть с пеной у рта под закрытым забралом.

В новом коллеге меня раздражало то, что он постоянно давал мне какие-то рекомендации. Я заводился, потому что у меня всегда было собственное мнение и видение, что и как я должен делать, с кем общаться. К тому же у меня был продюсер, с которым я предметно обсуждал свои проекты. В конце концов, каждый должен заниматься своим делом.

Есть еще один момент. Я — человек достаточно открытый и эмоциональный, поэтому в общении с людьми предполагаю полное отсутствие недомолвок. Выявлять недомолвки призвана старая добрая драка; ну хотя бы просто хороший конфликт. Обычно на высокой ноте ты слышишь о себе такое, что тебе никогда не скажут в спокойном состоянии. Кроме того, в момент конфликта проявляются скрытые черты характера человека — и то, как он общается с людьми, и то, как он действует в своей профессии в момент стресса, и как он умеет владеть собой. Правда, с годами я понял, что далеко не всегда уместно проверять человека на прочность. И что в порыве горячности многие утрируют свои эмоции, могут наговорить или наделать чего-то, о чем потом будут жалеть. Тем не менее. Лучше высказать и извиниться, чем копить в себе и держать камень за пазухой. Таково мое мнение.

Сейчас я могу сказать о Боре немало теплых слов — благодаря его усилиям состоялось множество интервью, публикаций, пресс-конференций, и оказанное ему доверие он оправдал в полной мере. Но тогда я просто взвивался до потолка и спорил с ним до хрипоты, отстаивая свои права на самоопределение.

Увы, у известных артистов не бывает какой-то особенной «личной жизни». Они всегда на виду и всегда должны помнить о том, что за ними следит пресса и общественность. Это неизбежная часть моей профессии. Иногда я слегка завидую людям, которые могут беспрепятственно пройтись по улице — и их никто не узнает. Если кто-то из них придя вечером с работы домой, поругался с соседями, это будет на следующий день замято и стерто из памяти. Артист не может себе такого позволить, потому что это сразу становится известно всем, причем с такими подробностями и в таких красках, что хоть иконы выноси.

Я тогда буквально пару лет как приобрел широкую известность, а Боря изо всех сил старался сохранять мое реноме в лучшем виде. У нас с ним на этой почве образовалась какая-то «заклятая дружба» — мы злились друг на друга и нуждались друг в друге одновременно.

Со временем Борис научился виртуозно определять, какому изданию что сообщить, кому давать интервью, а кому нет, как наладить контакт с журналистами. Он фильтровал все новости обо мне, и, если пресса пыталась инкриминировать мне какую-нибудь некрасивую историю, он это изящно улаживал. В общем, Юрий Шмильевич его очень ценил, но периодически над ним подшучивал — не мог Айзеншпис пожить без каверз, такова была его натура.

Розыгрыши бывали самые разные. Например, Юрии Шмильевич мог позвонить своим друзьям из какого-нибудь издания, а наутро в печати появлялась сногсшибательная новость обо мне в стиле «Билан подружился с прирожденной убийцей» или еще что-нибудь из того же ряда. Боря впадал в ступор, бледнел, начинал звонить в злополучное издание, чтобы выяснить, кто посмел наехать на его артиста. Рядом ехидно поддакивал и комментировал Юрий Шмильевич.

— Надо разобраться, Боря! Просто уже что хотят, то делают, совсем совесть потеряли!..

ЛОНДОН, 2003 ГОД

Или:

— Вот, суки, ну надо же, раскопали! Давай, Боря, надо уладить!

Хлуднев звонил, а на другом конце провода недоумевающий журналист спрашивал:

— А при чем тут наше издание? Вы вообще-то с руководством общаетесь? Нам Айзеншпис прислал сообщение...

Боря ронял трубку, метал взгляды-молнии в сторону Айзеншписа, но толком сказать ничего не мог, поскольку спорить с начальством, как известно, себе дороже. Тем не менее было видно, что рано или поздно эта бомба взорвется и что-то произойдет. Так и вышло.

Как-то раз Боря договорился об интервью со мной в одной известной телепрограмме. Программа была рейтинговая, попасть в нее было большой удачей, поэтому Хлуднев готовился к съемкам с особой тщательностью, пытаясь ничего не упустить из виду. Ожидалось, что на запись передачи по заранее оговоренному сценарию уйдет как минимум день.

Съемки шли как по маслу. И я совсем расслабился, когда журналистка-телеведущая вдруг задала мне один из тех каверзных вопросов, на которые я очень не люблю отвечать. Обычно я их попросту игнорирую.

Не столь важно, что это за вопрос, вам бы он тоже не

понравился, уверяю. В комнате повисла тягостная пауза, во время которой я сидел, уставившись на журналистку квадратными глазами, и соображал, как уйти от темы и обойтись без бурного выражения эмоций. Ведущая тоже притихла, осознав, что сделала что-то не то, и теперь, видимо, решала, как загладить ситуацию.

— Ну, я имела в виду... — начала она.

Присутствующий при этом Боря затянул одновременно с ней:

— Может быть, не стоит так прямо, в лоб...

Я тоже подключился, и пару минут мы с ведущей буксовали в болоте вводных слов и недомолвок. Наконец вырулили на сушу, сменили тему, и следующий пассаж растерявшей пыл журналистки я отфутболил дежурной фразой о том, что с Айзеншписом у нас хорошие рабочие отношения и что наше сотрудничество обещает быть плодотворным и в дальнейшем. Хотя первоначальная накладка была не совсем из этой области.

На следующий день мне рассказали, что Юрий Шмильевич грубо отчитал Борю за этот эпизод. А тот вспылил, собрал вещи, проорал сакраментальное: «Я здесь больше не работаю!» — и хлопнул дверью.

Юрии Шмильевич был горячим, но на редкость справедливым человеком. Он сразу понял, что перегнул палку. И принялся названивать своему сотруднику, чтобы выяснить, насколько серьезен тот в намерении покинуть компанию. Телефон Хлуднева молчал — он был «вне зоны действия сети» что еще больше обеспокоило Айзеншписа.

— Хоть из-под земли мне его достаньте!;.. — рявкнул продюсер на остальных членов команды. — Но чтоб завтра! С утра! Он! Был! На-ра-бо-те!!!.. У нас по плану фотосессия!..

В первую очередь Айзеншпис хотел просто поговорить с Борей. Проблему нужно было как-то улаживать.

Я полночи не спал и пришел в офис к девяти утра, что тогда было для меня настоящим подвигом. Там меня поджидал наш офис-менеджер Леша. Юрий Шмильевич был давно на рабочем месте, он дал мне инструкции ехать с Лешей, а уж с Хлудневым он разберется самостоятельно. С самим Борей я столкнулся на выходе.

— Привет, — сказал я.

Он поздоровался, не глядя на меня. Попытался пройти мимо: обиделся.

— Поедешь с нами? — спросил Леша, делая приглашающий жест в сторону машины. Борис сопровождал меня на всех пиар-мероприятиях, и фотосессии не были исключением.

— Ой, нет, — прервал я Лешу, — Юрий Шмильевич хочет поговорить с ним тет-а-тет...

При этом на душе у меня было что-то липкое и мерзкое. Гадливое чувство — будто при разговоре с бывшим соратником, который теперь примкнул к другой стороне или стал выброшенным из стаи одиночкой. Стыд, вина, укор, желание и невозможность оправдаться...

Уж не знаю, какими посулами и уговорами Айзеншпису удалось разрушить ситуацию и не допустить ухода по-настоящему ценного сотрудника. Важно лишь, что Боря остался. И после этого случая мы с ним стали работать совсем иначе. Отношения потеплели, я стал воспринимать Хлуднева мягче. Можно сказать, что я принял его личность со всеми достоинствами и недостатками. Прекратил его подначивать и стал чаще слушать его комментарии. Хотя я все равно поступал по-своему. Но право на уважение к своему мнению Борис отстоял.

Глава 17
АЙЗЕНШПИС КАК ОН ЕСТЬ

Легендарный монстр • Глубокая личность с тяжелым характером • Его маленький мир • Проверка на прочность • На грани разрыва…

Пришло время рассказать, что же представлял из себя Юрий Шмильевич Айзеншпис как продюсер и человек. Каков он был в повседневном общении и почему его так боялись. А то у вас, мои малахитовые, сложится то еще впечатление о моем старом добром боссе: то он просто ругнулся, то завелся и скандалил, дойдя едва ли не до рукоприкладства… О да, в шоу-тусовке о нем ходили легенды: что он запросто мог избить своего/чужого/зарубежного артиста или журналиста, или кого угодно: что он вообще страшный человек, которого нужно как минимум опасаться. для посторонних Айзеншпис выглядел эдаким монстром, который ни с того ни с сего бросается на людей; тем более бывший зека…

Но это все — поверхностные впечатления, неприменимые к глубокой, *настоящей* личности. Айзеншпис был разносторонне образованным, тонким человеком. Чтобы выносить о нем суждения, нужно было с ним тесно общаться и понимать, чем он дышит, почему поступает так, а не иначе. Говорю точно: большинство из тех, с кем он когда-либо работал, по прошествии времени не скажут о нем абсолютно ничего плохого. Потому что Юрий Шмильевич был хорошим человеком. С тяжелым характером, не спорю. Однако это — лишь нюанс его личности.

Прежде всего, Айзеншпис был весь в своей работе. Он безумно любил свое дело, болел за каждого артиста, который находился у него под патронажем. Юрий Шмильевич настолько сживался с артистами, что готов был самостоятельно решать все их вопросы, включая личные, чего ни один продюсер российской (а может быть, и зарубежной) эстрады не делает до сих пор.

Айзеншпис вкладывал в дело весь пыл своей страстной натуры, поэтому возникало множество ситуаций, когда он срывался на своих артистов-протеже, музыкантов и других сотрудников из-за мелкой накладки. Проще, наверное, перечислить дни, когда подобного не происходило. Но все привыкли; к тому же босс остывал так же быстро, как заводился. Зла не помнил, камней за пазухой не держал.

Своей бурной заинтересованностью в деле он формировал вокруг него особую ауру, оберегающую от всех нападок. Юрий Шмильевич был одним из немногих профи, умевших органично вписаться в продвижение своей концептуальной идеи — детища, наделенного частью его души. В этом человеке я с самого начала наблюдал несколько потоков, которые как-то умудрялись не противоречить друг другу. Это талант чувствовать и выбирать музыку, талант на ней зарабатывать и, самое главное, талант сохранять человеческое отношение к ней — то уважение, которое не дает *музыке* превратиться в *музыкальный продукт.* Поэтому его

проекты всегда занимали достойное место в мире, завоевывали статус выигрышных, несмотря на препятствия и неблагоприятные стечения обстоятельств.

Он создавал вокруг себя маленький мирок, куда было дано войти далеко не каждому. Мир, где он всегда контролировал ситуацию, излучал уверенность в себе и непоколебимость своих позиций даже молча.

Что, в свою очередь, структурировало окружающих. Проще говоря, само присутствие Айзеншписа создавало в коллективе рабочую атмосферу. Он ставил четкие задачи; если подчиненные могли талантливо преобразовать и дополнить сценарий босса, это всегда поощрялось — пусть даже парой слов одобрения. Впрочем, он редко хвалил кого-то вслух. И вольности допускал лишь в четко очерченных пределах, которые следовало просто почувствовать. Не юлить, не халтурить, работать так, чтобы ни один час не проходил даром. При соблюдении этих условий он давал шанс очень многим; если же нет — летающие стулья на кухне студии безалаберному работнику были обеспечены. В гневе мой продюсер был отнюдь небезобиден.

Показателем потенциала человека было уже то, что Айзеншпис с ним работал. Он безошибочно угадывал скрытые возможности и ресурсы личности — ведь только так открывают новые звезды. Даже если человек — например, я — сам порой не особенно верил в себя, то Айзеншпис верил в него вдвойне, и своей силой он заставлял подниматься с колен. Подобные бодрящие отеческие подзатыльники он мог раздавать одним лишь взглядом.

Личность со сверхэнергетикой. При этом в его биографии было немало тяжелых ситуаций (многие уже обнародованы), несмотря на которые он оставался человеком с большой буквы. И смотрел на жизнь теми же глазами, держа в узде не только себя, но и всю команду. Кстати, о команде. В его окружении не было бесполезных людей — даже самые нелепые экземпляры здесь играли свои нужные роли. Просто так в «Star Production» не задерживались.

Так натаскать и так нацелить на процесс мог только он. Ведь и сегодня, когда его нет, внутри все равно сидят прежние правила, и я повторяю их, порой не желая себе в этом признаться: Айзеншпис сделал бы так-то, он бы вот этой дорогой пошел, а за это он бы поругал — значит, неправильно, значит, надо уходить. Это мой фундамент, и он заложен на совесть, ибо Айзеншпис умел это лучше всех.

С ним можно и нужно было спорить, обязательно следовало отстаивать свою точку зрения. Лучше — по-человечески,

эмоционально, хотя это и будоражило его еще больше. Бывали моменты, когда накопившиеся противоречия вынуждали закричать и уйти, чтобы в спокойной обстановке творить под напором собственных идей, не давая продюсеру возможности прессовать себя. В такие дни руководство Айзеншписа ощущалось как гнет бетонной плиты в несколько тонн весом. Но когда накал спадал, все вставало на свои места. Возвращаясь, я понимал, что возвращаюсь в свое гнездо и свою обитель, где за меня по-прежнему болеют, где твердо знают, чего я стою. И тогда все прощалось быстро, без оглядки, не кривя душой. Ну а вообще, я старался сдерживать себя во время споров с Юрием Шмильевичем. У него во время ссор поднимался сахар, так что ругаться с ним было бы подло.

У него было особое чувство юмора. Несмотря на суровость, он любил шутить — иногда грубо, но это всякий раз поднимало настроение и наполняло жизнь нужными эмоциями.

Борис Зосимов, бизнесмен, близкий друг Ю.Ш. Айзеншписа:

Юра — вне конкуренции. Это мега-менеджер. Это черта характера, умение встать в семь утра и с семи утра начать звонить — всем! Я его отучал от этого, у меня год на это ушел. Он мог убедить, что его артист лучший, и вот — ты еще не слушал ни одной его песни, а у тебя уже в подкорке сидело, что появился какой-то гений. Гигантская работоспособность, умение успеть везде и умение сказать в нужное время в нужном месте «да я тебе пасть порву!»...

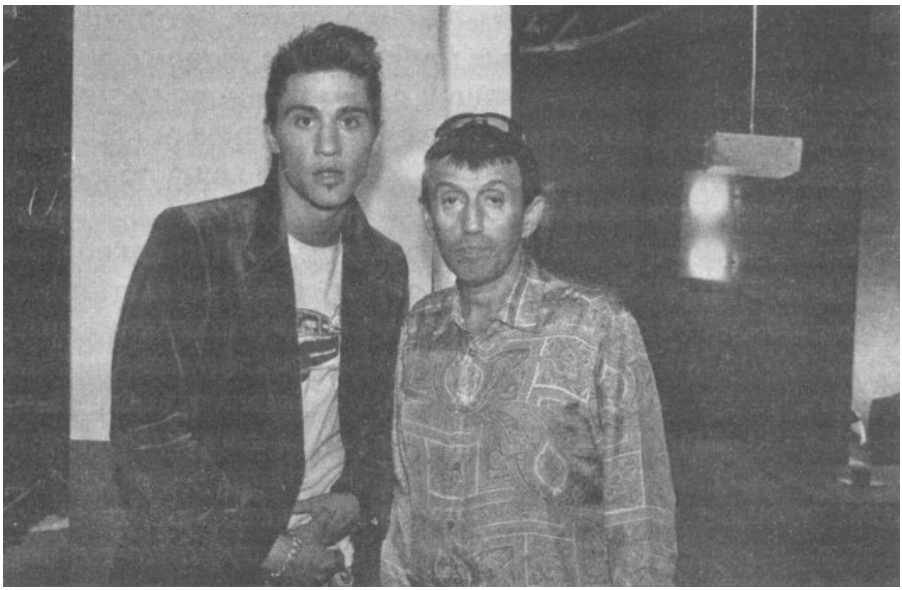
Билан меня интересовал как продукт — очень качественный продукт для моего канала. Плюс — он оказался просто хорошим парнем. Дима вообще никогда слова поперек не говорил, приезжал — что просили, то и делал, работал. Он мне безумно понравился как человек. у него, конечно, есть своя линия по жизни, было бы смешно, если бы ее не было. Он давно, видимо, знал, кем хочет стать. И он к этому пришел. Я таких людей уважаю, я сам такой.

Сейчас мне очень нравится, как работает Яна. Я с ней практически не общаюсь, но вижу, что происходит. Она достойно подхватила Юркино знамя.

Юра был очень эмоциональным, очень подвижным, для него не было ничего важнее, чем его дело и его сын Миша. Артист для Айзеншписа был его ребенком, вторым сыном. А Диму Юра и вовсе обожал. Может быть, сам Дима этого не знает, но я-то знаю. Айзеншпис им гордился, мог позвонить мне в два часа ночи и сказать: «Ой, мой сегодня так дал на концерте!..» Дима и сын Миша — два главных дела Айзеншписа в этой жизни.

Юра был с артистами строг. Подопечный ему: «Я с друзьями на дискотеке», а Юра: «Во сколько поедешь домой?..

Ты сегодня ел?!» Ну как с ребенком. В целом эту заботу нельзя было не заметить, и Дима очень ее ценил.

НА СЪЕМКАХ КЛИПА «ПОЗДРАВЛЯЮ»

Людей, которые удостаивались благосклонности Юрия Шмильевича, в его окружении было не так много. Но со мной ситуация взаимного уважения сложилась сама по себе. Айзеншпис изначально не позволял себе ничего излишнего в мой адрес, и в этом я стал счастливым исключением из правил. Были моменты, когда мы с ним спорили, не обходилось и без бросания телефонных трубок, и без уходов с возвращениями, но в целом в наших с ним отношениях царило молчаливое согласие. При всех внешних эффектах — ссорах и спорах — Айзеншпис мне доверял и меня по-своему любил.

Все это от того, что мы с Юрием Шмильевичем во многом походили друг на друга — оба волевые, решительные люди, не терпящие никакого насилия над собой, да простится мне столь смелое сравнение. Может быть, именно поэтому Айзеншпис и был ко мне настолько привязан. Я ни когда не давал себя в обиду, он тоже. Со стороны наша пара — продюсер и артист — действительно выглядела незаурядно близкой, что рождало многочисленные слухи, которые меня так донимали.

Первые пару лет мы с Юрием Шмильевичем проверяли друг друга на прочность. Айзеншпис постоянно меня провоцировал,

подбрасывал какие-то обидные штуки и наблюдал за моей реакцией. Негативных ситуаций в общении с ним было много, поскольку Юрию Шмильевичу обязательно нужно было довести человека до точки кипения, за которой обычные люди теряют терпение и начинают активно протестовать.

Каждый из его сотрудников хоть раз доходил до последней грани и заявлял: «Все, я здесь больше не работаю!» Кто-то покидал компанию безвозвратно, кто-то возвращался. Эти экстремальные условия и были кузницей кадров имени Айзеншписа. Причем, как я теперь понял, в «программе воспитания» Юрия Шмильевича пункт «Проверка скандалом» был обязательным. Что имело смысл, ведь бесконечные концерты и многодневные туры действительно съедают столько сил, эмоций и нервов, что не каждый способен пережить такой стресс.

Со мной подобная сцена разыгралась на неофициальной вечеринке в честь дня рождения одного уважаемого человека. Юрия Шмильевича пригласили, и он захватил меня с собой, чтобы я мог примелькаться и осмотреться. Была весна, на дворе стоял солнечный день, настроение было приподнятым, а стол — обильным. Разговоры велись в основном о музыке, шоу-бизнесе и искусстве вообще. Я скромно сидел в уголке — на правах зеленого пацана среди мэтров и серьезных людей, которых я слегка побаивался. Я по преимуществу слушал беседы окружающих и мотал на ус.

Публика неуклонно веселела, и на подъеме эмоций зашел разговор о новом артисте Айзеншписа, то есть о Диме Билане. Все обратили взоры в мою сторону.

— Ну-ка, давай что-нибудь нам спой! — распорядился Айзеншпис. Он был благодушен и явно желал продемонстрировать, насколько талантлив и неподражаем его новый питомец.

А я сидел и понимал, что мое импровизированное выступление соло здесь неуместно: это просто не мой праздник. Но Юрий Шмильевич считал иначе. В любом месте и в любое время он полагал, что именно сейчас наступил момент продемонстрировать людям мощь его артиста — пусть даже и без аккомпанемента. Мне необходимо было срочно что-то придумать, чтобы как-то пресечь это желание.

— Юрий Шмильевич, — сказал я. — Давайте я спою потом, на концерте. На сцене, с музыкантами. Иначе это будет намного хуже смотреться и слушаться...

Айзеншпис счел мои доводы резонными, кивнул и сел на свое место. Но надо помнить о характере моего продюсера: он ведь уже сказал коллегам, что подопечный выступит... Поэтому

прошло еще немного времени, и он снова начал выказывать недовольство, подталкивая меня под столом ногой — мол, давай, пой, не разочаровывай публику. Я делал вид, что ничего не замечаю, а другие гости не замечали тем более, потому что Айзеншпис не повторял свою просьбу вслух — не хотел, чтобы кто-то усомнился в его авторитете.

Но когда мы покинули вечеринку и сели в машину, оба уже были на взводе. Я в тот момент думал, что перечил именитому продюсеру и что, видимо, дальнейшая совместная работа с ним мне не светит. И уже внутренне был готов к тому, что сотрудничество может на этом прекратиться.

Айзеншпис же был страшно недоволен — мол, как же так, я для тебя стараюсь, а ты еще и упираешься?.. Да как ты посмел?! Кто ты такой?!. Всю дорогу я выслушивал его красочные экспромты в мой адрес — и вынужден был молча признавать их сложность и силу воздействия. Босс умел за гнуть, как следует — сказывалась многолетняя практика.

На тот момент я еще не прошел его школы, а потому долго не вытерпел. В районе Белорусской машина притормозила на светофоре, и как только мы снова тронулись, я распахнул дверь и выскочил на ходу на Садовое кольцо, по которому мы двигались в сторону Волоколамского шоссе — возвращались на Сокол. Машина взвизгнула тормозами, дверца приоткрылась.

— Эй, куда?! — возмутился Айзеншпис, несколько сбитый с толку моим поведением. — А ну вернись!

— Да пошел ты! — не оборачиваясь, крикнул я. Первый раз назвал тогда его не на «Вы».

И зашагал в сторону метро, резонно полагая, что это мой последний день и с Айзеншписом, и в Москве, и, может быть, вообще в шоу-бизнесе.

У МЕНЯ ВСЯ ЖИЗНЬ СУМАСШЕДШАЯ. И ПОСТУПКИ ВСЕ, МЯГКО ГОВОРЯ, НЕ ВСЕГДА УМНЫЕ. НО ЕСЛИ БЫ НЕ ЭТИ ПОСТУПКИ — НЕ БЫЛО Б АРТИСТА ДИМЫ БИЛАНА.

Я добрался до дома часа через два, не раньше. Перед этим я отправился бродить по Садовому. Смотрел на яркие вывески, которые когда-то казались мне волшебными, манящими, праздничными, а теперь превратились в китч кислотных тонов. Я шел и с грустью думал о том, что все это, возможно, скоро станет лишь воспоминанием... А я так мечтал о Москве и так хотел здесь остаться!

Я переваривал произошедшее, постепенно приходя в себя и успокаиваясь. Мысли рождались сплошь философские. Я вдруг

почувствовал небывалую свободу. Если мне нечего терять, значит, и бояться нечего. Опасения по поводу того, смогу ли я оправдать ожидания продюсера, других людей, свои собственные, — растворялись, оставляя покой...

Чуть позже я сидел на лавочке перед своим домом, дышал относительно свежим ночным воздухом и смотрел вверх — туда, где должны быть звезды. Хотелось увидеть их и почувствовать причастность к чему-то огромному, как в детстве. Или не почувствовать, а вместо этого заметить, что они открыто насмехаются над маленьким человеком. Но звезд не было.

Я не знал, что я буду делать дальше, но точно знал, что обязательно найду выход. Успокоившись, я отправился спать.

На следующий день, ближе к обеду, раздался телефонный звонок.

— Ну, как ты там? — услышал я чуть надтреснутый, но бодрый голос Юрия Шмильевича.

— Нормально, — буркнул я. — А вы?

— Да я-то чего... Ты это... Сегодня концерт, помнишь? За тобой Леша заедет в полседьмого.

— Угу, — ответил я, стараясь скрыть радостное удивление.

А как же ожидаемое «я расторгаю все!» и «чтоб духу твоего здесь больше не было, сопляк! ..»?.. Я был готов ко всему. Но Юрий Шмильевич звонил как ни в чем не бывало и говорил ровным голосом без малейшего намека на скандал:

— Извиняй, потрепал я тебя слегка. Это не со зла, сам должен понимать.

— Да ладно, что там, — сказал я. — Все нормально...

Упираться не стоило. В конце концов, я тоже зачастую не подарок.

— Ну и лады, — сказал Айзеншпис и повесил трубку.

А я вздохнул с облегчением и стал собираться на вечерний концерт.

Меня уже не так тянуло в Кабардино-Балкарию. Я уехал покорять Москву, и я должен был это сделать. Все последующие годы сотрудничества с Айзеншписом я пугался именно такой перспективы: вдруг что-то сорвется, я не справлюсь, и — прощай, карьера. Чемоданы, поезд...

Но это был единственный случай, когда дело почти дошло до разрыва. Больше Айзеншпис никогда не позволял себе кричать на меня, тем более прилюдно. И я даже мысли не допускал, что такое вообще возможно. Хотя до идеальных рабочих отношений было все же далеко — прошло еще немало времени, прежде чем мы начали по-настоящему понимать друг друга.

Глава 18
«МОЕ СЕРДЦЕ ОСТАНЕТСЯ ЗДЕСЬ»

Артисты и продюсеры: деловая этика • Нам делают весьма серьезное предложение • Демонстрация намерений и сказочные перспективы • Извините, душа не продается

Будучи человеком контактным, я быстро сдружился не только с Леней Нерушенко, но и с другими ребятами из «Динамита». Одновременно с этим я резво догнал группу по популярности.

Вскоре мы затеяли совместный проект — записали песню «Хочу стать олигархом» и сняли на нее клип в виде забавного 3D-мультфильма. «Динамиты» в ролике были изображены рисованными персонажами, а я — реальным человеком. Эту работу можно смело назвать гимном моей дружбе с «Динамитом».

С ИЛЬЕЙ ЗУДИНЫМ ИЗ «ДИНАМИТА»

К тому времени я уже ощущал всю тяжесть «бремени славы». Нам с Юрием Шмильевичем периодически поступали разнообразные предложения сотрудничества. Но вот на связь с нами вышли люди, попытавшиеся заинтересовать меня не просто новым проектом, а более выгодными условиями для меня лично как артиста. Проще говоря, меня собрались переманить у Айзеншписа.

Хоть в подобных ситуациях и нет ничего незаурядного это часть опыта всякого успешного человека, — но меня случившееся впечатлило. Это было что-то новое. Да и события развивались вовсе не по стандартному сценарию. А посему добавлю-ка я к данному происшествию немного подробностей.

Сперва следует напомнить, что мир шоу-бизнеса тесен, здесь все друг друга знают. А если не знают, то наводят справки и получают исчерпывающую информацию. Тут принято договариваться между собой цивилизованно, избегать скандалов и учитывать интересы всех сторон. Бывают некрасивые прецеденты, куда ж без них, но люди, которые хотят заниматься

шоу-бизнесом серьезно, волей-неволей постигают азы деловой этики.

Поэтому переход артиста к другому продюсеру выглядит как заключение новой сделки и почти всегда обходится без стрельбы... Поймал вас, а? Представьте, что вместо многоточия там смайлик, и продолжим. Так: всегда без стрельбы. Несмотря на это, истории подобных «измен» мне всегда были неприятны. Возможно, в силу природного максимализма. Или просто потому, что я долго привыкаю к людям, мне нужно время, чтобы сработаться и притереться.

Игорь Крутой, продюсер, бизнесмен:

Встреча Юры и Димы не случайна. До Димы у Айзеншписа были проекты, но менее удачные. И конечно, там хватало разборок особого рода, какие часто случаются между продюсером и артистом, когда второй становится популярным. Ведь как это бывает? Неизвестный артист приходит к продюсеру, и если артисту в этот момент сказать: «Я сделаю тебя знаменитым, только подпиши договор о продаже всех своих органов через пять лет», то он подпишет. Но вскоре наступает момент, когда в зале аншлаг, а артист оборачивается к своему продюсеру и говорит: «Господи, да откуда ты взялся на мою голову и чего ты отмены хочешь?!» Ведь большая часть деловых отношений у нас до сих пор опирается на человеческую договоренность...

Вдобавок ко всему в то время меня периодически посещала мысль, что вокруг масса людей, которые стремятся нажиться на моем таланте. Я не доверял продюсерам до конца и упускал из виду простую истину: прежде, чем нажиться, надо неслабо вложиться. Чуть позже, узнав шоу-кухню получше, я понял, что не прав, и изменил свое мнение.

Итак, во время съемок клипа «Хочу стать олигархом» мы познакомились с двумя уважаемыми людьми — один весьма известен в деловой среде, другой — в мире шоу-бизнеса. И нам с Юрием Шмильевичем сделали заманчивое предложение. Оно заключалось в покупке моего контракта у «Star Production» другой продюсерской компанией.

Предложение было серьезным: другой продюсер предлагал Айзеншпису крупную сумму денег, которая вдвое покрывала все расходы Юрия Шмильевича на мою раскрутку. Мне же новая компания могла открыть поистине сказочные горизонты — появилась перспектива работать с лучшими западными композиторами и музыкантами. То есть автоматически сделаться и более популярным, и более обеспеченным человеком.

Предлагали машину, квартиру, ну и так далее...

Сегодня я говорю об этом спокойно, а вот тогда... Это было колоссальное искушение и для меня, и для Айзеншписа. И стоило мне на миг допустить, что сделка совершится... лишь представить... как начинали трястись руки, а перед глазами все плыло.

— Что скажешь? — спросил меня Юрий Шмильевич, выслушав подробности возможной сделки.

— А вы? — поинтересовался я не своим голосом.

— Это очень щедрое предложение, — сообщил Айзеншпис с неестественным спокойствием. — Тебе надо его обдумать. Тщательно и на холодную голову.

И я взял время на размышление. Пока я думал, события ускоряли свой бег. Мы несколько раз встретились с бизнесменами в Москве, затем я уехал на съемки клипа «На берегу неба», но переговоры продолжались и там — в одном из лучших ресторанов Венеции. Уже никто не сомневался, что сделка состоится, и мы подробно обсуждали мой новый контракт, стараясь не забыть ничего важного.

Чтобы мы с Юрием Шмильевичем были уверены в серьезности их намерений, бизнесмены заказали мне в Питере машину очень дорогой марки. В то время я и мечтать не мог о такой. Ее пригнали в Москву и поставили под окном моей съемной квартиры (я в то время жил на Соколе, в скромной двушке). Утром я выглядывал во двор, видел сверкающую бамперами красавицу и осознавал, что она станет моей, как только я подпишу нужные бумаги. Со стороны новых продюсеров это было сильным ходом, я оценил. И все же на душе у меня скребли кошки...

Каждый день я принимал звонок от моих будущих компаньонов. Они всегда спрашивали одно и то же:

— Дима, ну, как дела? Когда начинаем работать? Я уклонялся от ответа и просил еще немного времени на раздумья. А в голове постоянно крутились мысли о том что мир теперь у моих ног. Нужно только руку протянуть. И все равно...

Я завел себе табличку со списком плюсов и минусов как в случае положительного, так и отрицательного ответа. И зачем-то записал в свой дневник дату: *«2007 год»*. Мне почему-то казалось, что именно в седьмом выйдет мой первый англоязычный альбом.

Плюсы от заключения сделки превосходили минусы при любом раскладе. Логика происходящего вопила, что думать тут нечего — надо соглашаться. А я понимал, что пытаюсь себя обмануть и найти повод отказаться — что-либо, кроме туманных предчувствий. Но разумных поводов не было.

После напряженных раздумий и длительного самокопания я просто позвонил Айзеншпису.

— Юрий Шмильевич, вы уверены, что нам обязательно принимать это предложение? — спросил я напрямую.

— Давай встретимся и поговорим, — тут же отреагировал Айзеншпис.

У нас с продюсером, несмотря на разницу в статусе, всегда были честные, доверительные отношения. Я не вещь чтобы меня продавать, менять или сдавать в аренду, и такое важное решение Юрий Шмильевич не мог принять без моего согласия. Он все прекрасно понимал. Но и я не мог вести себя слишком независимо, ибо одно дело — мое желание или нежелание, и совсем другое — планы Айзеншписа. Я понимал, что это предложение расставит точка над і в наших с Юрием Шмильевичем взаимоотношениях.

Мы встретились в ресторане, заказали по чашке кофе и некоторое время сидели молча.

— Ты пойми одно, Дим, — начал Юрий Шмильевич.— Я не могу предложить тебе те же условия, что и эти люди. И чтобы нам достигнуть того же уровня, какой может быть у тебя с ними уже *сейчас,* понадобится несколько лет...

— Но ведь мы сможем, правда? — сказал я, глядя ему в глаза.

Юрий Шмильевич молчал. Он ждал моего решения-приговора с несвойственным ему фатализмом.

— Я не хочу от вас уходить! — твердо сказал я. — Мне с вами очень комфортно, позитивно, легко работать. Мы уже давно вместе и много чего пережили... а этих людей я совсем не знаю. Убежден, что они сдержат свое слово и выполнят обещания... но я не уверен, что смогу с ними сработаться.

В один миг взгляд Айзеншписа смягчился, лицо посветлело и разом стало выглядеть моложе.

— Да, от настроения многое зависит, — подтвердил он.

— Ну вот, — продолжал я, все больше убеждаясь в правильности своих слов. Вы получите деньги, но вам придется искать другого артиста. А если вы с ним не сработаетесь?.. Мне кажется, что будет правильно оставить все как есть. Потому что сейчас я работаю не просто с продюсером, а с другом — в самом высоком смысле слова!..

Мы продолжили трудиться с еще большим упорством. При этом я чувствовал, что мой голос в принятии разных решений стал еще более весомым.

Несмотря на то что мир шоу-бизнеса прагматичен и постоянно оперирует цифрами (деньги, рейтинги и прочие расчеты), сама музыка — это часть души того, кто ее написал и

исполнил. Когда я делаю что-то от души, я полностью выкладываюсь. Нужно было долго и трудно отстаивать «сложные», не примитивные песни. А душа не терпит насилия над собой и не продается. В тот момент я подспудно ощутил, что могу потерять важнейшую составляющую творчества — вдохновение. И вообще — от добра добра не ищут.

Юрий Шмильевич не стал меня переубеждать. То, что я пока лишь угадывал, он уже давно знал наверняка. Чувствовалось, что он мной доволен.

— Хорошо, — сказал мой продюсер. — Так тому и быть. А за друга — спасибо.

Борис Зосимов председатель совета директоров телеканала «MTV Россия» с 1998 по 2002 год:

Мне с первого дня знакомства нравилось отношение Димы не только к делу, но и к его менеджеру. Для меня это было очень важно, поскольку я сам когда-то был менеджером и знаю, что благодарные артисты — редкость. Дима оказался благодарным артистом.

У новичка, бывает, сносит крышу после первого же выхода на сцену. Вот он вышел, в зале десяток родственников, все аплодируют, а артист при этом искренне уверен, что он один на всем белом свете, самый лучший, самый талантливый. И это даже не гордыня, это часть его психологии. Поэтому на первом этапе точка зрения менеджера или продюсера всегда совпадает с точкой зрения артиста — ведь артисту, по большому счету, все равно, ему просто нужно поскорее стать известным. Затем артиста узнают на улицах, берут автографы, показывают по телевизору. И после этого ему приходит в голову, что продюсер здесь вообще ни при чем. Я наблюдал это не один раз. Артист начинает думать, что он сам все сделал и сделает впредь. Идеальных примеров, когда артист остается с продюсером от начала и до конца, я знаю немного. Вот Дима остался бы с Айзеншписом, если бы Юра был жив. Дима всегда понимал, что делается для него продюсер. Он уважал чужой труд — в том числе умение Юры подбирать музыкальный материал. Мы с Юрой часто спорили о том, какую песню петь, на какую клип делать — я влезал в процесс, потому что мне как владельцу телеканала нужен был хороший качественный продукт. Кстати, именно поэтому я никогда не брал деньги с артистов за эфиры: для меня главное — отличный клип, который будут смотреть и слушать.

Наутро я позвонил бизнесменам и сообщил о своем решении.

— Спасибо вам за отличное предложение! — говорил я,

ничуть не кривя душой. — Оно действительно очень выгодное и для меня, и для Юрия Шмильевича. Но мы решили отказаться.

— Почему же? — Спросили в трубке после паузы.

— Дело во мне, — сказал я. — Мы с Юрием Шмильевичем давно вместе, он очень многое для меня сделал, и я вижу себя только рядом с ним. Извините.

Вторая сторона тоже сознавала, что без обоюдного морального удовлетворения сделка окажется бесполезной. Поэтому мы расстались без взаимных претензий и впоследствии нашли возможность для сотрудничества другого рода. Но с того момента и до самой смерти Айзеншписа мы не рассматривали предложений о моем переходе к кому-либо еще. Конечно, это не было прописано в договоре; просто появилось такое негласное правило. Стало ясно, что наш тандем — нечто более высокого порядка, чем спайка артиста и продюсера. И мое сердце должно было оставаться здесь, с моим учителем и другом.

Глава 19
ДРУЗЬЯ И БУМАГИ

Уходы и возвращения • Моя последняя встреча с Айзеншписом • Конец всему • Обязанности по контрактам • Я и Батурин • Мы с Яной проходим через ад • Музыкант не обязан быть юристом…

Юрий Шмильевич умер 20 сентября 2005 года ровно в восемь вечера. За несколько дней до этого у него началось желудочное кровотечение, причем настолько сильное, что окажись он дома в одиночестве, то «скорой» бы не дождался. На его счастье, рядом была помощница по хозяйству, она-то и спасла его — правильно уложила, сделала перевязку и вызвала неотложку. Чтобы помочь отвезти Юрия Шмильевича в больницу, к нему домой примчались

Денис Акифьев (в те дни он находился рядом с Айзеншписом почти неотлучно) и Отар Кушанашвили.

Я в это время был на концерте. Акифьев позвонил мне и сообщил эту ужасную новость.

— Юрию Шмильевичу сейчас будут делать операцию...— сказал он.

— Что с ним?!

В тот момент я даже в голове не держал, что с Айзеншписом может произойти нечто роковое.

— Что-то с желудком...

Юрий Шмильевич действительно сильно болел, но его отлучки на медосмотры были настолько частым делом, что мы почти привыкли к этой суровой правде его жизни. Поэтому происходящее казалось мне чем-то вроде «плановой хирургии». Никто из нас не знал, насколько серьезным было положение. До последнего момента. Тем более что у Юрия Шмильевича были проблемы с сердцем, и это казалось нам главным его недугом. Остальное мы в расчет не принимали. Сам Айзеншпис, как все сильные духом люди, никогда не распространялся по поводу своих болезней — только отшучивался и отмалчивался.

19-го я должен был ехать на концерт в Тулу — вместе с целой бригадой музыкантов и танцоров. Вернуться нам следовало утром 20-го. Перед отъездом мне захотелось повидать Юрия Шмильевича. Я позвонил Денису, и мы договорились, что он заедет за мной с утра пораньше, чтобы отвезти на корпоративной машине к Айзеншпису в больницу.

Не знаю почему, но я был буквально одержим желанием съездить к Юрию Шмильевичу именно утром, причем как можно раньше. Я собирался ехать к восьми, что для меня было поистине несусветной ранью. Я сам разбудил Дениса что опять же было нетипично — обычно это Денис звонил мне и будил. Он заехал за мной, и мы добрались до больницы по утренним московским пробкам — чтобы я мог попрощаться с наставником, приобнять его. В тот момент я не осознавал, что это действительно прощание. Окончательное. Было лишь смутное предчувствие чего-то непоправимого.

Рядом с постелью Айзеншписа мы застали не только медсестру, но и Елену Ковригину. Она дежурила в больнице, хотя на тот момент, насколько я помню, они с Юрием Шмильевичем уже не жили вместе. Айзеншпис в те дни жил один, но регулярно виделся с сыном Мишей.

Мы поздоровались и подошли к Юрию Шмильевичу. Он был очень бледен, и его худое морщинистое лицо едва ли не сливалось по цвету с подушкой. Он махнул мне тонкой рукой и

прошептал:

— Сердце болит...

— Юрий Шмильевич, мы вам обезболивающее вкололи,— отозвалась медсестра, — у вас ничего не должно болеть...

— Я чувствую...

В конце сентября Айзеншпису должны были сделать повторную операцию на сердце в Бакулевском центре на Рублевке. Но в этот раз он попал в больницу по другой причине. Однако и его старый недуг напомнил о себе в полный голос, заставляя обратить внимание на то главное, чего боялся каждый из нас.

— Вколите мне что-нибудь, у меня скоро премия... — чуть слышно проговорил Айзеншпис. — Что хотите делайте, но через три дня я должен отсюда уехать.

— Это невозможно! — всплеснула руками медсестра.— Вам только что сделали операцию!

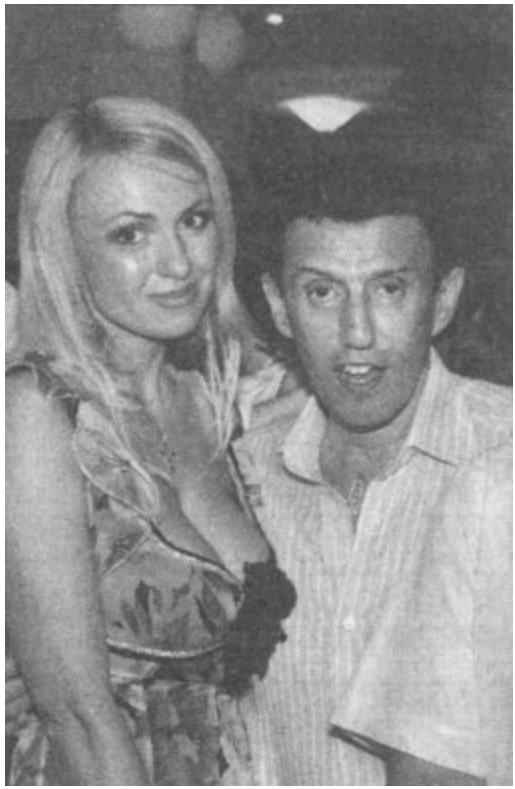
Поездка на премию «Russian Music Awards» была для нас важной — главным образом потому, что летом мы не попали на Муз-ТВ. Айзеншпис очень переживал из-за того, что ему пришлось сделать такой сложный выбор, и теперь всеми силами стремился на «RMA», чтобы я мог забрать свою матрешку.

— Юрий Шмильевич, — сказал я, стараясь, чтобы голос не звучал так взволнованно. — Вы лежите спокойно, пожалуйста. Все будет в порядке, я съезжу на концерт, вернусь...

Я присел к нему на край кровати, неловко пристраивая ноги. В палате было тесно — помещались только койка и пара тумбочек, а людям приходилось как-то устраиваться на оставленном пятачке пространства.

— Ты давай, отработай там нормально, — еще тише сказал Юрий Шмильевич и взял меня за руку.

Я улыбнулся в ответ. Мы молчали. Айзеншпис смотрел на меня с какой-то отеческой жалостью, словно пытаясь вспомнить что-то важное, чего он не успел мне сказать.

ЯНА И ЮРИЙ ШМИЛЬЕВИЧ

— Ну... — Я неловко высвободил кисть и поднялся с кровати. — Юрий Шмильевич, до свидания! Я заеду к вам сразу же, как только вернусь с концерта. Обещаю!..— Я помахал рукой и попятился в сторону двери.

Айзеншпис ответил кивком и попрощался одними глазами.

Мы с Денисом вышли из палаты. У меня на душе было сыро и холодно, словно я стоял голый под осенним дождем. Денис Акифьев попытался меня разговорить, но напрасно за все время, пока он вез меня до Сокола, откуда я должен был ехать в Тулу, я обронил лишь пару банальных фраз. «Да все будет нормально», «Он еще нас всех переживет»... На месте я хмуро погрузился в автобус, чтобы отправиться на последний концерт под началом Юрия Шмильевича...

Денис Акифьев, менеджер «Star Production» и личный водитель Ю.Ш. Айзеншписа:

Как только Дима уехал, жена Айзеншписа сказала: «Денис, срочно нужна кровь». Рядом с Соколом находится станция переливания крови. Был полдень, ужасные пробки, но я буквально долетел до этой станции. Хорошо, что оказалась кровь нужной

группы, и мне ее выдали.

Когда я приехал, он был уже в реанимации, и кровь не понадобилась. Мы все — я, сестра Айзеншписа Фаина, Елена Ковригина, племянник Женя, Отар Кушанашвили — находились в коридоре. Дверь в реанимацию то открывалась, то закрывалась, мы видели лежащего Айзеншписа, который периодически просил телефон. Он засыпал, потом просыпался, открывал глаза, оглядывал нас всех, махал нам рукой и засыпал опять. Потом нам сообщили, что его состояние ухудшилось. Из Бакулевского центра вызвали вертолет с кардиологами. Мы слышали, как пикает сердце — «пик, пик, пик»... затем все замерло и наступила тишина. Мы сидели оглушенные. Было ясно, что сейчас нужно куда-то звонить и что-то кому-то сообщать, но никто из нас не сделал ни движения.

Позвонил Дима Бушуев, наш концертный директор.

— Ну, что там у вас? — спросил он меня бодрым голосом. На заднем плане я слышал билановский смех.

Все, — глухо сказал я. — Все кончено. Ничего не говори Диме. Приезжайте в Москву, тогда...

...Мы закончили выступление в Туле и погрузились в автобус. Мне показалось странным, что Бушуев все время молчит и смотрит на меня как-то растерянно и по-детски. А как раз только что ко мне впервые после концерта подошла поклонница, чтобы передать свое письмо именно для Юрия Шмильевича. Я был уверен, что такой знак внимания будет ему очень приятен. Молчание Димы меня все больше угнетало.

— Что случилось? — спросил я.

— Дим, ты только держи себя в руках, — пробормотал он. — Но Юрий Шмильевич...

— Что???

— Юрий Шмильевич умер...

После этой фразы панорама за окном исчезла — слезы застилали мне глаза, я ничего не видел и ничего не понимал. Я вообще не знал, что происходит и как я буду теперь жить. Это была катастрофа, крах, конец всего — я еще вчера держал за руку человека, который был мне почти отцом, и сейчас мне объявляют, что его больше нет... Все кончено. Письмо не дошло до адресата.

Меня привезли домой, выгрузили из автобуса в полумертвом состоянии, я добрался до кровати и проспал не-

сколько часов, не в силах пошевелиться. Телефон разрывался от звонков, я не брал трубку, меня засыпали смс-ками, на которые я тоже не отвечал.

Проснувшись, я позвонил Яне Рудковской, знакомство с

которой состоялось еще в начале 2005-го, когда мы с Айзеншписом приезжали в Сочи на новогодний заказ.

— Юрий Шмильевич умер... — сообщил я. — Яна, я не понимаю, что происходит, я не знаю, как я буду жить без него...

Я говорил что-то и плакал навзрыд, захлебываясь, пытаясь объяснить... А Яна молчала и слушала не перебивая. Потом, когда я иссяк, коротко ответила:

— Мы поедем на премию вместе. — Немного помедлила, подбирая слова, и продолжила: — Дима, я понимаю, это очень сложно, но ты успокойся сейчас, пожалуйста, ладно? Мы заедем за тобой, отправимся на премию вместе, ты только держись, хорошо?

— Хорошо, — всхлипнул я. — Я буду держаться...

***

Я рад, что в моей жизни есть Яна. До встречи со мной она никогда не вела дел, связанных с шоу-бизнесом. А наша совместная работа и вовсе началась очень сумбурно. Кстати, до знакомства с Яной я даже не задумывался, какое колоссальное значение в нашей жизни имеют различные официальные документы. Бумажная реальность меня оглушила. Не потому, что Яна рассказала мне об этом — обстоятельства сами собой свернулись в такой причудливый клубок, что разобраться в них с ходу не представлялось возможным. Исчез упорядочивающий стержень моей жизни, ее гений-организатор. А без него все пошло вразнос.

С Юрием Шмильевичем у нас были оформлены договорные отношения. Из-за этих контрактов на мою персону вдруг стали претендовать совершенно посторонние для шоу-бизнеса люди. Для меня это был шок: из артиста и человека я одним махом превратился в «объект права». Ибо так я проходил *по бумагам.* А объект права — должен! — невзирая на эмоции! — на следующий же день после смерти своего самого близкого друга и почти что отца! — выезжать куда-то на концерты! .. Вы бы смогли?..

Я категорически отказался от сотрудничества с теми, кого не считал профессионалами. Но предложил альтернативный вариант: создать фонд для Миши, сына Юрия Шмильевича, чтобы ребенку шли дивиденды от моих выступлений. Моя ли вина, что меня никто не услышал? Положа руку на сердце, Миша — единственный законный наследник Айзеншписа, и никому другому я никогда не чувствовал себя обязанным. Также до сих пор не реализована моя идея концерта в память о Юрии

Шмильевиче. Несколько лет назад мои усилия по ее воплощению в жизнь пропали втуне, а позже всем стало решительно не до того.

...В предложении Виктора Николаевича Батурина меня поначалу подкупило именно отсутствие бумаг. К тому моменту я твердо полагал бумажные отношения злом. А работать на честном слове, когда руки не связаны контрактами... Знаете, в этом есть какая-то сермяжная правда. Если у тебя оформлен с кем-то договор, где все прописано по пунктам, то ты боишься его нарушить, опасаясь *правовых* последствий. То есть твой кнут — не то, что ты можешь подвести доверившегося тебе человека, а просто возможность получить по шее через суд, от государства. А вот старательно пахать, когда ты просто что-то *обещал*, — в этом есть некий вызов нашему прагматичному времени.

Но практика показала, что такая форма сотрудничества тоже не слишком хороша. у каждого своя правда, и в какой-то момент обязательно возникают трения. Вдобавок к этому я все же человек публичный и хочу жить в своей стране по установленным в ней правилам. Во избежание...

А еще я свободолюбив сверх меры и не могу продуктивно работать под чью-то диктовку. Батурин же, вступив в права продюсера, принялся перекраивать все, что мы создали вместе с Айзеншписом. Вплоть до смены репертуара. Да, Виктор Николаевич может многое сделать для «своего подопечного», но за это приходится платить отказом от себя и своего «я». От самой сути творчества.

Какие-то личные неудобства я готов был терпеть — я никогда особо не шиковал, да и Юрий Шмильевич был довольно строг. Но когда доходит до вмешательства в репертуар на уровне измены первоначальным, основным идеям моего творчества... становится ясно, что если не сказать «нет», делу моей жизни придет конец.

А Яна — человек очень хваткий, но она несколько иного склада. После смерти Юрия Шмильевича ко мне обращались многие продюсеры, но Яна была упорней и настойчивее всех. Мы начинали работать без контракта, и, как показала практика, оказывается, можно работать и так! И как работать!

Отчетливо помню, как мы всей командой знакомили ее с персонами шоу-бизнеса, как я подсказывал ей, к кому обратиться, с кем и о чем говорить, как и на какие вопросы отвечать. Это было увлекательно и немного пугающе. И я тем более благодарен Яне за то, что она так быстро включилась в процесс и не бросила меня в сложной ситуации.

Во время развода ей тоже понадобилась поддержка и я прошел с ней через эту мясорубку, постоянно находясь меж двух

огней. По ту сторону баррикад был Виктор Николаевич с его непререкаемым авторитетом, солидными капиталами и зубастыми адвокатами. Позиции Яны заметно уступали ему в этом противоборстве, хоть и были сильнее, чем у любой другой женщины в ее положении.

Как раз в этот батальный период Батурину понадобилось срочно оформить со мной договора, о которых раньше не было и речи. Естественно, что я ничего не подписал. Даже несмотря на то, что на меня основательно надавливали. Один из разговоров помню совершенно отчетливо... Помню, что все время судорожно повторял, что не имею морального права это подписывать.

С ЯНОЙ НА ПРЕМИИ « МУЗ-ТВ»

Мужество мужеством, а на самом деле мне было по-человечески страшно. На моих глазах делили имущество, бизнес и детей. Я видел, насколько это мучительно и угнетающе, и мне бы не хотелось впредь быть замешанным в подобной истории. Тот факт, что Яна, несмотря на сложности, смогла еще и эффективно работать, я считаю подвигом. Вместе мы совершили воистину невозможное.

Тогда же в Москву переехали мои родители. Они жили отдельно, но очень часто со мной общались. Я постоянно боялся ляпнуть лишнее — что могло их расстроить или испугать. Но родных людей не обманешь — мама периодически пила валерьянку, папа нервничал, пытался что-то сказать, предостеречь, а я выходил на балкон и бесконечно курил глядя вдаль и пытаясь собраться с мыслями.

Хочу вспомнить и еще один случай, когда во время встречи в ресторане мне пытался «вправить мозги» один из известных авторитетов, пытался манипулировать, угрожать и задабривать. Я даже представить не мог, что в таком легком и «беспечном» жанре, как эстрадная музыка, бывают подобные сцены. Словно списанные с каких-нибудь второсортных фильмов девяностых годов...

Хорошо, что сейчас все нормализовалось. Годы стрессов не могли не сказаться на моем состоянии, я очень устал, и мне пришлось долго восстанавливаться после всех этих потрясений.

У меня было время без спешки подумать над всем случившимся. Несколько лет назад я полагал поступок моих композиторов предательством: они подписали какие-то бумаги с Батуриным, несмотря на то что сотрудничали лично со мной. Сейчас я считаю иначе. Любой на их месте мог не выдержать давления; да и просто многого не знать. Музыкант ведь не обязан быть юристом...

После смерти Юрия Шмильевича со мной ушла почти вся команда — композиторы, менеджмент, помощница Светлана. Они это сделали, несмотря на возможные последствия для себя, ведь тогда казалось, что мы шагнули во тьму безвестности. Но вместе мы нашли дорогу к успеху.

Не так давно вернулся Дима Бушуев. Мы возобновили сотрудничество с Александром Луневым и Денисом Ковальским — через несколько лет после того, как Виктор Батурин уговорил обоих композиторов переоформить контракты в его пользу. Тогда я счел это форменным предательством со стороны тех, кому доверял. И единственно верным решением для меня было попросту перестать с ними общаться. Теперь я не обижаюсь, что они какое-то время были не со мной, — из-за пресловутых бумажных обязательств. Нет. Сегодня я знаю, что творчество моих друзей ценнее всех бумаг мира вместе взятых.

Но время расставляет все по местам. И теперь мы разобрались в происшедшем и решили, что конфликты рассасываются, а творчество остается.

Поясню для тех, кто не в теме. Эти люди — мои друзья, и мне без них приходилось непросто. Я начинал работу с ними еще при

Юрии Шмильевиче. Тогда мы чудесным образом совпали во вкусах и музыкальных настроениях, а это большая редкость. Казалось, что наши души работают на одной волне. Да и сегодня они многое понимают без слов — просто потому, что мы немало пережили вместе. Я очень рад, когда в мою жизнь возвращается друг, появившийся в ней в те славные времена, когда мы прежде всего стремились творчески реализовать себя. Получается, что все в итоге возвращается на круги своя?

Глава 20
ЛЮДИ, А НЕ СУДЬИ

Опьянение успехом • Начало баталий: оказывается, я себе не принадлежу • Основы права — как авторского, так и крепостного • Я получаю иск на пять лимонов • Пятна на репутации, или как я ограбил ребенка • Суд накладывает арест на мою собственность • Как я вырвался из заколдованного круга • Еще один привет из прошлого • Хеппи-энд

В 2007-й год я вступил в заметно приподнятом настроении. Душа была преисполнена надеждами на лучшее. Моя популярность как артиста и персоны настолько возросла, что я мог не просто давать сольные концерты, а собирать стадионы. В марте состоялось долгожданное для моих московских поклонников выступление В Ледовом дворце на Ходынском поле; чуть позже — грандиозный двухдневный сольник во Дворце спорта «Лужники». Я также гастролировал по России с сольным шоу «Время-Река», не забывая помещать в программу любимые публикой вещи из своих первых альбомов «Я ночной хулиган» и «На берегу неба». Заезжал и в другие страны на различные мероприятия.

Вдобавок ко всему мы с Яной провели переговоры с

компанией «Глория Джинс», которая предложила мне рекламный контракт и серию промо-мероприятий — в них я должен был участвовать в течение года.

Меня не покидало прекрасное, редкое ощущение: я прорвался, смог, преодолел! Я не ожидал новых ударов судьбы так скоро и, пожалуй, немного расслабился, опьяненный успехом. Часть событий, случившихся после этого, описана в предыдущей главе (говорю это здесь, чтоб вы не путались). Но пока Виктор Николаевич еще был на моей стороне; кроме того, рядом постоянно были друзья, была Яна, и мне не хотелось беспокоиться о грядущем.

А тучи над головой медленно сгущались: близилось начало очередной информационной войны. Мои успехи кое-кому не давали покоя — из мглы на свет божий снова выползла госпожа Ковригина. По документам она теперь была госпожой Гойнинген-Гюне. Следом за ней появился один из известнейших адвокатов России.

Началом боевых действий можно считать объявление о пресс-конференции в РИА «Новости» под звонким названием: Кому принадлежат права на бренд Дима Билан?» Участниками этого шоу должны были стать 15-летний сын Юрия Шмильевича Миша, его мать Елена Ковригина и тот самый адвокат, уполномоченный давать официальные комментарии по поднятому вопросу.

Пресс-конференция ожидалась 22 марта, но из-за болезни Ковригиной событие перенесли на 29-е, а в РИА «Новости» вместо Миши Айзеншписа пришел гендиректор продюсерской компании «СоюзКонцерт» Александр Никитин.

Так я снова стал *объектом права,* не успев толком расправить крылья и вспомнить, что я артист.

Я отлично понимал, что мои чувства, мои предпочтения и желания в таком контексте ничего не значат. Это подтвердила госпожа Ковригина-Гойнинген-Гюне на пресс-конференции. Вот ее речь в мой адрес:

— По-человечески я Диму понимаю. Но в суде эмоции не принимаются. Даже если учесть то, что потеря любимого продюсера выбила Билана из колеи. Но ведь можно все решить по-человечески, как любит говорить сам Дима Билан в своих интервью. Люди, команда во многом от него зависят, а он просто исчез. Я призывала к этому Диму, но он просто перестал брать трубку. Были запланированы его концерты, но я не могла его найти. Дима же все эти дни занимался организацией своего светлого будущего с новыми покровителями.

Я никуда не исчезал, заметьте. Мои контакты были доступны, мои люди ушли со мной. Найти меня, зная мой адрес и телефон,

не составляло труда... Впрочем, там, где говорят деньги, жаждущие их люди только поддакивают. Поэтому нельзя сказать, что я был шокирован.

ЗАПИСЬ САУНДТРЕКА К ФИЛЬМУ «ГЛЯНЕЦ»

Не знаю, из каких соображений, но новоявленная наследница передала компании «СоюзКонцерт» все договора, оставшиеся от Юрия Шмильевича. То есть компания получила права на мои песни, на мои концерты и многое другое, причем за символическую по меркам шоу-бизнеса сумму. В глазах моих оппонентов я был лишь «проектом», а не живым человеком, столько лет успешно работавшим бок о бок с именитым продюсером.

Никто никогда не будет оспаривать решающей роли Айзеншписа в моей судьбе. Но я и мысли не допускаю, что сам Юрий Шмильевич мог бы бегать за мной с адвокатами. Я уже говорил, но нелишне повторить: Айзеншпис считался с мнением своих подопечных и никогда не относился к ним так, будто они неодушевленные предметы.

Чтобы живой человек передавался кому-то по наследству... Такого нет ни в российском, ни в каком-либо другом законодательстве. Тем, кто не получил школьного образования, напоминаю: крепостное право у нас отменили в 1861 году. А посему речи о том, что на меня переданы так называемые имущественные права,[4] не было и быть не могло. Но в

свидетельстве о праве на наследство было два слова: «Авторское право». Этим и воспользовались мои оппоненты. Они стали заявлять, что я попадаю под действие крепостного… простите, авторского права сам по себе — как личность.

До этого момента я был уверен, что авторское право распространяется на музыку, слова песен, кинофильмы, повести, рассказы и так далее, но никак не на человека. Однако участники этого процесса, похоже, сами поверили в то, что все права на сценический образ, личные характеристики, имидж и псевдоним «Дима Билан» *могут переходить по наследству*. Ну что тут скажешь… Пошли бы дальше и объявили предметом разбирательства также мой голос, манеру исполнения и право одеваться по своему усмотрению.

Согласно заявлению противоборствующей стороны, я теперь многое не мог себе позволить. Например:

— появляться на сцене без согласия «СоюзКонцерта», поскольку у меня был контракт с Юрием Шмильевичем до июня 2009 года;

— именоваться Дима Билан;

— петь песни, написанные ранее для меня, так как по контракту все они принадлежали Юрию Шмильевичу.

И так далее, и тому подобное.

Словом, меня вычеркивали из творческой жизни большим жирным крестом.

Все было бы чудесно в этой цепочке, и сгинуть бы мне в безвестности, если бы не одна маленькая деталь. Псевдоним Дима Билан появился задолго до начала моего сотрудничества с Юрием Шмильевичем. О чем свидетельствует мой первый клип «Осень». Он, как вы помните, был снят с другими людьми и транслировался в свое время на телеканале MTV. В титрах значилось «Дима Белан», но изменение одной буквы моей настоящей фамилии вряд ли могло стать поводом для того, чтобы претендовать на весь сценический образ.

А еще было российское законодательство, порой осмеливавшееся идти вразрез даже с самыми крутыми юристами. Так вот по нему (по закону, не по понятиям этих самых юристов) псевдоним артиста принадлежит только ему одному, и даже сам артист не может им распоряжаться, как бы ему этого ни хотелось, — ни продать, ни сдать в аренду, ни подарить.

Мы все — я, Яна, Виктор Николаевич и остальные члены моей команды — вдруг узнали, что «СоюзКонцерт» приобрел права на песни из моих первых двух альбомов за чуть более внушительную сумму, чем нам было объявлено ранее. И здесь к возникшему скандалу подключилась компания «Gala Records». Ей Юрий

Шмильевич лично продал авторские права на эти песни.

Одновременно «СоюзКонцерт» на основании каких-то новых документов собрался вчинить мне иск на кругленькую сумму в 5 миллионов рублей — это максимально возможный штраф за нарушение авторских прав. Да только каким образом эта компания могла со мной судиться, если настоящие права на произведения принадлежали другим людям? А те, вот забавно, не собирались вступать со мной в распри. И даже не претендовали.

Назревала немыслимая заварушка.

Итак, хронология событий выглядит следующим образом. 27 февраля 2007 года Миша вступил в свои законные права как наследник, после чего — уже 5 марта — Елена Ковригина от имени сына заключила с «СоюзКонцертом»договор о продаже прав на песни. Когда в начале марта 2007-го я выступал в Москве, исполнив несколько прежних хитов — «Мулатка», «Ты должна рядом быть» и некоторые другие, — я, что называется, попал под прицел. И в конце марта мне закатили иск: я, дескать, пел эти песни незаконно и теперь должен «СоюзКонцерту» 5 миллионов рублей.

Мне кажется, что шумиха с пресс-конференцией была затеяна, скорее, с целью навредить моей репутации, чем всерьез претендовать на сотрудничество со мной и на мое имя. Кому нужно имя без артиста? А творческая работа немыслима без эмоционального контакта. Продюсер и артист выбирают друг друга не только по степени платежеспособности и таланта, но и на основе взаимных симпатий. Им должно быть хорошо и комфортно вместе, только после этого тандем может состояться. И все профессионалы это понимают. Но Ковригиной явно не давал покоя сам факт моей успешной работы с Яной Рудковской.

А самым сильным аргументом для подрыва репутации было обвинение в «неблагодарности ребенку», то есть Мише Айзеншпису. Якобы я его обидел и оставил без средств к существованию.

Знаете, любой сухарь будет растроган, когда речь идет о детях и их счастье. Я сам люблю детей. И даже в страшном сне я не мог бы себе представить, что ущемил Мишу, которого Юрий Шмильевич обожал больше всего на свете. Поэтому меня глубоко задели публичные заявления Ковригиной, что я не хочу работать на законного наследника Айзеншписа. Да и в целом это представляло меня в глазах общественности — и в Мишиных глазах — чуть ли не чудовищем.

При этом не было никакой логики в том, что так называемые права на песни и контракт были проданы компании «СоюзКонцерт» — раз уж речь шла об интересах

несовершеннолетнего подростка. Потому что после этого Миша уж точно ничего не смог бы получить — ни при каких обстоятельствах.

— Действия Елены Ковригиной — это чистой воды вымогательство и шантаж. Сразу же после смерти Айзеншписа госпожа Ковригина, которая к тому времени уже много лет не жила с продюсером и не имела никакого отношения к его бизнесу, стала просить у нас огромные деньги за Билана,— выступила в мою защиту Яна.

О да, в этих требованиях действительно фигурировал немыслимые суммы...

Словом, У нас прибавилось головной боли. Тем более что накануне случился прецедент: моей землячке Кате Лель продюсер в судебном порядке запретил петь без согласия...

Меня до сих пор беспокоит один деликатный вопрос. Разве я в самом деле оставил без средств к существованию Мишу Айзеншписа, который проживал с чужой другим человеком? Получается, что новая семья никак не поддерживала ребенка, предоставив его самому себе... Видимо, я за все в этой жизни ответственен, в том числе за благополучие и процветание парня, которому я даже не родственник.

Что ж, это просто мысли вслух. И я всегда готов по-человечески помочь Мише — в память о его отце. Но только ему и только по совести, а не в судебном порядке.

***

Работать в такой тягостной атмосфере невероятно сложно. Нужно быть очень сильным человеком, чтобы отбивать чьи-то нападки и одновременно с этим вкладывать душу в свое дело. И не киснуть, а раз за разом показывать высший пилотаж. С другой стороны, если появляется сколько претендентов на мой успех, значит, мои достижения воистину серьезны. Это, конечно, приятно, но...

Мы готовились защищаться, понимая, что предстоит серьезный бой, и на этот раз мы вряд ли отделаемся легким испугом.

После пресс-конференции наступило затишье. Мы предприняли некоторые шаги, чтобы обезопасить себя. Однако скоро выяснилось, что события развиваются намного хуже, чем мы предполагали.

В конце апреля позвонили моим помощникам поклонники и доложили, что на меня подан иск в Дорогомиловский суд

Москвы. Вскоре эта информация подтвердилась: я получил повестку по делу о нарушении авторских прав компании «СоюзКонцерт» на песни, которые недавно исполнил в Москве под псевдонимом Дима Билан. Меня собирались оштрафовать на пресловутые пять лимонов. Или изъять эти средства в виде движимого и недвижимого имущества.

Вскоре на мою собственность был наложен арест, и я с ужасом ожидал появления на пороге судебных приставов, деловито изымающих мои сценические костюмы, музыкальные и студийные инструменты и изгоняющих меня из квартиры на Ходынском поле — моего единственного московского жилья.

Мы спешно подали жалобу в городской суд, и арест отменили. Это была наша первая маленькая победа. Увы, за ней последовала лавина судебных обвинений, где проигравшей стороной оказались уже мы и наши бывшие партнеры, компания «Gala Records». Затем мы подали еще один иск, уже в Кабардино-Балкарии, в надежде перенести слушание туда. Но вторая сторона так и не появилась в суде, а через несколько месяцев наше дело передали в Савеловский суд Москвы.

Потянулась череда выматывающих судебных разбирательств, в ходе которых мы сдавали свои позиции — пядь за пядью. Сначала «Gala Records» проиграла «СоюзКонцерту» иск об авторских правах на песни из моих первых двух альбомов. Оказалось, что Юрий Шмильевич заключил договора с авторами песен как гражданин (то есть физическое лицо), а продал права компании «Gala Records» как индивидуальный предприниматель. Посему сделка была признана недействительной, а произведения — законным имуществом наследников. Попытки пересмотреть решение суда оказались безуспешными.

Было заметно, что сторона Елены Ковригиной абсолютно уверена в том, что делает — они действовали спокойно не торопясь, максимально затягивая процесс. Чуть позже мы вдруг сделали для себя сенсационный вывод. Возможно, что все нападки совершались даже не столько в мой адрес, сколько в направлении Яны Рудковской и Виктора Батурина. И вполне может быть, что за действиями Ковригиной стоял кто-то о куда более влиятельный. Кому по каким причинам была выгодна вся эта шумиха.

Мы не знали, кто бы это мог быть. Мы получали на руки решения суда, куда были вписаны фразы, отснятые с официальных заявлений Ковригиной, и разводили руками. Мы строили догадки, а суды между тем то приостанавливались, то вновь возобновлялись. И время уходило.

Было ясно, что нам необходимо действовать решительно.

Вырваться из этого заколдованного круга одним сильным ходом. В начале 2008-го я принял единственно верное решение — бороться за победу на международном конкурсе «Евровидение-2008», что позволило бы привезти «Евровидение-2009» в Россию и значительно укрепить культурный престиж страны. А как еще я мог доказать, что мое творчество нужно не только мне, что оно служит на благо моему государству?.. Помните строчки, которые написала мне Зоя Николаевна Кантор?

Мне кажется, ожидания важно оправдывать.

Удивительно, но как только я принял это решение и стал готовиться к «Евровидению-2008», появились первые победы и на судебном поприще. Московский городской суд удовлетворил наш иск о признании незаконными прав «СоюзКонцерта» на первые два моих альбома. Повезло и моей коллеге, Кате Лель, — ей, наконец, разрешили выступать, внезапно обнаружив, что сам по себе запрет петь противоречит конституции. Между тем я, устав от бесконечных наскоков на мой сценический псевдоним, взял да и сменил имя. И с тех пор я по паспорту Дима Николаевич Билан.

Замечательный момент. Одновременно с подготовкой к «Евровидению-2008» я записывал новый альбом «Против правил», где рефреном одноименной песни были слова: «Иди смело против правил,/ Не следуй, а сам веди». Еще одно подтверждение тому, что мысль материальна, и в любом деле главное — настрой.

Система, выстроенная моими противниками, начала сбоить и рассыпаться на глазах. Оппоненты делали ошибку за ошибкой. В довершение ко всему они устроили показательный процесс, когда «Star Production», принадлежавшая Юрию Айзеншпису, а затем проданная «СоюзКонцерту», подала на «СоюзКонцерт» иск в арбитражный суд. Речь шла о том, что Юрий Шмильевич, оказывается, при жизни передал все права по контракту со мной компании «Star Production». Если контракт принадлежал не Айзеншпису, а компании, то он не мог передаваться по наследству. И Миша вообще никаких прав ни на что не имеет.

К процессу подключились мои адвокаты с разъяснениями, что вообще-то ни «СоюзКонцерт», ни «Star Production» не могут претендовать на какие-либо договора со мной. Нас эта история уже, скорее, смешила, чем расстраивала.

Чаша весов слепой Фемиды склонялась то в одну, то в другую сторону. Поскольку «Star Production» и «СоюзКонцерт», по сути, были на одной стороне, то суд поначалу признал их право на мой псевдоним, но после новой серии судебных исков нам, наконец, удалось одержать убедительную победу.

В ноябре 2009 года арбитражный суд Москвы, наконец

постановил, что псевдоним — мое личное дело, а имидж, сценический образ и личностные характеристики вообще не имеют отношения к авторскому праву. Ведь идея и метод подачи себя, что и есть имидж артиста, никогда не охранялись законодательством. Поэтому, если кто-то захочет одеваться и двигаться по сцене, как Дима Билан, — на здоровье! Хотя я бы все-таки советовал оставаться самим собой и развивать собственный образ.

Итак, после моей победы на «Евровидении-2008» у нас оставалось на повестке дня «дело о пяти миллионах». Но «Gala Records» все же отвоевала авторские права на песни из моих двух альбомов, а «СоюзКонцерт» остался несолоно хлебавши. Суд также счел неправомерными требования и о запрете петь, и о запрете самостоятельно вести творческую деятельность.

***

Здесь я сделаю небольшое отступление относительно открывшихся мне подробностей прошлого. Да простит меня Юрий Шмильевич.

Оказывается, мой договор с Айзеншписом был составлен так интересно, что по нему у меня имелись лишь обязанности, а у Юрия Шмильевича — сплошные права. И в контракте вовсе не гарантировалось получение мной денег за концерты, которые организовывал для меня Айзеншпис. Зачем же я все это время находился рядом с ним, а?.. Именно: из любви к искусству.

Если бы у меня была возможность отмотать назад и скрупулезно проверить каждую букву в моем контракте с Айзеншписом, я бы... скорее всего, махнул рукой и доверился бы ему, положившись на его добрую волю. Как бы ни выглядела ситуация на бумаге, в жизни я многим обязан Юрию Шмильевичу и храню о нем добрую память.

Хеппи-энд нашей истории не был бы по-настоящему счастливым, если бы Яна Рудковская предварительно не зарегистрировала товарный знак «Дима Билан». С моего согласия он был оформлен на ее компанию. Как только «Star Production» заикнулась в суде, что не давала разрешения на регистрацию данного бренда, мы тут же предъявили постановление суда о том, что мой творческий псевдоним принадлежит лично мне и только я имею право распоряжаться этим словосочетанием.

Так была поставлена жирная точка в двухлетнем судебном марафоне, который стал для меня важным жизненным уроком. Теперь я знаю об авторском праве больше, чем многие

раскрученные адвокаты. Пора менять работу... Ладно-ладно, может, чего-то и не знаю. Не беда: с тех пор я советуюсь со своими юристами даже по пустяковым вопросам. Вреда от этого не будет, одна польза. Вот, что я понял, мои маленькие жемчужины.

А еще я лишний раз убедился в том, что поход в суд это — последнее дело. С людьми нужно договариваться лично и по-человечески. Не прибегая к букве закона. Все же я творческая натура, и мне жизненно важно сохранять дружбу и любовь в ее первозданной чистоте.

Глава 21
«И ЖИЛИ ОНИ СЧАСТЛИВО И НЕ УМЕРЛИ…»

О русских моделях в аэропортах мира • Не пиар, а реальность • Обнаженные в кадре: как мы снимали откровенные сцены • Окончательное вхождение в образ • Рассказ о контроле чувств • Бескорыстные и искренние отношения • Жизнь на новом витке славы • Внезапное озарение

С Леной Кулецкой мы познакомились в парижском аэропорту имени Шарля де Голля, когда я летел со съемок шоу «Сердце Африки», а Лена отправлялась на одну из своих фотосессий.

Предыдущий ноль-пятый год был невозможно скандален, впрочем, как и начало ноль-шестого. В аэропортах меня регулярно вылавливали папарацци, стараясь сделать как можно больше снимков, которые послужили бы иллюстрациями мнимого компромата. Для новостей вроде: «Дима Билан опоздал на рейс», «Дима Билан напился», «Диму Билана не выпускают из страны»... Как бы я себя ни вел под прицелом камер, всегда находились умельцы сделать из этого желтый материал.

Количество надутых на пустом месте слонов тогда превышало все мыслимые пределы. И это удивительно, ведь мы никогда не отказывали прессе ни в новостях, ни в комментариях, а наша пресс-служба всегда доброжелательно отвечала на любые вопросы.

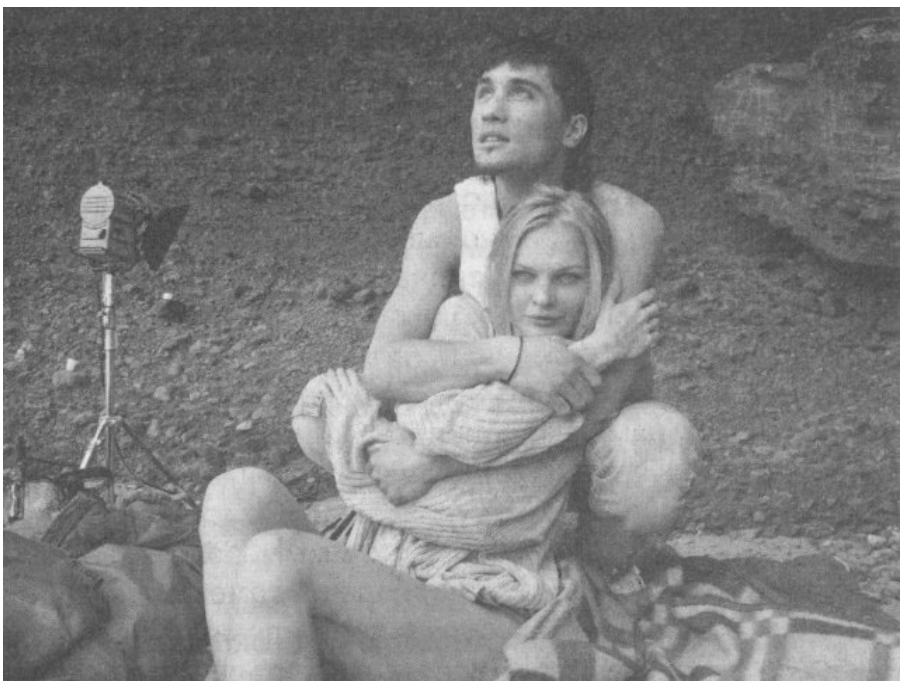
В тот день я, наконец, нормально выспался после пяти кошмарных по нагрузке суток, а потому был благодушен и расположен к общению. В аэропорту мне захотелось купить что-нибудь послушать для души. Я нашел павильон с дисками, где и встретил соотечественницу. В нашем мимолетном знакомстве не было ничего необычного: я часто приобретаю какую-либо музыку, да и русские девушки-модели в аэропортах не редкость. Их легко опознать по походке — модели передвигаются по залу как на показе, подиумным шагом от бедра. Смотришь и понимаешь, что вон та красотка с эталонной фигурой явно обретается около модельного бизнеса.

Я много раз знакомился с моделями — как в аэропортах, так и на различных тусовках. А потом приглашал их на съемки своих клипов. Эти девушки по определению эффектны, и меня постоянно подозревали в романтических отношениях с ними. Например, мне приписали роман с Настей Трегубовой, которая снялась в «Ночном хулигане». Вынужден вас разочаровать: это просто работа, хоть и в высшей степени эстетичная. Мир тесен, а Земля круглая я иногда наталкиваюсь на сведения о той или иной героине своих роликов, замечаю, как девушки меняются, кто-то в лучшую, кто-то в худшую сторону... Но это лишь естественный интерес к дальнейшей судьбе знакомых людей.

В связи с этим хотел вспомнить мммм... забавный случай. В общем, история на грани! Еще на самой заре наших выступлений Юрий Шмильевич придумал, как создать соответствующий антураж во время нашей поездки на гастроли в один из городов. Он собрал вполне активных и раскрепощенных девушек из модельных агентств, сообщив им, что мы якобы едем снимать

клип! Когда вся эта великолепная компания прибыла в тот самый город, мы с огорчением констатировали, что съемочную группу задержали в аэропорту из-за каких-то там проблем. В общем, пришлось нашим прекрасным моделям коротать время в гостинице к всеобщей радости организаторов и спонсоров. Но это скорее исключение из правил, достаточно невинное. Ведь все остались довольны.

Так вот. Встреча с Леной — особый случай. А потому после съемок клипа «Это была любовь» пресса года три судачила, пиар у нас с ней или не пиар. И как так получается, что и живем мы на две страны, и видимся нечасто... Сходились на том, что все это очень подозрительно.

С ЛЕНОЙ КУЛЕЦКОЙ

Заявляю со всей ответственностью: пиаром здесь и не пахнет. То есть отношения настоящие, и мы действительно любим друг друга. Правда, начало нашей связи и в самом деле было похоже на игру.

Лена — девушка строгих правил, из приличной семьи. Ее отец в свое время был против отъезда дочери в сторону славного города Парижа. Но поскольку Лена — весьма целеустремленная особа, ей удалось убедить родителей отпустить ее за тридевять земель. Где она и преуспела. Когда мы познакомились, Лена уже

была не только известной, но и очень состоятельной моделью. И ей определенно не требовалось пиариться за счет другой знаменитости. Как и мне. А когда двое не имеют корыстных видов друг на друга, между ними возникают отношения особого порядка...

...Перед съемками ролика «Это была любовь» мы с Гошей Тоидзе просматривали фотографии моделей. Листая каталог, я наткнулся на снимки знакомой из парижского аэропорта и предложил Гоше снять ее в новом клипе Тот посмотрел и сразу согласился.

В то время у меня были отношения с девушкой имя которой я не собираюсь афишировать. Ибо не горю желанием выставлять напоказ свое общение с кем бы то ни было. И без того любое мое действие освещено сотнями прожекторов и фотовспышек — в таком положении любой бы стремился сохранить что-то для себя.

Лена тогда тоже была несвободна. И на съемки в Марокко она приехала не шашни крутить, а работать. Так как в клипе имелись очень откровенные сцены, она смущалась и нервничала. А тут еще и я донимал ее бестактными вопросами.

— Лена, а твой друг не против, что ты тут обнаженная в кадре? — подначивал я. Мне была интересна ее реакция.

Она отвечала уклончиво:

— Ну, я не знаю... Может быть, и против...

Отмечу, что в ее словах обычно не было ни грамма кокетства.

Яна Рудковская следила за съемками и переживала за результат, а потому старалась не упустить ни одной детали происходящего.

— Дима, послушай, — говорила Яна, — ты слишком отдален от нее, это бросается в глаза.

— У меня отношения, ты же знаешь, — отвечал я. — И у нее тоже кто-то есть...

— Но ведь никто не поверит! .. В кадре должна быть любовь, а вы чуть ли не шарахаетесь один от другого! Хоть бы улыбались поласковее...

Что ж, при обнаженном торсе обращение на «вы» выглядит неестественно. У нас его и не было, но в остальном вели себя почти как малознакомые люди, встретившиеся на улице. Меня это стало задевать. И вправду — нужно не играть в клипе, а *жить* в происходящем.— Когда я решил приударить за Леной, я поначалу сам не верил в серьезность своих планов. Да и что могло из этого получиться, любовный четырехугольник?.. Лена все понимала и посмеивалась на этот счет. Так мы и перемещались из города в город — с шутками и взаимными подколками. И одновременно — с возрастающей обоюдной симпатией. Лена открылась мне как

необыкновенно заводная и задорная натура. Не женщина — ураган! У нее был ответ на любую шутку — и он зачастую оказывался куда остроумнее. А вскоре мы, как и следовало ожидать, дошутились...

В тот вечер я словно улетел в космос... Ночь выдалась до того чумовая, что наутро нас будила вся съемочная группа. Ребятам даже пришлось вскрыть дверь. Когда нас «расконсервировали», то обнаружили меня спящим в ванной. Я приполз туда утром и заснул с зубной щеткой в руке. Позже выяснилось, что я потерял телефон, — и мы искали его опять же всей группой...

Словом, нам обоим снесло крышу. После чего клип вышел даже натуральнее, чем планировали. А ребята из съемочной команды получили хорошую тему для трепа во время перекуров. Мне же было крайне неловко от публичности происходящего; от расспросов я отбрехивался.

И внезапно стало ясно, что я влюбился.

***

Мне всегда казалось, что я способен контролировать свои чувства. Если это можно назвать полноценным контролем. Понимая, что прикипаю к человеку всей душой, я крепился, бодрился и брал себя в руки. И почему-то был горд, тем, что я так умею.

Мне не хотелось становиться зависимым от каких-либо сношений. Я понимал, что начался следующий этап моей жизни, и я стою на пороге новых открытий в своей профессии А в свободное время мне было просто интересно играть контроль эмоций. Я цинично препарировал свою любовь и свои привязанности — анализировал себя и своих избранниц, то притягивал, то, напротив, отбрасывал... А когда ситуация вынуждала выбирать между чувствами и карьерой, я предпочитал карьеру. Всегда. И это было нормально.

Ибо в мире нет ничего постоянного, все меняется, а потому нет смысла заводить серьезные отношения, подразумевающие тесное общение, ответственность за другого и четкий выбор в пользу одного человека.

Мне было хорошо и спокойно только в тех связях, где я чувствовал, что никому ничего не должен. И я был рад, что Лена придерживалась примерно того же мнения. Мы вроде бы жили каждый своей жизнью, а потом встречались и проводили колоссальную прорву времени вместе. Так что каждая встреча была праздником.

Такая схема сложилась после того, как мы с Леной вдоволь поколесили по Марокко, работая, поедая фрукты и придумывая себе любовь. Но раз придуманная, она не исчезла и по сей день. Это при том, что для нас обоих съемки ролика были просто частью профессии.

Знаете, в моей жизни это повторяющиеся моменты: я снялся в десятках клипов, где красивые девушки принимали те или иные позы, томно вздыхали, раздевались и так далее. Я быстро привык к такому образу жизни, и для меня все эти раздевания стали рабочим моментом — ничего личного. Хороший артист тем и берет, что способен силой своих эмоций создать любовь в кадре. Как верно подметил Аверченко, «прижал ее к груди, и все заверте...».

Но с Леной — иначе.

Когда мы собираемся вместе — это вал похождений, перехлестывающих все мыслимые границы. Мы давно понимаем друг друга с полуслова, у нас есть масса собственных кодовых фраз наподобие известной хохмы про «номер сто шесть».[5]

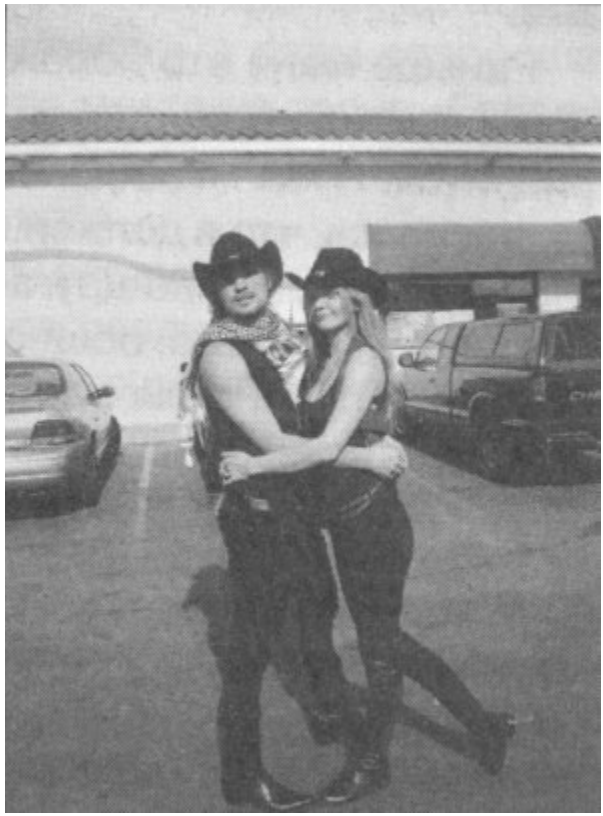
— Помнишь заднее сиденье?.. — и сразу все ясно.

На последние новогодние празднества мы с Леной нагрянули в Лас-Вегас. Жгучее желание увидеться и поехать туда возникло у меня стихийно. Три дня я безрезультатно названивал Елене, а затем купил билет лично для себя с твердым желанием таки уехать.

...Я вообще часто бываю импульсивен. И если я чего-то хочу, то все должно быть по-моему, причем прямо сейчас. Если я упущу эту стихийную жажду, потом она будет другой или исчезнет вовсе. В идеале жизнь должна складываться именно из осуществления желаний. Долой пустые мечтания! Я — за практику!..

Лена позвонила мне сама — в одиннадцать вечера. А наутро в шесть я должен был вылететь в Лас-Вегас в гордом одиночестве. Но, к взаимной радости, мы все же нашли второй билет на этот рейс. И, дорвавшись до Лас-Вегаса, целую неделю отрывались так, что пыль стояла столбом. Мы взяли машину и принялись колесить по Америке, останавливаясь по дороге в отелях...

Для меня это идеальные отношения. Захотели — встретились, утомились — разошлись.

В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ

Правда, после клипа «Это была любовь» наша связь постепенно превратилась в публично-гламурную историю, чего я раньше избегал. Это особенно неуместно при наличии еще каких-то собственных отношений.

Я понимаю, что это издержки популярности, такова цена славы и тэдэ. Но не могу сказать, что мне это нравится. Когда я откуда-то приезжаю, мне звонят из газет и журналов, и я всегда предоставляю материалы для прессы. Потому что это обоюдовыгодно. Мои снимки и интервью печатают — и прекрасно, значит, я интересен публике.

Но специально я давно нигде не позирую и ни с кем не снимаюсь, поскольку изначально работаю ради музыки. И у меня есть друзья *помимо публичной жизни.* А выставляя напоказ то или иное знакомство, я боюсь все испортить. Потому что слишком многое в таких случаях бывает неверно истолковано.

Главная прелесть моего романа с Леной — в том, что ей никогда не нужно ничего объяснять. Она все понимает сама.

раньше меня это положение дел полностью устраивало, и я все ждал, когда моя жизнь кардинальным образом изменится. Я

как марафонец бежал, бежал к заветной черте... Казалось, что я должен пересечь некий рубеж — и тогда начнется совершенно другая жизнь. Мне не хватало мировой славы, престижа, общественного веса. Я хотел добиться полного признания как публики, так и мэтров эстрады, достигнуть высшего статуса в своем деле. А до того, как это произойдет, я просто не мог себя ни с кем связывать.

Отчасти мои ожидания оправдало «Евровидение-2006». После него мой рейтинг рванул в заоблачную ввысь. И я понял, что двигаюсь в правильном направлении; осталось только завоевать первое, самое почетное место.

«Евровидение-2008» я воспринимал как тот самый заветный пьедестал. Веху. Начало новой эпохи моей карьеры. Я считал, что сделаю этот шаг — и стану независимым, свободным в поступках, смогу не думать ни о чем, навсегда войду в анналы истории.

Но чем выше ты находишься, тем больше плата за успех — это правило не знает исключений. После победы меня придавило колоссальной ответственностью за каждый чих. Какая там независимость! Выяснилось, что я добился обратного эффекта — когда ты себе не принадлежишь и вынужден делать многое лишь потому, что nobless obligue.[6]

Само собой, мне не в диковинку вся эта суматоха. Но теперь поднявшийся вокруг меня ажиотаж имел масштабы девятибалльного шторма. И если раньше я мог позволить себе оступиться или допустить оговорку, то теперь приходилось контролировать абсолютно все. Вплоть до собственных мыслей. Ко всему про меня стали говорить, что я сказочно богат, и теперь, когда я добился всего на свете, мне больше ничего не надо. И моя звезда должна закатиться за горизонт, сверкнув на прощанье опаленным хвостом.

Итак, вместо свободы — еще большая зависимость, вместо дающего защиту нового статуса — в разы возросшая уязвимость. Через год, когда мое место на троне «Евровидения» занял другой талантливый исполнитель, стало ясно, что происходящее — совсем не игра.

С Леной мы все это обсудили заранее. Представили небывалый всплеск в прессе, обмозговали линию совместного поведения. Я искренне верил, что перейду черту, почувствую себя абсолютно состоявшимся человеком — и женюсь. Но обратная сторона этой новой славы повергла меня в легкую панику. Завоеванную немалыми трудами известность предстояло удерживать, как осаждаемую крепость. И обширный опыт наступления мало чем мог помочь мне в обороне...

...В то же время меня приглашали на различные телешоу, а я

с удовольствием соглашался. Так я стал участником «Звездного льда», «СТС зажигает суперзвезду». Мне хотелось быть поближе к зрителю, показать ему что-то новое и необычное, а также доказать самому себе, что у меня еще остались неоткрытые горизонты. А они остались. И их приходилось открывать, просто подчиняясь ситуации. Потому что если лишь почивать на лаврах, то быстро сопрут лавры — спи потом на голой земле.

ОПЛАТА… ЕСТЬ ТАКИЕ ИСТОРИИ, В КОТОРЫЕ МНОГИМ ХОЧЕТСЯ ПОПАСТЬ!

В свете происходящего у меня вдруг случилось настоящее озарение. Я осознал степень ответственности и за будущую супругу, и за будущих детей. И сразу стало ясно, что я пока не готов к созданию полноценной семьи.

Бывает, что артисты, идя на поводу у общественности, создают невероятные пары. Никогда не знаешь до конца, перед тобой пиар или просто вот такая любовь. Но когда отношения состоялись, они становятся реальностью, их нельзя отрицать или замалчивать.

Можно сколько угодно препарировать чувства, но факт остается фактом: рядом находятся два человека. Они живут вместе, постоянно общаются друг с другом, занимаются сексом, рожают детей, приобретают совместное имущество. Даже если эти отношения изначально были вполне искренни, при выходе на публику они становятся частью работы. И люди, проживающие эту жизнь «за стеклом» будто вечно на сцене. Отважиться на такое непросто…

Взвесив все «за» и «против», я решил, что свадьбы не будет. Лена отнеслась к этому с максимальным пониманием. Постепенно наши отношения перешли в дружбу.

Глава 22
ДОРОГА В ОБЛАКА, ИЛИ КАК ДОБРАТЬСЯ ДО СЕРДЦА ЗРИТЕЛЕЙ ЗА 14 ДНЕЙ

Тур по Европе: картина, поражающая воображение • Завоевание Греции • Мальта и некоторые возможности Интернета • Как мы удивляли Киркорова • Я крушу стереотипы на глазах изумленных болгар • Ливни на Кипре • Секрет победы

Представьте себе, что вы едете в Европу — впервые, без турагента и вовсе не на отдых. За пару недель вам нужно объездить десяток стран, дать десяток концертов, после которых провести несколько десятков интервью, а владеете вы только русским и английским. И далеко не везде вас встречают бодрым знанием этих интернациональных языков...

Да еще вообразите, что вам предстоит защищать интересы

России. И если хоть в одном из многочисленных городов на пути следования вы допустите оплошность, пострадает репутация вашей Родины. Назавтра все газеты напишу, мол, приезжали русские, обнажались и уехали...

ЕВРОВИДЕНИЕ-2006

Я опускаю многие нюансы, потому что сложить эту картину в натуральную величину нам все равно не удастся.

Здесь нужно мышление гения-баталиста — Лев Толстой нужен, это его масштаб. Но я, как вы могли убедиться, — не он, и пишу гораздо хуже. Так что попытаюсь передать вам хотя бы сотую часть впечатлений, полученных нашей небольшой командой в организованном Филиппом Киркоровым туре по странам-участницам «Евровидения-2006».

Особую остроту ситуации придавало то, что я впервые попал на конкурс настолько высокого уровня один, без администратора или продюсера. Яна поехать не смогла — тогда она была еще замужем и не решилась ослушаться мужа. В поездку мы отправились с пиар-менеджером Борей Хлудневым (Димы Бушуева, как помните, с нами уже не было). Нам предстояло посетить 10 стран: Грецию, Мальту, Кипр, Израиль, Болгарию, Украину, Белоруссию, Латвию, Бельгию и Испанию.

В Греции меня чуть не разорвали на сувениры — настолько воодушевленно принимала нас тамошняя публика. Во многих европейских чартах «Never let you go» тут же подскочила на 5 — 6-е места, хотя и раньше занимала не такое уж плохое 11-е. Песня

настолько понравилась грекам, что ее распевали на улицах. Это было очень трогательно, потому что греки говорят по-английски с акцентом, причем своеобразным, греческим. Так они нас и приветствовали:

— О! Билян! Нева лет ю ге!

Это можно было услышать как от молодежи, так и от представителей старшего поколения.

Греция была устроителем конкурса, и не только болела за своих участников, но и активно интересовалась чужими. Количество данных мной интервью в этой стране потрясало воображение. Меня показали по Первому национальному каналу, телеканалу «Старс», опубликовали материалы в большинстве центральных изданий... Словом, мы уехали оттуда, твердо веря, что греческие телезрители будут голосовать только за нас.

— Ну, как все проходит? — звонил Боре Артур Гаспарян, освещавший все события «Евровидения».

— Отлично, отлично! — отвечали мы и в красках описывали восторженную реакцию слушателей.

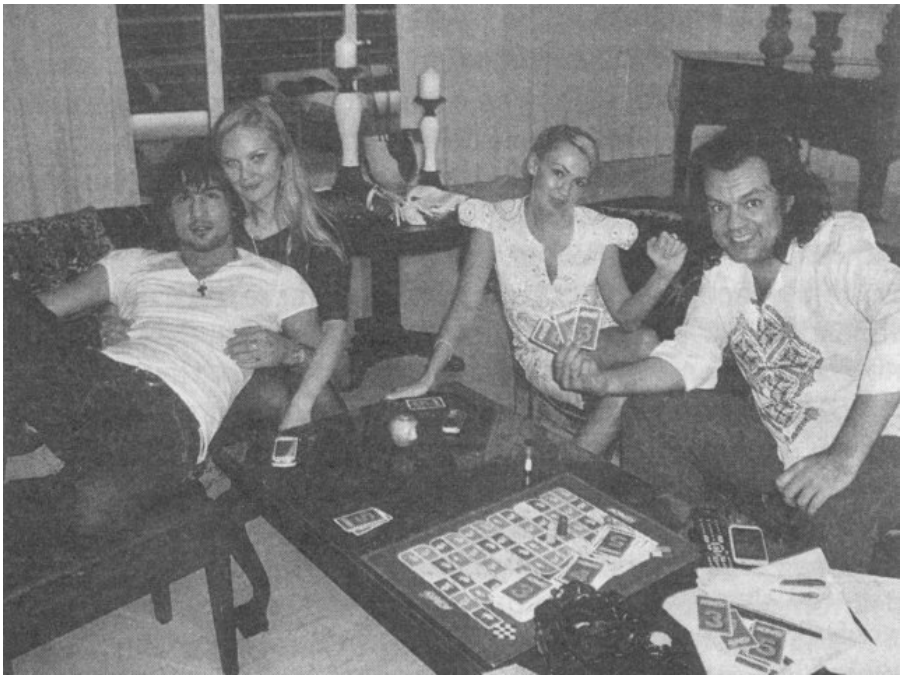
Следующей страной стала Мальта. Мы прибыли туда, несколько выбившись из графика, что, впрочем, только подогрело интерес публики. Любопытной находкой с нашей стороны стало использование Интернета для продвижения своих материалов: с помощью крупнейшего мальтийского провайдера многие электронные СМИ тут же поставили «Never let you go» в горячую ротацию на первых страницах. Напоминаю, что это было больше пяти лет назад, и в России пиар посредством сети еще не приобрел сегодняшних масштабов.

Боря Хлуднев заметно нервничал. Для него эта поездка была не только первой служебной — она вообще была его первой заграничной поездкой. Нагрузка оказалась колоссальной — ему нужно было не только заниматься всеми организационными вопросами, которые кроме него могла оперативно решить лишь Яна, но и постоянно находиться в контакте с прессой. А пресса, сами понимаете, разговаривала только на английском, который у Бори в то время был еще не совсем «флюент».

Да, это был новый уровень, и нам пришлось учиться всему на ходу. Хорошо, что Филипп Киркоров специально для оперативных вопросов приставил к нам своего администратора. Тот бронировал гостиницы, стыковал рейсы и помогал еще в огромном количестве мелочей, разбираясь с которыми можно было сломать голову.

Мы отчетливо понимали, что этот промо-тур, кроме его сиюминутной цели, — еще и прекрасный шанс наладить отношения с зарубежными коллегами. Поскольку после

«Евровидения», чем бы оно ни закончилось, я вполне мог поехать в любую из этих стран с гастролями.

КРИТ. В НОМЕРЕ У ФИЛИППА

Борис Хлуднев, бывший пиар-менеджер Димы:

Я тогда первый раз выехал за границу. Мне нужно было переводить интервью, решать вопросы с людьми, которые говорят по-английски, а не по-русски. И я не мог признаться в том, что у меня такой стресс. Я каждый день приходил вечером, ложился на пол и лежал без сил — сказывались огромное напряжение и ответственность. Да еще Дима мне постоянно напоминал: «Ты не представляешь, какая ответственность!» Я все время боялся, что где-нибудь недоработаю, ведь для всех я был в первую очередь профи.

Зато могу сказать, что каждая поездка была успешна, нас полюбили. Два молодых парня, оба симпатичные, общительные, открытые — мы со всеми прекрасно контачили, русская душа нараспашку. У Димы стали появляться местные фан-клубы, нам писали: ребята, вы такие интересные, было бы неплохо встретиться. Никаких скандалов, ничего такого. Только за кулисами мы иногда давали волю эмоциям — бывало, что ссорились от усталости. Потом мирились...

Принимали нас удивительно тепло. Слух о дружелюбных русских очень быстро распространился среди стран участниц, и везде, где бы мы ни появились, от нас ждали только позитива. А уж мы старались не подкачать.

А еще, куда бы мы ни приехали, нас инспектировала наша «святая троица» — Филипп Бедросович, Артур Гаспарян и Яна. Каждый звонил и задавал один и тот же вопрос:

— Ну как???

— Как, как... отлично! Великолепно, здорово! Спасибо вам огромное! — орали мы в трубку на два голоса.

— Что, серьезно все хорошо? — не верил Киркоров.— А как публика принимает?

— Публика супер!!!

— М-да...— задумчиво говорил Филипп Бедросович.— Очень хорошо, очень хорошо... Я рад.

Дело в том, что в прошлый раз, когда Киркоров организовывал промо-тур, по Европе колесила его подопечная Анжелика Агурбаш, белорусская певица. Принимали ее хорошо, но восторженных отзывов о поездке не поступало. Каждая из стран-участниц была намерена болеть исключительно за своего претендента и переубедить публику не удавалось. Филипп Бедросович, провожая нас в тур, напутствовал примерно так:

— Завоевать симпатии участников сложно, но можно. — Поэтому его удивление было вполне резонно. В Болгарии наступило долгожданное облегчение — у нас появилась помощница по имени Виктория. Она числилась среди организаторов промо-тура с принимающей стороны и отнеслась к нам настолько тепло, что вызвалась сопровождать во всех местных мероприятиях.

А таких было немало. Начиная с одного из крупнейших болгарских ток-шоу, на которое нас устроил Киркоров, и заканчивая многочисленными интервью, кои мы давали болгарским изданиям. Виктория дала нам исчерпывающую информацию об этом ток-шоу, так что мы приехали на съемочную площадку подготовленными. С твердым намерением ломать стереотипы на глазах у всей страны. Многие ожидали увидеть приезжую знаменитость в неком звездном антураже, с измененным славой лицом... и не увидели. Потому что я шутил, смеялся и в целом вел себя непосредственно. Болгарскую публику мы сразили именно своей простотой и дружелюбием.

Когда я спел «Never let you go», что было предусмотрено программой шоу, зрители устроили мне овацию. Они кричали, свистели, бросали букеты и вызывали на бис.

Филипп Бедросович позвонил сразу по окончании передачи:

— Ну что? Как прошло шоу, как выступили?

— Филипп, вы просто гений! — закричал Боря в трубку.— Вы так здорово все организовали, спасибо большое!

— В смысле? — поинтересовался Киркоров прежним недоверчивым тоном.

— Нас так любят, нам так аплодировали — продолжал захлебываться Хлуднев. — Вы нам так помогли! Вы и Вика!

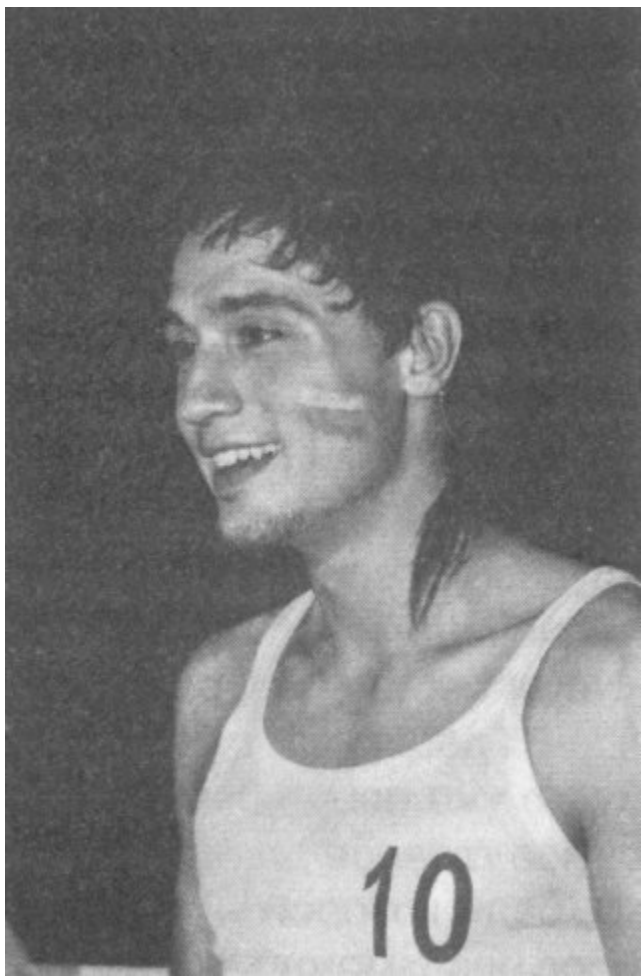
— Ты что, серьезно?

— Да, да! Спасибо!

Только он повесил трубку, как настал черед Артура Гаспаряна, ибо он был в курсе всего происходящего.

— ...И что, никаких скандалов? — допытывался Гаспарян, которому непременно нужно было добыть из нас что-нибудь остренькое.

— Никаких, абсолютно никаких! — честно отвечал Борис.— Журналисты шлют смс-ки с благодарностями за интервью!

Похоже, подобный прием сам по себе был сенсацией. Впрочем, с точки зрения новостей всем было бы намного проще, если бы в поездке нас как-нибудь обозвали или что-нибудь у нас украли. Не исключено, что Яна в Москве стала для нас ментальным громоотводом, принявшим на себя все отпущенные команде проблемы. Лично у нее тогда происходили не самые веселые события, о которых она рассказывала, чуть ли не плача. Увы, я ничем не мог ей помочь. Зато она делала все от нее зависящее, координируя наши перемещения дистанционно.

Последним пунктом нашей программы стал Кипр. Мероприятия, приуроченные к «Евровидению», там проходили под эгидой совместного российско-кипрского фестиваля. Уникальность действа заключалась в том, что оно собрало более 20 тысяч зрителей. Среди участников хватало как местных, так и российских знаменитостей; были представители бизнес-структур. А я стал единственным конкурсантом «Евровидения», приглашенным на фестиваль в качестве гостя.

Вот тут-то нас и настигли происшествия, без которых и поездка не поездка.

Начнем с того, что в солнечном Лимасоле в день концерта шел проливной дождь. И все сорок минут моего выступления люди мокли, но аплодировали. И никто не ушел со стадиона!..

Затем мы переместились в Никосию, чтобы выступить на концерте, посвященном проводам киприотской участницы Аннет Артани. Ливень застиг нас и там. Но на этот раз он повредил электропроводку.

Едва я допел первую песню, как погас свет и пропал звук. Под свист и крики публики электричество восстановили. И только я попытался продолжить, как ток снова пропал. Это кто-то из зрителей перелез через ограждение и случайно сорвал кабель. Но местная полиция быстро образумила сорвавшихся с катушек поклонников. Тем временем Хлуднев за сценой метался в поисках ремонтников. В итоге мы починили кабель собственными силами, а я спел-таки «Never Let You Go», ради которой мы и приехали.

В Грецию мы с Борей возвращались с таким настроем, будто уже победили. Усталые, но счастливые. Мы сделали самое главное для победы — завоевали любовь той публики, ради которой и проводится конкурс. *Купить* симпатии масс невозможно — только добиться.

Глава 23
ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Энергия зала • Цветы, блинчики и другие признаки успеха • Давайте без фанатизма! • Случаи с поклонниками • Конец экспромтам • Без вины виноватый, или случай с Уитни Хьюстон

Все самые светлые моменты моей карьеры связаны с моими

слушателями и с теми людьми, которые верят в меня точно так же, как я сам. Это придает сил, говорю безо всякого пафоса. Мне действительно есть, за что благодарить тех, кто встречается на моем пути.

Взаимоотношения артиста и поклонников — это таинство, тонкая материя, к которой я отношусь очень трепетно. Некоторые из моих почитателей следуют за мной из города в город и являются на все мои концерты. Выходить на сцену и видеть знакомые лица — это невероятно. Я каждой клеткой своего тела чувствую это электричество — энергию зала; и я, в свою очередь, посылаю в зал собственные эмоции. Происходит мощный обмен, и под конец концерта у меня не остается ни капли сил для себя. Сбросить все, чтобы потом наполниться снова... Это фантастика.

ТАРЕЛКИ «МУЗ-ТВ»

Я стараюсь поддерживать знакомство с теми, кому нравится моя музыка. Многие из них встречают меня в аэропортах с цветами, заботятся обо мне — угощают домашней едой, специально пекут пироги и блинчики с вареньем и сгущенкой, дарят игрушки... Всего не перечислить. Мои слушатели постоянно на связи. Они отслеживают все публикации в сети, сообщают о них в офис, помогают в работе моего интернет-сайта.

Благодаря голосованию тех, кто любит мое творчество, я неоднократно получал премии Муз-ТВ и MTV. Мне иногда кажется, что у меня одна огромная семья величиной в полстраны. И всем нужно уделить внимание, что не под силу смертному

человеку. Но хотя бы улыбку... Друзья, поверьте, я стараюсь!.. К слову, на момент окончания этой главы мы завершили конкурс видеоклипов на мои песни — он проводился среди фан-клубов из разных городов. Ребята, вы супер!

Мне приятно, что люди, познакомившиеся на основе общего интереса к моему творчеству, находят и другие точки соприкосновения. Во всех моих клубах царит теплая атмосфера, в чем-то даже домашняя, что умиляет меня до слез.

Мы с удовольствием поддерживаем эту связь — устраиваем конкурсы, розыгрыши, дарим подарки. А сами активисты фан-клубов помогают организовывать благотворительные акции для детских домов, больниц... Некоторые поклонники находят в клубах свою любовь и создают семьи. Так моя музыка укрепляет связи между людьми, способствует приросту населения и миру во всем мире!.. Вот написал фразу в шутливом тоне, перечитал — и понял, что это правда...

Я люблю вас, друзья! Не выразить словами, как я вам благодарен! И все, что я делаю, — это для вас!

***

Я всегда рад, когда в моей жизни появляются новые люди. Значит, я не закрыт для простого человеческого общения. Но я все время настороже и предвкушаю подвох. Наверное, это плохо. Хотя все равно на всех не хватит ни времени, ни сил.

У всякого популярного артиста — и я не исключение — есть как поклонники, так и недоброжелатели. Это нормально — кому-то мое творчество нравится, кому-то нет. Но если с недоброжелателями все в целом понятно — они как правило, не скрывают своего негативного отношения, — то как быть с теми поклонниками, которые... э-э... несколько преувеличивают мою роль в их жизни?

Как быть с теми, для кого я центр вселенной и пуп земли, фетиш, манок, путеводная звезда? Именно такие поклонники — назову их для ясности *фанатами* — чаще всего караулят меня под окнами моей квартиры, забрасывают непристойными смс-ками, а кто-то просто звонит и молчит в трубку. Зачастую — ночью. А я пытаюсь продрать глаза и сообразить, кто это и что ему от меня нужно.

Если же человек подает голос и все же делится какими-то впечатлениями, то я обычно с пониманием отношусь к его желанию побеседовать с артистом, которого он совсем недавно видел на концерте. Мы обмениваемся фразами, я стараюсь

подбодрить и сказать что-нибудь приятное.

Но бывает, что люди начинают фантазировать на тему моего к ним отношения: мимолетный взгляд, улыбка, дружеское похлопывание по плечу — и вот уже воображение рисует им целый любовный роман с сомнениями, терзаниями, разлукой и интригами недоброжелателей.

А я часто не знаю, как на это реагировать. Вот что бы вы делали, если бы абсолютно незнакомые люди мысленно проживали отдельную от вас историю, в которой вы были бы центральным персонажем, а потом бы выяснялось, что вы стали причиной чьей-то душевной травмы? Или даже жизненной трагедии?.. Меня всегда огорчают такие вещи. Прежде всего потому, что круг моих близких людей известен — я не скрываю своих привязанностей. И стараюсь быть честным по отношению к девушкам, с которыми когда-либо встречался, по отношению к моим друзьям и коллегам, и могу, не стесняясь, назвать их всех поименно. Появление в моей жизни взявшихся из ниоткуда личностей полностью исключено.

ПРЕМИЯ RUSSIA MUSIC AWARDS

Катя Арну, певица, сокурсница и друг Димы:

Когда ты видишь человека, он тебе либо нравится, либо нет. Ты ничего не можешь поделать с этим отношением, оно формируется непроизвольно. И ты обычно чувствуешь и отношение людей к тебе.

У творческих личностей более тонкая интуиция. Они улавливают вибрации, которые идут от человека. Поэтому когда Дима звонит, а у меня в голове что-то свое и я чего-то не хочу, он сразу же понимает, что меня невозможно перенастроить на какую-то другую волну. Это нельзя не почувствовать.

Я его тоже чувствую, порой по голосу ощущаю, что с ним и как он там. Когда человека хорошо знаешь много лет, не составляет большого труда понять, что происходит. Даже по тому, как он ходит, водит машину, еще что-то делает. если Дима устал, он даже автомобиль ведет очень медленно. Был случай,

когда мы ехали с концерта со скоростью чуть ли не 20 километров в час, по правой полосе. Спустя какое-то время нас остановил патруль ДПС — вроде бы аварийных огней нет, машина едет медленно, все это выглядит подозрительно. Нас узнали, проверили документы, поинтересовались, не случилось ли чего — может быть, машина сломана? Дима ответил, что все в порядке, просто он с концерта, а поскольку очень устал, то хотелось бы комфортно и никому не мешая доехать до дома. Словом, в ДПС к нам отнеслись доброжелательно, вошли в положение.

Время, когда моя известность только начала расти, в этом смысле было самым сложным в моей биографии. Многие вдруг вспомнили, что были со мной знакомы, где-то видели, что-то слышали. Вы даже не представляете, сколько электронных писем я получал, сколько раз мне приходилось менять номер телефона... Было все: и признания, и угрозы, и душераздирающие истории.

Один раз мне нужно было очень рано вставать, чтобы куда-то лететь. А мне в четыре утра стала звонить какая-то девушка, явно не в себе. Она не переставала звонить, и мне даже пришлось сказать, что еще немного, и я вызову милицию. Утром же я обнаружил под дверью огромнейшее письмо.

Тогда я еще не отдавал себе отчета в масштабе своей популярности — и в том, насколько все это обязывает. Мне было лишь двадцать с небольшим, я был охоч до всего нового, наивен и открыт всему миру. Это сейчас я понимаю, кто и как ко мне настроен... и как мне в связи с этим следить за своей безопасностью.

Я понимаю, что популярность ко многому обязывает. И что на публике — то есть в любом месте вне дома — я себе не принадлежу. Каждый раз, выезжая куда-то, я должен предвидеть, что любой человек может заинтересоваться моей персоной, пожелать знакомства — и я должен реагировать максимально корректно. Нужно быть к этому готовым. Я осознал, что незапланированные поездки и тому подобные экспромты лучше исключить.

Словом, с тех пор мы стараемся устраивать прогулки в проверенных или безлюдных местах.

И все-таки приятных моментов намного больше. Пусть в жизни стало меньше свободы передвижения, зато у меня есть самое главное: я могу сказать и спеть то, что я хочу, огромному числу людей. И я знаю, что они услышат и оценят.

***

Конечно, к сожалению, в концертной деятельности случаются и неприятности. Иногда их отголоски настигают тебя сквозь время...

Если бы я только мог представить, что старуха Шапокляк отчасти была права, говоря: «Кто людям помогает, тот тратит время зря»! Есть люди, которые в принципе не способны оценить помощь. Они однозначно считают доброту глупостью и протянутую им руку помощи откусывают по локоть. Бог им судья! Одна из таких неприятных историй приключилась 9 декабря 2009 года в СК»Олимпийский» на концерте Уитни Хьюстон.

Певицу в Москву решили привезти некто господин Агапов и его помощница Полина Гусакова. Моему менеджеру за три дня до ее выступления позвонили и сказали, что есть возможность познакомиться с Уитни Хьюстон, если я выступлю у нее на концерте в качестве специального гостя, хотя моего имении не будет на афишах. Мои мечты унесли меня далеко! Я уже грезил тем, что возможно продолжение истории, что мы впоследствии споем дуэтом... Я уже говорил ранее, как велико мое преклонение перед Уитни Хьюстон. Конечно, я сразу согласился!

Единственным условием моего благотворительного выступления было знакомство с самой Хьюстон перед началом концерта. Любой поклонник мечтает об этом!

Но Уитни не приехала вовремя, и организаторы довольно грубо начали требовать, чтобы я вышел на сцену. Я не мог понять, зачем мне это делать, если они не выполнили нашу — такую необременительную! — договоренность. Зачем мне идти развлекать публику, которая ждет отнюдь не меня. Одно дело, когда сама певица говорит, что у нее на концерте гость, и он исполнит две-три песни. И совершенно другое, когда тот, кого не ждут, выходит на сцену сам! За это и помидором из зрительного зала не долго получить по голове!

Пока мои помощники пытались что-то выяснить у Агапова и Гусаковой, я узнал, что в зале находятся очень достойные и уважаемые мною (да и всей страной!) люди, и принял решение выйти на сцену — исключительно из уважения к публике, которая к тому моменту уже минут сорок пребывала в совершенно темном зале. Как потом рассказывали очевидцы, Филипп Киркоров, тоже пришедший послушать звезду, даже прилег вздремнуть на креслах!

Каково же было мое изумление, когда меня на сцену не пустили! Если сначала Полина Гусакова практически гнала меня на сцену, то через час бросилась чуть ли не грудью защищать сцену от меня! В это же время бой с охраной «Олимпийского»

держал наш звукорежиссер Юра. Боролись за нашу аппаратуру, которую снимали со сцены. Юра проиграл, и в итоге аппаратуру убрали! Никто ничего не понимал: ни зрители, ни я, ни менеджмент Хьюстон, ни мои помощники.

И лишь в мае 2011-го благодаря одной из тех, кто был очевидцем неприятной ситуации, мне удалось понять, что же на самом деле произошло.

Марина Чавушян, представитель Компании «Kultura PR»:

Моя компания способствовала заключению контракта между Уитни Хьюстон и компанией российского промоутера Андрея Агапова о ее выступлении в «Олимпийском». За три дня до концерта в Москве менеджмент певицы утвердил кандидатуру Димы в качестве артиста, работающего на разогреве. Господин Агапов тогда выразил недовольство решением певицы, но ему пришлось утвердить выбор менеджмента. Дима и Уитни должны были встретиться на площадке днем, во время репетиции. Дима Билан со своей командой приехал вовремя. Он репетировал очень тщательно, потому что хотел произвести на певицу и зрителей сильное впечатление.

Ко времени начала концерта Дима начал беспокоиться, сможет ли он пообщаться с Уитни Хьюстон. Он звонил помощнице Агапова Полине, но женщина просто нагрубила ему. Дима понял, что у Уитни возникли непредвиденные проблемы, и он принял решение срочно выйти на сцену, чтобы занять публику своим выступлением. Но Полина Гусакова приказала убрать всю технику Димы Билана со сцены. Руководители «Олимпийского» сами звонили Агапову с просьбой открыть сцену для певца. Но господин Агапов не хотел этого делать ни под каким предлогом! Ведь единственным оправданием задержки начала огромного мероприятия стало поведение Димы Билана, по его словам, «капризного» и зарвавшегося молодого парня»! Диме не оставалось ничего, как уехать с площадки.

Уитни Хьюстон приехала много позже, чем должна была, провела еще час в своей гримерной, прежде чем вышла на сцену.

Оказалось, это я был виноват в том, что семнадцать тысяч человек сидели в темном зале полтора часа!

Не устаю поражаться способности некоторых людей сваливать с больной головы на здоровую свою некомпетентность, неорганизованность, нежелание нести ответственность за свои действия или бездействия! Не знаю, воздастся ли по заслугам таким людям, не мне судить...

Глава 24
МИР, ДРУЖБА, АМЕРИКА

Наша культурная экспансия: вперед, на Запад! • Работа с неким продюсером • Сложный выбор из трех американских гигантов • Иностранный консультант • Конфуз на таможне • Белое солнце Майами • Что я делал в клубе • Честный таксист… с ума сойти! — В доме одного из самых пафосных продюсеров мира • Подробности работы с Тимбалэндом • Культовая студия «De Village» • Творческие альянсы • «Number One Fan»: песня, обреченная на успех

Налетав несколько десятков тысяч километров с гастролями, я понял, что наш мир очень мал. По сути, это микрокосмос, где все взаимосвязано и ничего не существует отдельно от

окружающей среды.

В России многие традиционно грезят Америкой или Европой — будто это на другой планете. Мол, там течет жизнь иного порядка. Но это точно такие же страны, со своими традициями, людьми и проблемами. И их жители стремятся к тому же счастью для себя и своих близких. А потому архиважно поддерживать добрые отношения между целыми государствами — и у популярного человека есть такие возможности...

На этой высокой ноте меня обычно одергивают: да на Западе и так полно музыкантов, куда ты лезешь, только русских там и не хватало...

А вот не хватало и не хватает. Когда «железный занавес» рухнул, у нас появилась долгожданная возможность путешествовать, беспрепятственно знакомиться с другими культурами, а главное — работать с лучшими западными музыкантами и продюсерами, учиться, делиться опытом с коллегами, пользоваться новыми технологиями. Благодаря этим связям россияне, наконец, увидели воочию таких мировых звезд, как Мадонна, Ла Тойя Джексон, Анастейша, Уитни Хьюстон, Стинг... И этот процесс культурной интеграции будет лишь набирать обороты, дорогие мои человеки. В мировых чартах в последнее время появляется все больше и больше русских имен...

Я отчетливо осознаю себя российским певцом. Я не пытаюсь уехать на Запад со своей историей, чтобы делать что-то лично для себя. Да зачем? Я, напротив, работаю на расширение наших культурных границ, поддерживаю высокий статус и престиж России, от лица которой имею честь выступать. Мне это доставляет глубокое моральное удовлетворение. И кстати, позволяет поддерживать высокий творческий уровень. Держать марку.

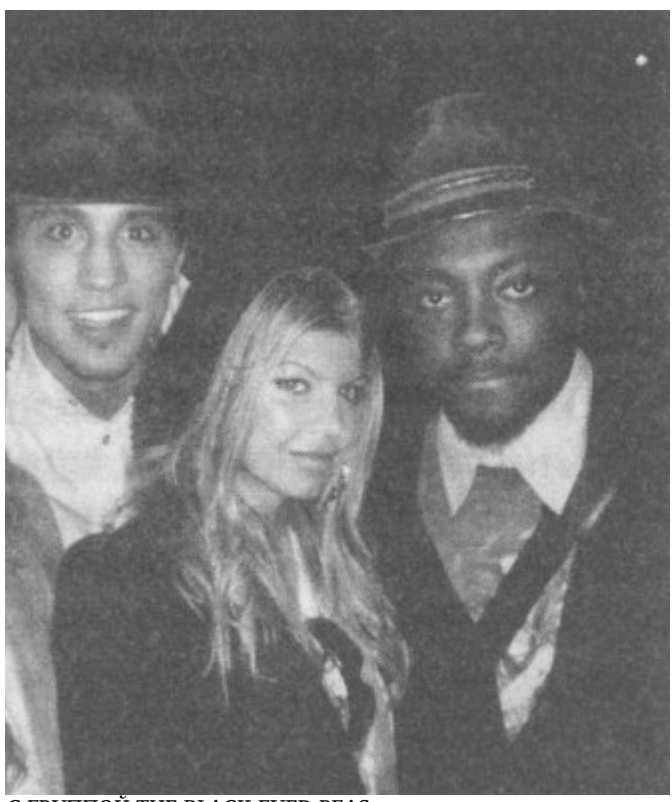
Итак, после «Евровидения-2006», когда вся Европа дружно распевала «Never Let you go», стало очевидным, что есть хорошие шансы продвинуть мою музыку на Запад. Пора было записывать международный альбом. По завершении «Евровидения» мы с Яной завязали множество полезных знакомств, и у нас, наконец, появились финансовые возможности, чтобы воспользоваться этими связями.

Чуть позже нам удалось привлечь к сотрудничеству менеджмент группы «Тату» — с их бесценными связями и опытом. Таким вот образом в нашу с Яной жизнь вошла Саша Титянко, девушка, которая позиционировала себя как международный продюсер. До нас она работала не только с «Тату», но и с другими известными артистами. Саша отлично знала нюансы западных пиар-кампаний и конъюнктуру тамошнего рынка,

ориентировалась в музыкальном материале как рыба в воде и была знакома с руководством многих известных звукозаписывающих студий. В 2006-м она как раз вернулась из Лондона, где прожила несколько лет, и захотела окунуться в работу с каким-то новым для нее артистом.

Мы поставили себе очень высокие планки, сразу же заглянув в мировые чарты, где в то время почти безраздельно властвовали артисты американского продюсера Тимбалэнда. И нас очень интересовал сам этот известный деятель. Еще одной кандидатурой на сотрудничество был Will.I.Am, продюсер американской хип-хоп команды «Black Eyed Peas». И наконец, завершал эту тройку колоритный хип-хоп продюсер Скотт Сторч, также продвинувший множество звезд.

У нас имелись выходы на всех троих. Важным было понять, кто из них нам ближе по духу и по стилю — и, конечно, кому из них я интересен как артист.

С ГРУППОЙ THE BLACK EYED PEAS

Но в нашей истории случился разворот на 180 градусов. Мы сами в нем повинны — тем, что выбрали продюсера не из упомянутой «золотой тройки». Работа с выбранным человеком

продлилась до церемонии награждения EMA. Именно тогда мы поняли, что это не наш вариант; пришлось распрощаться.

Зато нам удалось познакомиться с одним из музыкальных издателей Дэннисом Инглсби, обладателем прав на некоторое количество хитов известных артистов, таких как Уитни Хьюстон, «Pussicat Dolls», Крэйг Дэвид... Инглсби был хорошо знаком с некоторыми российскими звездами. Дэннис, имевший непререкаемый авторитет в музыкальном мире, согласился стать нашим международным консультантом. Он и помог организовать первую встречу — со Скоттом Сторчем, хип-хоп локомотивом американского шоу-бизнеса.

***

Сразу же после «World Music Award» мы всей командой вылетели на промо-тур в США — Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, затем Майами и Чикаго. Параллельно нас ожидали переговоры сперва со Скоттом Сторчем, затем, возможно, с Тимбалэндом. Оба продюсера проживали в городах, где мы давали концерты. Дэннис Инглсби любезно согласился нас сопровождать на правах консультанта. Без него в тот период нам было б сложнее, все же у американского шоу-бизнеса своя специфика...

Вы, наверное, заметили, что, несмотря на имеющиеся у нас возможности, весь этот период мы вели себя отнюдь не самоуверенно. Каждый шаг мы обсуждали со специалистами, которые знали западную кухню как свои пять пальцев. Словом, мы были прилежными учениками, которые хотели бы сделать первые шаги по незнакомой территории...

Итак, Майами. Когда мы вышли из аэропорта, я выпучил глаза. Передо мной был невиданный город-курорт, основное впечатление от которого — **солнце** !!! Звезда ослепительного бриллиантового цвета изливалась на улицы. Свет пронизывал тело сквозь одежду, так что я сам себе казался прозрачным. Белизна зданий резала глаза. Хотелось с ходу рвануть куда-нибудь на безграничный песчаный пляж Майами-бич... где в тот приезд нам так и не удалось побывать.

В первый же вечер мы отправились гулять по городу. А остановились мы в районе Арт-Деко, напичканном ночными клубами и прочими курортными точками. Взяв такси и попросив таксиста устроить нам мини-экскурсию, мы покатались по району, вышли где-то на освещенной площади и решили посетить первый попавшийся клуб.

Мы немного потанцевали, пообщались с местной публикой, после чего решили выйти на свежий воздух. Мне хотелось позвонить по мобильному и обменяться парой фраз с кем-нибудь из домашних. Сунув руку в карман, я обнаружил пустоту. Дорогой телефон, подаренный мне на день рождения Оксаной Лаврентьевой за несколько недель до этого, исчез.

— Ты не в курсе, я брал с собой мобилу? — обратился я к Яне, которая выглядела несколько ошалевшей после всей этой пестрой и блестящей бутафории.

— Что?.. А! Брал, я помню, ты говорил по телефону, когда мы ехали в такси...

— А куда я его сунул, ты не помнишь?

— Нет, не помню... Мне кажется, нигде, кроме такси, ты его выронить не мог...

Мы вернулись в гостиницу и стали названивать в службу такси Майами, пытаясь выяснить, не забывал ли кто-нибудь из пассажиров дорогущий мобильник на заднем сиденье. Пока телефон разыскивали, Яна набрала мой номер — хотя никто не верил, что это хороший метод поиска. Каково же было наше удивление, когда в ответ раздался усталый голос того самого таксиста:

— Yes! See your phone...[7]

Таксист, оказывается, уже часа два катался в надежде, что к нему обратятся владельцы данного эксклюзива. Через пятнадцать минут он примчался в отель и привез мне пропажу, получив в благодарность стодолларовую купюру.

— Надо же, честные люди! — восхитилась Яна.— А я думала, что все...

Таким было наше знакомство с удивительным городом Майами.

У Саши Титянко в этом городе проживали друзья — выходцы из бывших союзных республик, бизнесмены, вращающиеся в кругах шоу-бизнеса и знакомые со всей рэперской тусовкой. В том числе с такими персонажами, как, например, Снуп Дог.

Они и помогли нам познакомиться с мистером Сторчем, который тогда был одной из самых одиозных фигур западного шоу-бизнеса. Говорят, что у Скотта Сторча есть русские корни — то ли бабушка, то ли дедушка из России. Сам Сторч вырос в Канаде, затем перебрался в США и сделал головокружительную карьеру.

Это один из самых пафосных — в современном значении этого слова — продюсеров того времени. Его основная идея в том, чтобы всеми силами поддерживать звездный имидж. Вспомните всех этих рэперов в дутом золоте и с алмазными якорями на

шеях, купающихся в зеленых купюрах... И вы будете вынуждены признать, что это — *работает.*

Перещеголять Сторча под силу только таким монстрам, как Фарел Вильямс или Кэнни Вест. Страсть Сторча — автомобили, и у него одна из самых дорогих коллекций авто в мировом шоу-бизнесе: здесь и раритетные машины, и Бугатти по миллиону долларов, и старинные роллс-ройсы, «фантомы», «бентли»... А еще какие-то фантастические коллекционные модели, собранные в единственном экземпляре.

Особняк Сторча был также одним из самых дорогих в Майами. Когда мы прибыли на встречу с ним, то попали в настоящий парадиз. Громадный бассейн с голубой водой, фонтаны у парадного входа, охранники-афроамериканцы в черных костюмах, черных очках и зеркально начищенные ботинках — эдакие «Men in black»... [8]

— Hi, guys! What's up?[9] — приветствовал нас мистер Сторч, встречая на крыльце, к которому вела необъятная мраморная лестница молочно-белого цвета.

Мы вежливо поздоровались в ответ. После пары фраз о том о сем Сторч устроил нам экскурсию по своему шикарному дому, не забывая в красках рассказывать, что и где у него находится — хозяин был очень горд своим жилищем. И там действительно было на что посмотреть. Дом был оформлен в классическом стиле, в бежево-коричневых тонах — высоченные потолки, хрустальные люстры, полы с инкрустациями. Мы восхищались и цокали языками, а хозяин явно был доволен произведенным впечатлением.

Установив таким образом непринужденную атмосферу, мы принялись обсуждать возможности нашего сотрудничества.

— Вы знаете, ребята, — сообщил Сторч. — Я пока не уверен, как все пройдет. Давайте пробовать...

Пробовать, то есть встретиться на студии и что-то записать.

Когда мы вышли от Сторча, потрясенные и задумчивые, Яна спросила:

— Ну, что скажешь?

На нее эта встреча тоже произвела неизгладимое впечатление.

— Уф, даже не знаю, — пожал я плечами. — Вроде бы все удачно прошло... Но что-то мне подсказывает, что это немного не наш вариант, ты не находишь?

Яна усмехнулась:

— Давай дождемся завтрашнего дня.

В Майами у нас было запланировано несколько концертов, которые, к слову, прошли с невероятным аншлагом. Мы все равно

должны были задержаться здесь на несколько дней, поэтому было время, чтобы записать пробник и понять насколько удачно мы можем сработаться со Сторчем.

Для тех, кто из моего рассказа вывел для себя, будто мы придирчиво выбирали продюсеров, фыркали и отклоняли претендентов, поясню. Сначала продюсер должен сам заинтересоваться в артисте. Особенно если он профессионал уровня Сторча. Процесс становления работы продюсера с артистом весьма тонок и деликатен. И мистер Скотт Сторч в этом случае делал нелегкий выбор, ибо его специализация — рэп-артисты и в исключительных случаях R'n'B - исполнители. Так или иначе, у Скотта весьма своеобразный стиль. Подходит ли нам эта музыка, насколько органично она впишется в мое мироощущение, имидж — все это нам только предстояло выяснить.

Мы сделали несколько пробных композиций и глубоко задумались.

***

Параллельно мы вели переговоры с Тимбалэндом. Его команда куда более живо отреагировала на наш запрос после чего мы решили встретиться с ним лично. От Тимбалэнда мы получили на прослушивание несколько демо-записей новых песен. Приятно удивило, что композиции, которые нам прислали, были свежие, еще никем не исполненные. И вдвойне порадовало то, что по стилю эти песни лично мне очень понравились.

Поблагодарив Скотта Сторча за уделенное время и внимание, мы отправились к Тимбалэнду в Лос-Анджелес записать несколько новых песен. В те дни в Лос-Анджелесе проходила церемония награждения «Грэмми». Нас пригласили на preparty, где мы быстро все обсудили. И прямо на месте приняли воистину судьбоносное решение: подписать контракт с командой Тимбалэнда.

...Важный нюанс при работе с американским слушателем: песня на английском должна быть исполнена *без малейшего акцента.* Чуть что-то не то — и все пропало, можно ставить крест на всем альбоме. Американцы и без того воспринимают иностранцев настороженно.

Принимая решение раскручивать российского артиста Тимбалэнд это прекрасно понимал. Поэтому произношению было уделено повышенное внимание: американский продюсер «закрепил» за мной свою главную творческую единицу —

композитора и отличного мелодиста Джима Бинса. Джим записывал на студии вокалы всем, кто поступал под патронаж Тимбалэнда. Параллельно я обложил себя педагогами по вокалу, в числе которых был и знаменитый Сэд Рикс.

Кстати говоря, в то время я был приглашен спеть в очень необычном хоре с самим Элом Джерро! Со всего мира съехались пятьдесят самых известных джазовых музыкантов, чтобы исполнить так называемый «гимн мира». Дирижировал все тот же Рикс.

Но вернемся к нашим репетициям. Помимо педагогов по вокалу были еще фониатры и специалисты по имиджу, которые занимались как моим произношением, так и улучшением моего вокала и внешнего вида.

С ТИМБАЛЭНДОМ

Мы по нескольку раз перепевали каждую композицию каждый

фрагмент, добиваясь, чтобы ни одно слово не резало слух американцев. Отрабатывали новые стили, боролись за совершенно новое звучание, смещая его в сторону американизированного R'n'B.

Высочайший профи Бинс оказался очень приятным человеком. Мы сразу нашли с ним общий язык и в итоге на столько спелись, что почти подружились.

Мы записывались на студии «De Village» в Лос-Анджелесе. А это — историческое место. Там царит раскованная, творческая и даже почти домашняя атмосфера — в отличие от многих студий звукозаписи. «De Village» ранее была коммуной хиппи, и здесь в свое время жили и творили легендарные «Beatles». Студия тогда ничем не напоминала нынешнюю — раньше на этом месте был небольшой дом почти безо всяких удобств. Музыканты проживали в составе общины и здесь же записывались в кустарных условиях. Затем студия «De Village» стала культовой, и было достроено несколько этажей. На каждом из них сейчас стоит великолепное студийное оборудование, на котором работают только суперпрофессионалы.

Сегодня на «De Village» записываются только мегазвезды. Очередь на запись довольно длинная, артисты бронируют себе студию на продолжительный срок, приезжают и живут здесь месяцами. Например, в тот момент, когда мы готовили свой материал, в соседней комнате записывалась Джанет Джексон — она арендовала студию на месяц. Для нас же сделали исключение — Тимбалэнд был настолько во мне заинтересован, что организовал запись вне очереди.

Вторую песню мы делали с композитором Райаном Теддером из «One Republic». Райан подробно расспросил меня о том, что происходит в моей жизни, что важно, а что не очень, как я ощущаю себя в плане личных отношений, кто мои друзья, каковы особенности этой дружбы... На основании наших бесед Райан буквально за час выдавал музыку, которая невероятным образом совпадала с моим мироощущением, отражала то, что я действительно чувствовал, описывала события моей жизни. Райан меня по-настоящему потряс. Ему удалось передать то, что не было высказано словами. Подобные творческие альянсы — большая удача. Примерно та же ситуации была с Джимом — ему удалось выразить это в музыке все то, что было у меня на душе.

Неудивительно, что после всего этого стало ясно, что сотрудничество будет фантастически успешным. И контракт был, наконец, заключен!

В Лос-Анджелесе мы работали лишь из-за церемонии «Грэмми». Команда Тимбалэнда почти вся из Филадельфии, там

же находится его главная база — студия, семья... Возможно, это особенность населения той местности, но люди Тимбалэнда оказались весьма простыми в общении — внимательными, неторопливыми, при этом в каждом была особая творческая глубина. То, что они делали — совсем не поверхностно. Хотя и рождается порой спонтанно, будто из ниоткуда. Песни возникали сами и никто не выдавливал из себя слова и аккорды. Для этих людей музыка тоже была призванием и жизнью. Вероятно, именно поэтому мы были так очарованы друг другом. Я ведь точно так же мог сорваться на студию чуть ли не ночью — просто потому, что в голове появился интересный музыкальный фрагмент, и нельзя терять этот момент вдохновения.

Именно так и родилась «Number One Fan». Произошло это однажды вечером, когда мы все сидели на студии, спокойно наигрывая разнообразные мелодии. Ко мне приехала из Нью-Йорка моя любимая — Лена Кулецкая. Она принимала живейшее участие в наших экспериментах, как зритель оценивая все то, что звучало в комнате.

Джим как-то притих и вдруг начал напевать:

— And I'm your number one fa-a-an, baby, I'm your number one fun...

Я так думаю, что он все это время наблюдал за мной и Леной — и...

Мы все вскочили с дивана, на котором до этого вполне мирно сидели, и принялись от радости прыгать чуть ли не до потолка. Надо же, какая удача! Это то, что надо! Сразу стало ясно, что это тот самый хит, которого мы так давно ждали; песня, обреченная на успех. Мгновенно врезается в память, заставляет пританцовывать... Из тех, которые постоянно прокручиваешь в голове и непроизвольно напеваешь.

Мы записали эту вещь всего за пару дней. После чего отправились на премию World Music Award» в Лондон. Там же мы запланировали снять клип.

В Америке я понял еще одно: мелочей в нашей работе не бывает. Важно все: одежда, обувь, прическа. Это и называется профессионализмом. Я люблю экспериментировать с образом, со стилем. Но конечно к тридцати годам у меня появились и любимые брэнды. Из косметических, кстати, наибольшее предпочтение отдаю Clarins. Со всеми перелетами, недосыпами, сбитым ритмом достаточно трудно держать «лицо», во всех смыслах. Кожа, мне кажется, вообще показатель не только физического здоровья, но и духовного равновесия. Мой личный хит-парад из всех многочисленных средств мужской линии Clarins следующий: Reves d'Homme — любимая сыворотка, которая

мгновенно восстанавливает кожу за ночь, утром — как новенький; моделирующий Гель для Области Живота - Abdo Fermete — упругий живот реальная необходимость для артиста; Defatigant Visage — средство против стресса, которое я люблю брать с собой в поездки. Очень удобно, как бы за день не «убегался», вечером сияю и лучусь). Сейчас рассказываю про Clarins вам, дорогие читатели, а до этого уже поделился с мамой. Я искренне считаю, что женщина прекрасна в любом возрасте, но какая-то помощь все равно не повредит. Маме больше всего нравится линия Capital Lumiere. Ну а для девушек у Clarins вообще масса всего интересного. В общем, Clarins forever!

Глава 25
ВЕРА, НАДЕЖДА, ЕВРОВИДЕНИЕ

Фирменное чутье Джимми Айвена • Встреча с патриархом американского шоу • Руди Перез и латиноамериканский вариант Билана • Баллада на испанском и ее последствия • Остается только верить… • Рождение «Believe»

Мы с продакшном Тимбалэнда записали почти половину англоязычного альбома, когда настала пора демонстрировать материал американским звукозаписывающим лейблам. В частности, у нас были хорошие контакты с лейблом «Universal Music» и его подразделением «Interscope», которое специализировалось на нестандартных артистах, в том числе иностранных.

Исполнительный продюсер и руководитель компании «Interscope» Джимми Айвен — человек с уникальным чутьем. Про него ходят легенды: считается, что Айвен способен выхватить из массы музыкантов именно того, кто впоследствии станет мегазвездой. Поэтому он и взялся за такую непростую задачу, как продвижение иностранных артистов в США. А это ведь более

рискованное и затратное мероприятие, чем раскрутка местных. Среди его подопечных российская «Тату», немецкий «Rammstein», немецкий же «Tokio Hotel», финский «Rasmus»...

С ТОМОМ ФОРДОМ И ЮЛИАНОЙ КРЫЛОВОЙ

После знакомства с моими записями Джимми Айвен был очень взволнован. Он не скрывал своих чувств и выложил все начистоту: фирменный нюх подсказал Айвену, что альбом очень перспективный, а я могу стать популярным среди американской публики.

Вопрос сотрудничества должен был решиться в присутствии главы «Universal Music» Дуга Морриса. Это своего рода патриарх американского шоу-бизнеса. Уже тогда ему было за семьдесят, но Моррис был полон молодого задора и сам вел многие переговоры. Ради беседы с нами он специально приехал в Лос-Анджелес. И это

при том, что Дуг Моррис лично разговаривает только с мегазвездами Америки!.. Прослушав мои материалы и посмотрев лондонский клип на песню «Number One Fan», Моррис вынес вердикт:

— Давайте работать!

И поверьте, слова от такого человека — не на ветер.

Важным условием сотрудничества стал пункт о том, что я должен был длительное время находиться в Лос-Анджелесе — минимум по несколько месяцев в году. Это было необходимо, чтобы контактировать с прессой, записывать новый материал, устраивать гастрольные туры и концерты. В США никто не будет ждать, пока артист освободится от других дел — если его нет в пределах досягаемости, о нем забывают. Это очень динамичная культура, к которой необходимо приспосабливаться.

Все это немного не укладывалось в мои планы, поскольку в конце 2007-го уже было решено, что я участвую в «Евровидении-2008». Необходимо было готовиться и, как следствие, проводить время и в России, и в Европе.

Еще один важный момент — это стратегия продвижения меня как артиста. Дело в том, что моя внешность, как вы знаете, по типу ближе к жителям Востока. Такой диснеевский Аладдин российской эстрады. Это дает удивительный эффект: во многих странах я чем-то напоминаю местных жителей; я везде свой. В Испании — точь-в-точь испанец, в Италии — итальянец, в Мексике — мексиканец... В Майами ко мне часто подходили знакомиться и заговаривали при этом на испанском.

— Hola! Que tal?[10] — Меня принимали за латиноамериканца. А я в то время даже не мог найти достойного ответа.

Подметив эту мою особенность, Джимми Айвен предложил необычный ход: начать работать со странами Латинской Америки. А затем, раскрутившись там, делать упор на США.

В этом был и коммерческий смысл. Американский музыкальный рынок имеет характерную особенность: больше всего пластинок продается именно в южноамериканских странах. Тамошние жители меньше доверяют Интернету, они предпочитают слушать то, что можно подержать в руках (это я о дисках). А потому многие американские звезды — например Бейонс и Кристина Агилера — сразу после записи англоязычного альбома летят в Лос-Анджелес или Майами записывать те же треки на испанском. Ибо североамериканцы скачивают все из Сети...

Для записи испанской версии альбома руководители «Interscope» пригласили поработать со мной продюсера и

композитора Руди Переза. Этот обладатель нескольких «Grammy» — номер один в мире в области продвижения испаноязычных артистов. Он занимался раскруткой Мэрайи Кэрри, Нелли Фуртадо, Хулио и Энрике Иглесиасов, той же Кристины Агилеры... Короче, на его совести популярность всех звезд западной эстрады в испаноязычном мире.

Для работы над испанским альбомом мы переехали в Майами, где у Руди Переза была своя огромная студия на берегу океана. Там (я имею в виду город) и жил этот удивительный человек.

Выходец с Кубы, он, как и многие успешные деятели шоу-бизнеса, обладал незаурядными человеческими качествами. Очень спокойный и доброжелательный, прекрасный семьянин, отец троих детей... Знаменитость, которую совершенно не испортили известность и богатство. Он был человеком философского склада ума, и в перерывах между записью материала мы много разговаривали — о жизни, об успехе, о профессиях музыканта и продюсера.

Меня также потрясло, что Перез, как и я, интуитивно понимал и использовал те законы жизни, которые только-только становятся известны широким массам. Я говорю о методиках позитивной психологии. Сам Перез был наглядной иллюстрацией к тому, насколько велика сила мечты. Когда Руди было двадцать лет и он начинал свою карьеру на студии звукозаписи, то все, что он делал, — это подавал кофе музыкантам и режиссерам. Но он верил, что однажды станет работать с мировыми знаменитостями совсем в ином качестве. Войдет в число самых преуспевающих людей в мире. Когда он проговорился об этом в студии, над ним грубо посмеялись и снисходительно одернули:

— Ну, молодец, отличная сказка! А теперь принеси-ка кофейку...

Руди перестал откровенничать с окружающими, но мечту свою не бросил.

В итоге Руди Перез стал тем, кем и хотел быть. А о тех циничных скептиках давно ничего не слышно...

Итак, запись с Руди Перезом проходила на удивление гладко. Приятным открытием стало то, что благодаря хорошему слуху я пел по-испански без акцента. Руди был очень доволен.

Близился отбор на «Евровидение-2008». Я объяснил Перезу ситуацию. Мы с Яной долго ему рассказывали, что представляет собой этот конкурс, как он проходит, каковы его условия. О «Евровидении» и Перез, и Айвен, конечно, слышали. Но никто из американских артистов никогда в нем не участвовал. Оно и понятно.

Однако Руди пошел нам навстречу и вызвался помочь в подборе песни для конкурса. Как вариант была предложена «Porque aun te amo» — красивая баллада о любви, которая мне и самому нравилась. По вокальному диапазону она вполне подходила. Кроме того, это было бы очень оригинально — исполнить песню на испанском.

Я пока еще базировался в Майами и периодически курсировал по Америке с концертами и интервью. Яна тем временем находилась в Москве, где занималась организационными мероприятиями, связанными с отбором на «Евровидение». Она объявила, что песня у нас уже есть; чтобы продемонстрировать демо-запись «Porque aun te amo» широкой публике, Яна отправилась в Русскую службу новостей. По сути, это было обычное интервью, в котором Яна анонсировала мою конкурсную композицию.

Сейчас уже очевидно, что она сделала это в очень удачный момент. Если бы мы показали песню непосредственно на отборочном туре, нас бы просто дисквалифицировали. И поезд «Евровидения» ушел бы навсегда.

Но меня спасло именно это интервью Яны. Как только демо-версия прозвучала в эфире, недремлющие поклонники и журналисты тут же доложили: композиция уже исполнялась ранее. «Porque aun te amo» пел Лучано Перейро, весьма популярный в странах Латинской Америки. Мы этого не знали. Все-таки в мире невероятное количество музыки, и всю переслушать невозможно. К тому же,мы и не подозревали, что на Западе это нормальная практика: правообладатель песни волен предложить ее любому исполнителю. С ней может годами выступать один певец, затем ее передадут другому... В этом есть смысл, ведь музыка вечна.

Но по правилам «Евровидения» конкурсная вещь должна быть новой и ранее не исполнявшейся. Руди об этом не знал, он хотел как лучше.

В момент озвучивания «Porque aun te amo» на Русской службе новостей я с Сашей Титянко находился в самолете, который летел в Майами. Я не чуял подвоха и был в хорошем настроении. Если не брать в расчет сопутствующих событий,[11] а судить лишь по открывающимся передо мной перспективам, то это был один из самых успешных периодов моей творческой деятельности.

Звонок Яны застал меня врасплох. И я не сразу уловил смысл ее слов:

— Дима, ты представляешь, эта песня не новая, — сообщила она убитым голосом. — Я только что ставила ее в эфир, и мне тут же сообщили... Это скандал...

Я повесил трубку и почувствовал, как земля уходит у меня из-под ног. И то, что я был в самолете, тут ни при чем.

— Что-то не так? — спросила Саша.

— Все не так, — буркнул я, мигом представив себе, *что* сейчас творится у меня на родине. — Подожди, не спрашивай, я пока не могу разговаривать.

В первые секунды в моей душе бушевала досада и желание что-то срочно предпринять; затем все сковал предательский холод: все кончено, это провал.

До отборочного тура оставалось три дня. Только три дня... Или целых три дня?.. Как бы мы ни оценивали этот запас времени, его однозначно нужно было использовать. Яне удалось договориться о том, что песня будет срочно заменена на другую, и организаторы отборочного тура — Первый канал — согласились подождать.

А в это время в Майами я, в состоянии легкой паники, пытался выправить ситуацию и перекроить график работы. Мы с Сашей бросились к Тимбалэнду — к счастью, он со всей командой находился в Майами. Со стороны это, должно быть, выглядело еще тем нахальством: мы попросили этого титана отложить все дела, потому что у нас проблемы. Сбивчиво объяснили ситуацию и, что самое удивительное, Тимбалэнд пошел нам навстречу, не сомневаясь ни секунды.

Коротко описав суть нашего ЧП Руди Перезу, мы попросили у него тайм-аут и перекочевали к Тимбалэнду на студию.

— Ну и о чем речь? — спросил Джим Бинс, как только мы переступили порог студии.

Мы в очередной раз погрузились в объяснения о «Евровидении» и о том, почему нам так важно на него попасть. И почему нам срочно нужна свежая, еще никем не исполненная песня. Да не просто песня, а хит.

— Да-а, это задачка... — сказал Джим и замолчал минут на десять. Он просто сидел в кресле, углубившись в свои мысли.

— Слушай, я, конечно, писал разные песни, — сказал Бинс, будто не заметив этого перерыва, — но пойми, что хиты в срочном порядке не придумывают... А знаешь что? — вдруг оживился он. — Давай сейчас немного отвлечемся. Просто посидим и поговорим об этом. Вот ты знаешь, какая именно песня нужна, о чем она должна быть?

— Знаю ли я? .. — сказал я сокрушенно. Немного подумал и продолжил: — Пожалуй, знаю. Сейчас эта песня может быть только о вере. Потому что в нашей ситуации можно лишь надеяться на лучшее и не опускать руки. Если бы я не верил в успех даже в такие провальные моменты, я бы давно сломался...

— О'кей, — кивнул Джим. — Я тебя понимаю...

Он очень нервничал. Возможно, Джим переживал происходящее даже острее, чем я сам. Ведь я давно привык к внештатным ситуациям в моей жизни. А Бинс жил в более размеренном и уравновешенном мире, где подобная работа планируется заранее и выполняется по графику равными долями. Совсем без форс-мажоров не обходится, но и они обычно учтены планом...

Мы проговорили всю ночь. Говорили о многом. О преодолении препятствий и себя. О целях, ради которых пробиваешь лбом любые препоны. О том, что такое победа и благодаря чему человек может считаться победителем уже на пути к ней. Обсуждали силу настоящей веры в себя и чудесные превращения, которые происходили с людьми, желающими добиться успеха... За этими разговорами я узнал Джима Бинса с совершенно иной стороны. Я и раньше понимал, насколько велик его творческий потенциал, но теперь я увидел, что Джим не просто профессионал, он еще и хороший друг... Это было ценнейшим открытием.

Ближе к утру песня будто выкристаллизовалась из воздуха... Мы с Джимом сидели рядом за клавиатурой и наигрывали в четыре руки. Джим напевал, я подхватывал. Нам очень захотелось донести до людей нечто, что способно вселить в их сердца подлинную веру в успех. Это было отчаянное усилие, помноженное на мольбу — мощный выплеск эмоций, когда хочется крикнуть на весь мир: «Я буду жить, что бы ни случилось!!!! I will survive!»:

Even when the thunder and storm begins
I'll be standing strong like a tree in the wind... [12]

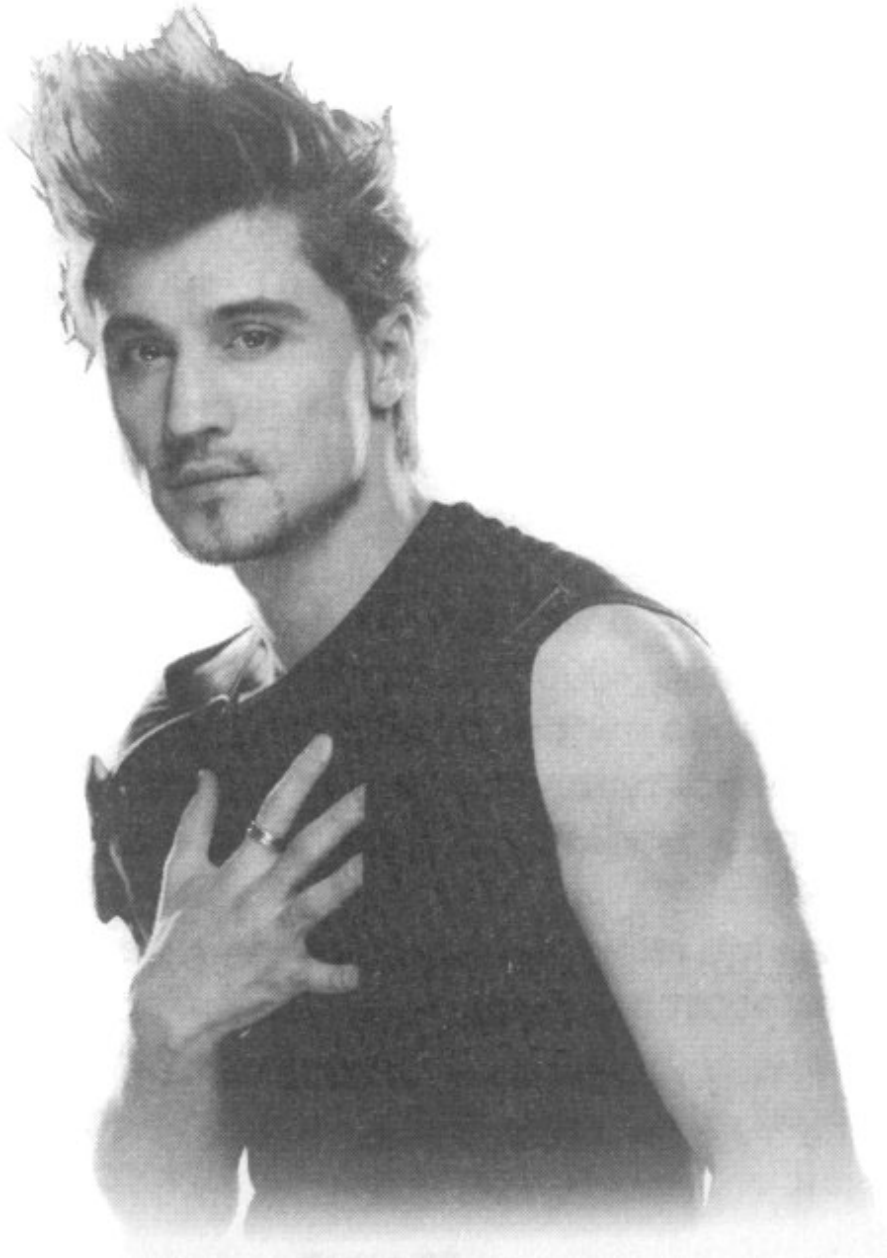
В этот момент я представлял себя на сцене «Евровидения», слышал овации публики и верил в то, что все получится.

...Через два дня «Believe» была в Москве, и демо-запись появилась на официальном сайте «Евровидение-Россия».

Глава 26
НАГРАДА ДЛЯ ПОБЕДИТЕЛЯ

Мой круг почета • После конференции • Гонка продолжается! • Встреча в Москве • О том, как мне звонил президент • «Live с Биланом»: наш безумный график • Самый страшный полет в моей жизни • Все, что вы хотели знать о моем дуэте с Нелли Фуртадо

В этой книге я уже сравнивал себя с марафонским бегуном, которому нужно пересечь последнюю черту, — и тогда все изменится. Чертой было «Евровидение», помните? А теперь — немного о том, что произошло непосредственно после финиширования в 2008 году.

После преодоления этой колоссальной по сложности дистанции мои силы были на излете. Взмыленный и счастливый,

я, образно выражаясь, хотел лишь плюхнуться на газон физиономией вниз и лежать так вечность, чувствуя, как ветерок овевает раскаленную кожу, а усталость медленно уходит в землю... Но мне не дали. Есть такая изуверская традиция — круг почета. Мой круг в честь победы должен был равняться значительной части пройденной дистанции. И бежать его нужно было сразу. Срочно. Сейчас!!! Удар ботинком под ребра — вставай, проклятьем заклейменный!.. триумфатор, так тебя разэдак!..

Итак, мы всей командой уползли с заключительной пресс-конференции «Евровидения-2008», обливаясь потом и слезами, еле волоча ноги от усталости и передвигаясь на последних ресурсах организмов. Вернуться в номер — и спать, спать!.. А затем — самолетом в Москву, праздновать победу...

И в этот момент к нам подошел один из организаторов конкурса. Он сердечно нас поздравил и с любезной улыбкой протянул стопку бумаг:

— Я принес вам договора вот подпишите пожалуйста здесь, здесь и здесь...

— А что это за... такое?

Мы все — я, Яна, Женя Плющенко, Эдвин Мартон, Саша, Катя и Юля — не сговариваясь, повели носами в сторону документов.

— Это ваш приз! — сказал любезный джентльмен и широко улыбнулся. — Послезавтра вы отправляетесь в небольшой концертный тур по девяти странам...

Я охнул.

— Как?! Еще один тур?..

— Ну как же, — вкрадчиво напомнил нам представитель Европейского вещательного союза. — Это было описано в условиях конкурса, их все получили...

— Ах, да, да, конечно...

Забрав документы в номер, мы, вместо того чтобы спать или хотя бы собираться на самолет, полночи изучали условия концертного тура, который предлагали организаторы «Евровидения». Список впечатлял. За неделю мы должны были прокатиться по европейским странам по очень плотному графику — полдня-день на страну — и дать несколько десятков интервью местным журналистам.

НЕ НАДО ПАРИТЬСЯ, НАДО ПИАРИТЬСЯ!

Полгода мы гнались за победой — сначала отборочный тур, затем полуфинал и финал конкурса — и вот... Преодолев все препоны, мы жутко хотели расслабиться. Отдых был необходим —

хотя бы чуть-чуть... Но оказывается, все еще не закончилось и закончится не скоро...

А впрочем... В конце концов, какая самая большая награда для артиста? Правильно, еще больше публики. Потому я, наверное, сгущаю краски. Ведь по большому счету, несмотря на усталость, я был рад представившейся возможности еще раз проехать по Европе с концертами. Это действительно круг почета, просто его объявили слегка неожиданно. Когда все мы были уже не в форме.

— Ну, Дима, это хорошая реклама, почему нет? — увещевала Яна в тон моим мыслям. — Завтра передохнем немного, соберемся с силами и все сделаем, да?..

Передохнуть не удалось. Москвичи и все, кто болел за нас на конкурсе, хотели лицезреть своих кумиров — и достойно нас поздравить. В аэропорту нас встретил кортеж, который прислал за нами президент, и вплоть до самого вечера мы отвечали на звонки, электронные письма и телеграммы; давали блиц-интервью и комментарии.

...Кстати, не могу обойти вниманием то, что Дмитрий Анатольевич Медведев лично дозвонился до нас, когда результату конкурса стали очевидны. Разговор с президент длился всего несколько минут — да и то я лишь слушал и благодарил за поздравления. В состоянии некоторого выпадения из реальности я прижимал к уху мобильный, а знакомый голос говорил из динамика о том, что весь народ нашей страны мною гордится, что я оправдал доверие и надежды... Я должным образом усвоил слова президента лишь через год, выступая на «Евровидении» в Москве. Лишь тогда я полностью осознал, что проведение этого грандиозного шоу в столице моей родины, в том числе, и моя заслуга. Но об этом я еще расскажу...

С утра 16 мая за нами прилетел небольшой частный джет. Нас набралось 16. Я, Саша Титянко, Эдвин Мартон (Женя с Яной лететь с нами не могли), охранник, кое-кто из музыкантов и ребята из MTV-Россия, которые снимали «Live с Биланом». Без представителей телеканала никак нельзя было обойтись, поскольку они освещали все происходящее в прямом эфире, а шоу обещало быть уникальным. Попутно я давал комментарии в кадре.

О-о, по сравнению с этим туром «Евровидение» показалось нам сказочной прогулкой! День начинался следующим образом. В 6:35 утра — интервью, затем еще одно интервью в 6:45, потом еще... И так, с интервалом в 10 — 15 минут, мы «прогонялись» по всем изданиям, которые хотели опубликовать наши высказывания. Страны и города менялись в таком же темпе.

Утром — интервью на радио во Франции, днем — выступление в Бельгии, а вечером вылет в Лондон. Поскольку времени было в обрез, то многочисленные чемоданы, которые мы везли с собой, так и не были разобраны. И когда требовалось что-то из вещей, мы рылись в багаже, и если не находили... то что уж тут поделаешь.

С ВИЗАЖИСТОМ ОЛЕЙ ШЕВЕЛЕВОЙ

Тогда с нами была и мой стилист Оля Шевелева. Она прошла «Евро-2006», массу концертов, да и вообще много всего. Когда бывало особенно трудно, наваливались какие-то неприятности, от нее всегда ощущалась моральная поддержка. Оля была для меня фактически членом семьи. Но этот тур ее изрядно подкосил. Мы узнали, что Ольга больна раком. После этого бешеного темпа, отсутствия возможности остановиться, отдышаться, она так и не смогла прийти в себя, стала угасать. Через год ее не стало...

Но пока до этого потрясшего меня события было еще далеко. В Германии нас приняли особенно радушно, чему поспособствовал один из руководителей представительства «Universal Music» Вольфганг Босс, наш давний и хороший друг. Босс — один из создателей лягушки Крейзи Фрог, наделавшей много шума и принесшей ему мировую славу. Под его руководством «Universal» выпустил сингл «Believe» специально для Германии и Швеции. Во время тура Вольфганг организовал нам интервью в самом крупном телешоу Германии «Wetten, das...?»[13]

На шоу немцы захотели воссоздать атмосферу «Евровидения».

Они соорудили сцену посреди студии и собрали на ней хороший искусственный лед. Только вот Женя Плющенко так и не смог вырваться из Москвы. Но чтобы номер выглядел совсем как на конкурсе, германская сторона пригласила своего фигуриста, который с немецкой добросовестностью отработал положенные па.

Вообще-то этого шоу не было в нашем гастрольном списке. Но Вольфганг прислал за нами частный самолет в Ирландию где, мы в тот момент находились. В итоге мы посетили его сверх этого сумасшедшего графика. Неплохо для выжатых как лимон марафонцев, не правда ли?..

А по дороге в Лондон с нами произошла традиционная гастрольная жуть. В этот раз она приняла поистине пугающий облик.

Маленький легкий самолет, который дал нам Вольфганг, вмещал до восьми человек. Гуда втиснулись только я, Эдвин, Дэннис Инглсби, который присоединился к нам уже в Ирландии, Саша Титянко и охранник. Ребята с MTV к нам не попали. И очень жаль, потому что они пропустили действительно убойные кадры.

ЖЕЛАННАЯ ПОБЕДА НА ЕВРОВИДЕНИИ-2008

Над Ла-Маншем нас постоянно трясло, и это было неописуемо страшно: под крылом километры воды, а до берега еще очень далеко...

— Дэннис, — толкнул я под руку своего соседа по креслу. — Как ты считаешь, мы долетим?

— Надеюсь на это, — процедил Инглсби сквозь зубы. Он сидел, вцепившись в подлокотники побелевшими руками.

Саша молча сжалась в комок на своем месте. Она смотрела в иллюминатор, никак не реагируя на реплики других пассажиров.

Прошла значительная часть вечности, и внизу показалась земля. Но самое серьезное испытание нашему маленькому самолету еще только предстояло. И оно вполне могло закончиться гибелью и машины, и людей.

Лондон встретил нас густым туманом и моросящим дождем. В тот день, как назло, туман был настолько плотным, что объявили нелетную погоду. А нам обязательно нужно было сесть в аэропорту. Переговариваясь с наземной службой, которая координировала посадку, пилот то и дело пытался зайти на полосу, но тщетно. Видимость была нулевой, а топливо заканчивалось.

— Что будем делать? — кричал я в ухо пилоту, добравшись до его кресла.

— Сейчас попытаемся сесть! — орал в ответ пилот, который, несмотря на профессиональное хладнокровие, тоже был заметно напуган. — Я не знаю, что будет! Но горючего осталось на полчаса полета!..

— О, Господи... — громко сказал Эдвин. Он сидел в дальнем кресле и из-за шума двигателя не слышал нашего разговора. Но и так все прекрасно понял.

Я плюхнулся на свое место, чувствуя, как-меня колотит от прилива адреналина. Страха как такового уже не было. Сейчас я думаю, что каждый человек подсознательно чувствует, насколько фатальны те или иные события. Потому я уже тогда знал, что этот день не станет последним днем моей жизни. Мог бы, но не станет. Я вдруг отчетливо вспомнил, что точно так же встречала меня Москва, когда я впервые прилетел туда на конкурс...

— Сейчас сделаем еще один круг и попробуем приземлиться! — крикнул пилот, и самолет стал заходить на очередной виток над аэропортом.

Наконец земля ударила шасси снизу, самолет коснулся поверхности и снова взлетел! Мы неслись в неизвестном направлении — туман не позволял разглядеть пространство

перед фонарем. Скорость постепенно снижалась... Все, вроде бы сели.

Минут через пятнадцать нас разыскала наземная служба лондонского аэропорта. Нам подали трап.

— У меня голова кружится... — тихо сказала Саша, еле поднимаясь с кресла и с трудом пробираясь к выходу.

Я подал ей руку, и мы гуськом выбрались наружу. Оказалось, что самолет сошел с посадочной полосы. Он стоял в нескольких метрах от ограждения...

Черт возьми, действительно жаль, что с нами не было MTV-Россия! Это следовало заснять.

Бывали и более мелкие неприятности. Вроде той, что случилось, когда меня пригласили членом жюри на конкурс «Пять звезд» в Сочи в 2006 году. Проведя весь день у моря, я так обгорел, что ни о каком судействе, не говоря уже о выступлении, не могло быть и речи. Красный как рак! Все тело горит, начала повышаться температура. Но (!) я справился и с этой задачей. Быстренько намазался специальными средствами Clarins и уже через несколько часов был, как говорится, «в форме». Да и вообще средствами этой фирмы я пользуюсь постоянно.

***

Не могу не рассказать и о Нелли Фуртадо, а также о нашем с ней планируемом дуэте. С ней у нас установилось что-то вроде приятельских отношений.

Интересный эпизод произошел в конце 2007 года В Мюнхене, на одной из закрытых вечеринок MTV Поскольку меня каждый год номинировали и награждали как лучшего российского артиста, нас каждый год приглашали, и мы всякий раз знакомились с новыми любопытными персонами.

На вечеринку Нелли Фуртадо пришла со своим женихом Дечио Кастеллоном, талантливым звукорежиссером из команды Тимбалэнда. Прибыл и сам Тимбалэнд. Мы в то время уже сотрудничали. Кстати, началась эта вечеринка с «блестящего» эпизода, я каким-то образом сразу по прибытии случайно сбил поднос с бокалами и бутылками!

С НЕЛЛИ ФУРТАДО

Переговоры о дуэте тогда были в самом разгаре, а Нелли специально для нас двоих сочинила новую песню — и слова, и музыку. Записала демо и привезла его прямо на церемонию.

Но видимо, после инцидента на вечеринке что-то в мировой гармонии сдвинулось, и наш совместный проект так и не состоялся.

Мы прекрасно общались, обсуждали детали совместного выступления. Нелли была очень воодушевлена, она сыпала комплиментами и остротами. Я тоже был в приподнятом настроении и в каком-то порыве снял с себя крестик и подарил Нелли. Знал, что Фуртадо очень религиозна, и преподнес этот подарок как талисман — знак искренней дружбы и признания ее таланта.

— Боже, это мне? — изумилась Нелли. — Большое спасибо!

Мне даже удалось экспромтом подобрать слова, которые как нельзя лучше соответствовали торжественности момента:

— По старой русской традиции прошу принять подарок от всего сердца! — произнес я и под аплодисменты собравшихся застегнул цепочку с крестиком у нее на шее.

Через несколько минут Дечио, отвлекшийся было на кого-то из гостей, вернулся к возлюбленной — и я понял, что совершил ошибку. Кастеллон сразу увидел на шее у своей невесты крестик неизвестного происхождения.

— Что это? — холодно поинтересовался Дечио.

— Это подарок русских гостей, — радостно сообщила Нелли. — Правда, красиво?

— О, хорошо, здорово, — грозно сказал ревнивый мачо.— Только почему этот русский парень дарит тебе такие украшения? Это неприлично!

Я осознал свою оплошность. На Западе не принято дарить столь ценные вещи почти посторонним людям. Это компрометирует, намекает на какие-то особые отношения. Поэтому мой подарок выглядел двусмысленно. Но я действительно не хотел сказать этим ничего скабрезного, в чем и поспешил заверить Дечио, гнев которого нужно было просто видеть.

— Поймите, дарить дорогие подарки — русская традиция! — горячо уверял я. — А Нелли и вовсе заслуживает гораздо большего! Не думайте ничего плохого, просто примите это от всей российской делегации! Я прошу вас!

С большим трудом мне удалось убедить Кастеллона в искренности моих слов. Он постепенно успокоился и продолжил общение с нами как ни в чем не бывало. Но — осадок остался. Я понял, что наше общение будет ограничено некоторыми рамками, за которые мне не позволят переступить. А я до этого и не знал, что ее менеджер является еще и бойфрендом.

Но переговоры продолжались. Нелли планировала дать концерт в рамках своего турне летом 2008 года — в Москве, в «Олимпийском». Песня, которую она сочинила, называлась «Can You Get To Heaven». Я записал ее в Нью-Йорке, а исполнить должны были на московском концерте.

Однако за день до него произошел форс-мажор — в Польше Фуртадо настиг сильный ураган, из-за которого Нелли не смогла приехать в Москву вовремя. Ни отрепетировать, ни настроиться... Звонили ее менеджеры, извинялись за накладку и сообщали, что, дескать, времени осталось только на то, чтобы подготовиться непосредственно к концерту. Саундчека не будет, а без него не будет и нашей песни.

В итоге я фигурировал на концерте Фуртадо в роли почетного гостя. Это же было указано и на афишах во время рекламной кампании. И пока она готовилась к выступлению, которое задерживалось, я исполнил несколько своих песен. После чего поприветствовал Нелли на сцене — она едва успела подготовиться, не говоря уж о том, чтобы отдохнуть перед концертом.

Но помимо всех этих накладок случилось нечто совсем из ряда вон! Во время всего концерта за кулисами находился один рэпер. Он, оказывается, тоже собирался спеть с Фуртадо, хотя она, видимо, об этом и не догадывалась. Во время одной из песен Нелли он попытался выйти на сцену. Мои сотрудники стали его

останавливать, однако люди со стороны нашего рэпера активно этому препятствовали. В общем, начиналась, скажем так, небольшая потасовка. Бедная Нелли Фуртадо, увидев со сцены весь этот кошмар, еще больше растерялась, а потом и вообще закончила выступление.

Прощались мы тоже впопыхах.

— Извини, так получилось, — сказала она. — Но, даст бог, еще что-нибудь споем.

Мне было немного досадно, но лично на нее я не обижался. И еще: по-моему, Дечио все-таки продолжал ревновать. И если бы не то происшествие в Польше, нашлась бы тысяча причин, чтобы наш дуэт с Нелли не состоялся. Но наверное, это тоже к лучшему. Уж я-то знаю, насколько хрупким порой бывает личное счастье звезд...

Глава 27
ЗВЕЗДНЫЙ КУПОЛ, ТОНКИЙ ЛЕД

Я принимаю этот вызов! — Тренировки, концерты, тренировки • Наши трюки на льду • Уитни Хьюстон, я и Лена Бережная под куполом «Лужников»… без страховки! — «Небольшая травма» и номер на костылях

После «Евровидения», наверное, не было большей интриги, чем приглашение на шоу «Звездный лед», которое поступило мне летом того же года. Я долго не соглашался, но... В последний раз я катался в детстве, в Нальчике. С тех пор на коньках я не стоял, а на «Звездном льду» необходимо было не просто кататься, но и

исполнять различные трюки...

Я взялся за это дело, что называется, с молодецким задором. Решил для себя: пусть это будет своеобразным вызовом судьбы. Мне ведь предстояло за несколько месяцев освоить мастерство фигурного катания до такой степени, чтобы победить в шоу. Иначе зачем участвовать?..

Елена Бережная — могу сказать много теплых слов в адрес этой милейшей девушки — оказалась прекрасной учительницей. Уже через пару занятий я не просто стоял на коньках, но и мог исполнять некоторые элементы фигурного катания: подсечки, перекидные, ласточку.

Тренировки дважды в день...

Как я все успевал? До сих пор не понимаю. Правда, несколько раз я опаздывал на репетиции — и Лена прилежно дожидалась меня, одиноко кружа по катку. Но, приезжая, я старательно разучивал все фигуры номера, придумывал сюжеты для очередных шоу и готов был до бесконечности отрабатывать нужные движения. Хорошо, что я живу недалеко от съемочной площадки — я успевал заехать домой, переодеться, поесть и вернуться. Иногда, когда съемки заканчивались в 2 — 3 часа ночи, а с утра все равно нужно было возвращаться на каток, я оставался ночевать в своей гримерке — так быстрее и удобнее.

Накатавшись и намахавшись руками, по вечерам я отправлялся на концерты — и там тоже умудрялся «зажигать», прыгая, бегая по сцене и заводя публику. Казалось, что после «Евровидения-2008» мне не страшны никакие нагрузки.. Но «Звездный лед» в этом смысле превзошел все ожидания, поскольку пришлось длительное время работать на износ — без перерывов, выходных и скидок на плохое настроение.

Лена, надо отдать ей должное, была готова следовать за мной везде, как «жена декабриста», ловя мой график и пытаясь вклиниться всякий раз, когда у меня находилось окно в расписании. Мы стали частыми гостями на городских катках, куда Лена безропотно выезжала по звонку — я называл ей время и место, она срывалась и ехала на тренировку. Мастерски лавируя среди отдыхающих, мы пытались репетировать сложные поддержки и профессиональные элементы, а это еще та картина. Самое главное в таких выездах было — никого не сбить и самим не разбиться, поскольку скорость движения колоссальная, а городской каток по качеству льда конечно же уступает спортивным комплексам.

Если я выезжал на длительные гастроли, Лена ехала за мной и туда. Вот так мы репетировали и в Германии, и в арабских Эмиратах — везде, куда меня заносила моя концертная

деятельность.

Каждое выступление на программе «Звездный лед» требовало нового танца, нового зажигательного шоу. Судьи во главе с несравненной Еленой Чайковской были к нам весьма строги. Я сразу попал в любимчики как начинающий фигурист, поэтому мне и доставалось больше всех. Знаете этот тренерский феномен? Если на спортсмена обращают внимание и считают перспективным, ему делают больше замечаний. Я, видимо, особенно полюбился тренерской группе, потому что в мой адрес постоянно поступали какие-то поправки, замечания, нарекания, едкие подколки... и редко — похвалы. Но каким же исключительным счастьем было видеть торжество в глазах Чайковской, а на табло — заветные «6.0»! В этот момент я чувствовал себя так, будто участвую, ни больше ни меньше, в чемпионате мира.

Поначалу я периодически спотыкался во время исполнения наших номеров, но чем дольше мы тренировались, тем меньше возникало подобных ошибок. Я почувствовал себя в своей стихии, вошел во вкус — мне нравилось осваивать техники и придумывать что-то новое, необычное и захватывающее. Я подбирал музыку, изобретал костюмы и сюжеты выступлений, а потом мы с Леной самозабвенно обсуждали каждый фрагмент и измышляли небанальные ходы. Выходя на лед, мы разыгрывали шоу с пиротехникой, изображали космонавтов, прыгали, танцевали... Перечислять здесь все наши придумки нет смысла — все это можно найти в видеоархивах. Апогеем нашей страсти к экспериментам стал довольно рискованный трюк, который мы с Леной поставили на песню Уитни Хьюстон «I have nothing».

Уитни Хьюстон, как вы могли заметить, для меня особенная певица. Это тот кумир, на записях которого я вырос и чей голос, по моему мнению, является одним из лучших в мире. Песня, которую я выбрал для номера, конечно же о любви.

Don't make me close one more door,
I don't wanna hurt anymore.
Stay in my arms if you dare,
Or must I imagine you there.[14]

И вот на словах «stay in my arms» — «останься в моих руках» — я должен был взять Лену за руки и поднять ее над катком на высоту двухэтажного дома. И еще в нескольких местах песни мы собирались выполнить головокружительные кульбиты под куполом — все это без страховки. Я удивляюсь, как Лена согласилась на подобную аферу — она ведь женщина, тем более

она в то время была матерью одного чудного малыша и, как оказалось, беременной вторым! Видимо, у спортсменов в крови эта тяга бесконечно испытывать судьбу.

Репетировали мы долго. Для меня приготовили канат, который крепился в области паха — кошмар, до чего неудобно! — и который в нужный момент поднимал меня над катком. Мне следовало зависнуть под куполом и, сохраняя равновесие, выполнять разнообразные трюки. На высоте я делал подобие ласточки, разворачивался, затем опускался, подхватывал Лену и, удерживая ее, выполнял еще несколько элементов.

Во всех предыдущих трюках и я держал Лену, и Лена сама за меня держалась. Но здесь получалось, что я — единственный, кто мог контролировать ситуацию, крепко стиснув руки партнерши. Ее безопасность зависела лишь от меня. А страховки, как вы помните, не было вовсе.

В день выступления мы вместе — я и Лена — сходили в храм поставить свечку Николаю Угоднику. Нам почему-то показалось, что так будет вернее. Причем мы об этом практически не сговаривались — поняли друг друга с пары слов. Молча вернулись обратно, переоделись и так же молча, ни с кем не переговариваясь, в назначенном порядке вышли на лед.

...Когда я схватил Лену за руки и потащил наверх, зал затаил дыхание. Вращаясь, мы пролетели несколько тактов. Я смотрел вниз на Лену и видел, как напряжено ее бледное лицо, как она старается при этом улыбаться — и улыбался в ответ, считая секунды до того момента, когда канат снова начнет движение вниз, к катку. Когда мы, наконец, приземлились, в зале раздались аплодисменты и крики «бис!».

— Если они не поставят нам по шестерке, я вообще не знаю, что еще нужно делать! — на ходу крикнула мне Лена, когда мы снова принялись скользить по льду, заканчивая выступление...

Забавных моментов на Звездном льду» было превеликое множество. Но были и не очень забавные, благодаря которым я мог в полной мере оценить жизнестойкость спортсменов. Ибо они выходили на лед и выступали, несмотря на травмы. В какой-то момент я хорошо понял Женю Плющенко, который не однажды катал свои шоу с перебитыми ногами, и умудрялся при этом демонстрировать высший уровень мастерства.

Поскольку я никогда в жизни ничего себе не ломал и нё растягивал, я почти не боялся таких травм. Падали мы с Леной постоянно. Обнаружив такое дело, Лена специально выделила одно занятие, чтобы научить меня правильно падать, сгруппировавшись особым образом. Не на спину, а вперед, на руки. Однако по иронии судьбы травму я получил вовсе не на

катке, а на собственном концерте в Лондоне, когда прыгнул и неловко приземлился, сильно подвернув ногу. В итоге полконцерта пел, сидя на стуле.

Я приехал на выступление в полной прострации.

— Ребята, я ногу подвернул, что делать? — обратился я к Яне с Женей, которые, кстати, были нашими с Леной соперниками на шоу.

— Обычно в таких случаях мне вкалывают обезболивающее, — сказал Женя. — Решай сам, будешь ли ты кататься. Докатаешь номер, потом пойдешь лечиться...

Врачам в медчасти было не в диковинку реанимировать спортсменов. Поэтому мне спокойно сделали два укола какой-то местной анестезии, после чего ногу я перестал чувствовать совсем.

Покатавшись часа два и оценив все неудобства положения, я понял, что хорошо выступить не получится. Просто потому, что я вовсе не профессиональный фигурист. Привыкнуть к бесчувственной ноге было сложно, а кататься стало ощутимо труднее. Я то и дело спотыкался и норовил упасть в изящные руки Лены. А о том, чтобы откатать программу целиком, не было и речи. А мы с Леной как раз должны были исполнять номер на композицию из «Юноны и Авось»...

— Дима, не рискуй, потом с ногой может быть еще хуже, — участливо предложила Лена. — Нас снимут с программы, долечишься, потом вернешься...

— Ну, уж нет! — возразил я со свойственным мне упрямством. — Шоу должно состояться!

В тот вечер мы сумели достойно выйти из положения: я прискакал на каток на костылях, остановился в центре и стал петь песню «Killing me softly», а Лена исполняла вокруг меня соло. Под конец Лениного выступления я таки не устоял и на одном коньке выпрыгнул к партнерше, проехавшись ласточкой метров эдак семь. Лена, увидев такой кульбит, поспешила меня подхватить, а публика при этом ревела от восторга, хохотала и хлопала в ладоши. Номер, конечно, не был засчитан как конкурсный, но, по крайней мере, зрители получили впечатления, а нас с Леной перевели на следующий тур. Да и восторженные болельщики этот выкат оценили — зрители кричали, аплодировали и бросали нам с Леной на лед игрушки. За волю к победе.

Тем не менее день закончился, а нога продолжала болеть. Осмотрев меня, врач покачал головой и рекомендовал соблюдать постельный режим *«хотя бы недельку»*. Но разве я похож на человека, который может целую неделю сидеть дома? А ведь на следующий день — новая репетиция! И, на минуточку, у меня

плотный гастрольный график, который ни отменить, ни перенести... Словом, мой образ жизни заболеваний не предусматривает, и я не знаю, что было бы, если бы травма оказалась более серьезной.

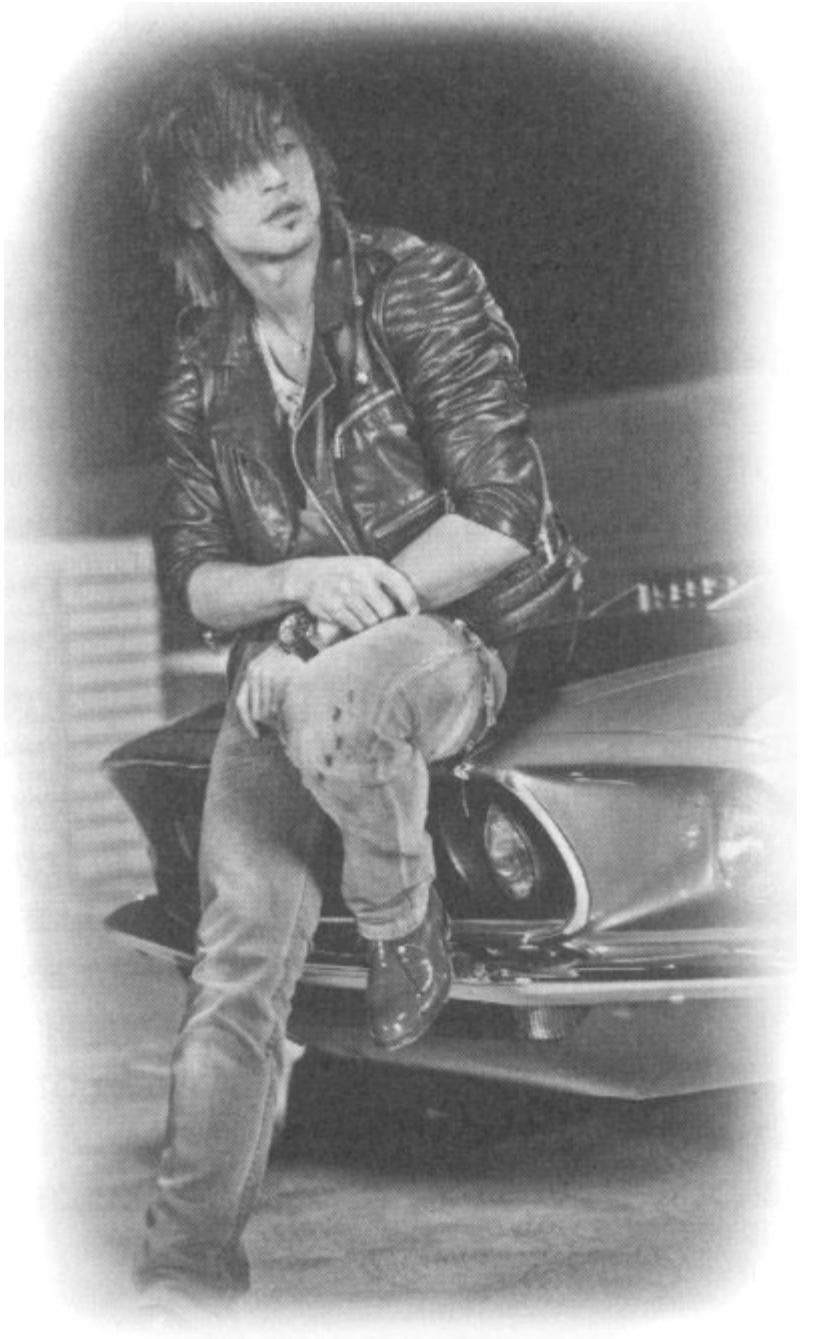
До самого конца «Звездного льда» мне пришлось глотать обезболивающие. В голове стоял плотный туман, я постоянно хотел спать. Сосредоточиться на разучивании новых схем было почти нереально. Все свободное время я предпочитал отсыпаться, все меньше появляясь на публике. Отчего, видимо, и пошли гулять смачные слухи: дескать, Билан болен чем-то совсем нехорошим... Нога тем временем заживала очень медленно. Она саднила еще месяца два после травмы. Одна радость — это хорошая партнерша, которая помогала мне во всем, в том числе и собираться с мыслями. А второе место, которое я завоевал на «Звездном льду» несмотря на все мои «технические неувязки»,— неплохая награда за усердие. Я даже не знаю, что было бы, если бы мне не пришлось ковылять на больной ноге — может быть, и первое место бы взяли. Но история, как известно, не терпит сослагательного наклонения.

Лена Ленина, писательница:

Я встречалась с кумиром молодежи целого ряда восточноевропейских стран в одиннадцать вечера, когда я уже почти вывихнула челюсть от нескончаемых зевков. Он только что сошел с трапа самолета и успел лишь заскочить на тренировку. Даже если бы об этом меня не предупредили, я бы догадалась и сама по мокрому Димочкиному костюму. После того как мы с ним поболтаем, энергичный Димочка немного поспит и через несколько часов снова вылетит покорять очередную заграницу. Как я ни торопилась, все-таки опоздала на две минуты. Димочка был уже на месте. И теперь я знаю, почему он добился успеха. Он много работает и всегда выполняет свои обязательства. Похоже, чудес не бывает, и бездельники остаются на обочине закономерно. Пью чай. Димочка пьет яблочный сок. Не могу называть его иначе, чем Димочка, настолько он меня радует. Профессионализмом, умными мыслями и высокой работоспособностью. Умница!

Глава 28
МОСКВА-2009

Сон с ангелом-хранителем • Законная гордость победителя и кукиш для паникеров • «Не стоит делить Димину победу» • Размах российского конкурса • 150 тонн оборудования и столько же креатива • Как мы с Яной мистифицировали публику • Моя новая постановка • Следующий победитель

Предыдущие годы дались мне нелегко. Бесконечная гонка за успехом — и ни малейшей возможности остановиться и перевести дух, оценить и понять прожитое.

Но и достигнуто было немало. Пусть Россия уже видала у себя в гостях бесчисленное количество знаменитостей и

международных мероприятий, но «Евровидение» — это нечто особенное. Этому конкурсу больше пятидесяти лет — и ни разу за эти десятилетия шоу не проводилось в России. Я горд, что смог привезти это грандиозное действо в Москву.

Знаю, кто-то из скептиков намекал на то, что, дескать, у нас кризис, и не о концертах людям нужно думать, а о том, на что и как жить... Во-первых, в войну паникеров расстреливали. Потому что это заразно. А во-вторых, во время социальных потрясений людям нужен не просто праздник, а мероприятие именно такого уровня, как «Евровидение». Ибо оно способно заметно поднять боевой дух и укрепить веру в свое отечество.

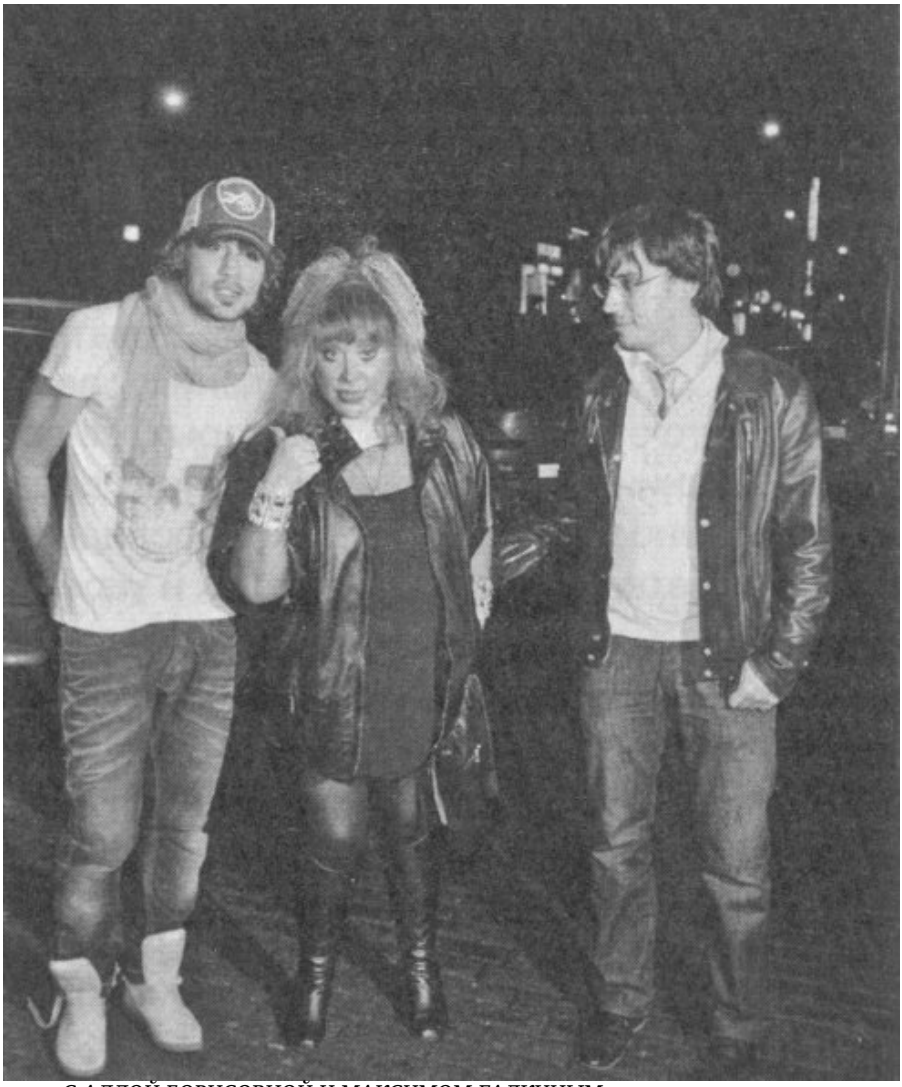
Чувства, которые испытывают к России европейские страны, понятны уже по составу гостей. В частности, выступать от Франции вызвалась непревзойденная Патриция Каас — звезда не малой величины...

...За полвека существования «Евровидение» видоизменилось, но желание провести его в России с годами лишь возрастало. И до меня оно оставалось невоплощенным... Лично мне это дает удивительное чувство — сознание того, что я оставил заметный след в истории своей родины. Культурными методами повлиял на политическую обстановку.

Этот факт отражен в Золотой летописи России, чем я опять же несказанно горд.

Не устаю повторять, что для победы в Белграде и, в конечном итоге, для того, чтобы «Евровидение» состоялось в Москве, нам пришлось действовать всей дружной командой. Я, Женя Плющенко, Эдвин Мартон, Яна Рудковская... и со мной рядом были мои старые друзья — Катя и Юля. Понятно, что без такой мощной поддержки ничего бы не было, но все же...

— Это Димина победа, и делить ее не стоит, — сказала Алла Борисовна Пугачева, и я запомнил ее слова.

С АЛЛОЙ БОРИСОВНОЙ И МАКСИМОМ ГАЛКИНЫМ

***

Для организации «Евровидения-2009» Россия выделила в общей сумме около 40 миллионов долларов. Это почти вдвое перекрывает прежний рекорд по средствам, отпущенным на конкурс принимающей стороной.

В связи с чем я регулярно читал в Интернете комментарии журналистов, в массе сводившиеся к тому, что это настоящий пир во время чумы. А я, естественно, и был тем козлом отпущения, который повинен в таком расточительстве, потому что в сей неурочный час привез на родину такой дорогой конкурс,

тем самым урезав россиянам зарплаты и пенсии. Вернее, не урезав, а не дав повысить. При грубом подсчете получается 30 центов на брата; Тоже ведь деньги...

я могу позволить себе иронию, потому что абсолютно уверен в главном: проведение «Евровидения» в России окупило все затраты, какими бы разорительными они ни казались. В связи с этим событием к нам потянулись видные политики, бизнесмены, туристы, в конце концов. Конкурс добавил нам очков на политической арене. В масштабах огромной державы это стоит на несколько порядков дороже выделенных миллионов. Все, проехали, переходим к частностям.

«Евровидение-2009» было организовано с невероятным размахом.

В финансировании шоу принял участие Европейский вещательный союз, ассигновав на организацию 5 миллионов франков. Правительство России выделило 1 миллиард рублей, а правительство Москвы — 200 миллионов дополнительно. Остальные расходы взял на себя Первый канал, который и являлся организатором «Евровидения-2009».

Были привлечены первоклассные специалисты со всего мира. Российским устроителям действительно очень хотелось, чтобы шоу в Москве было первым, лучшим, невиданным — во всем!

И в этом смысле мы преуспели. Нью-Йоркский дизайнер Джон Кейси, вдохновленный, по его словам, российским авангардом, придумал огромную сцену общей площадью более полутора тысяч квадратных метров. Монтаж исполинских подмостков занял почти 40 дней — это при том, что около трех тысяч человек собирали ее круглые сутки, работая сменами по 12 часов!

Крыша «Олимпийского», где проводили «Евровидение», с трудом выдерживала 150 тонн оборудования, которое на нее водрузили для обеспечения всех предусмотренных функций и спецэффектов. Чтобы гарантировать безопасность людей и сохранить здание в целости, привлекли инженеров из НИИ комплексных строительных конструкций имени Кучеренко. Тщательно рассчитав устойчивость всех сооружений, те обратились за помощью к одному из конструкторов спорткомплекса «Олимпийский». В общем, проверили здание не на страх, а на совесть.

Художником по свету был англичанин Эл Гардон, сумевший организовать одновременную работу 1800 световых приборов. Графическими изображениями дирижировал наш режиссер-постановщик Андрей Болтенко. А звукорежиссурой заведовал знаменитый Клаус Рае, когда-то работавший с группой «Modern

Talking».

Но одной из самых диковинных идей стали три огромных прозрачных бассейна с водой — и девушками в воде. С потолка емкости спускались прямо в зрительный зал. Это было придумано продюсерами Первого канала и выглядело более чем оригинально.

***

Мне предстояло открывать «Евровидение-2009» и затем передавать эстафету победителю нового конкурса. В связи с этим подготовка к московскому шоу была для меня особенно волнительна.

Хотелось, чтобы мой номер был символичным и запоминающимся. Я вспомнил свой сон и решил по-новому обыграть песню «Believe». Мы с Яной сделали новую аранжировку и придумали альтернативный номер специально для «Олимпийского».

До самого начала конкурса содержание номера держалось в строжайшем секрете, хотя меня постоянно допрашивали журналисты, и им нужно было что-то отвечать. Мы с Я ной отшучивались.

— Я думаю, что самый большой бюджет будет потрачен именно на наш номер. Пока мы не можем ничего открыть. Но если подтвердится участие Жени Плющенко и Эдвина Мартона, то будет залит искусственный лед, — доверительно рассказала Яна «Комсомольской правде».

— А я, быть может, надену коньки! — вторил я в той же шуточной манере.

Действительно, будущий номер у всех ассоциировался с ледовым выступлением Жени и скрипкой Эдвина (вернее со скрипкой Страдивари в руках Эдвина). Поэтому многие спрашивали у меня, примут ли мои друзья участие в новой постановке. Яна не отрицала такую возможность, но...

Но наше коварство состояло в том, что мы собирались сломать стереотип и преподнести публике нечто непредвиденное.

Новая постановка «Believe» в символичной форме передала мою творческую биографию — от приезда в Москву до победы на «Евровидении-2008». Поскольку само понятие веры подразумевало нечто «на небесах», часть действия была перенесена под купол «Олимпийского», где мы разыграли сразу несколько сюжетов.

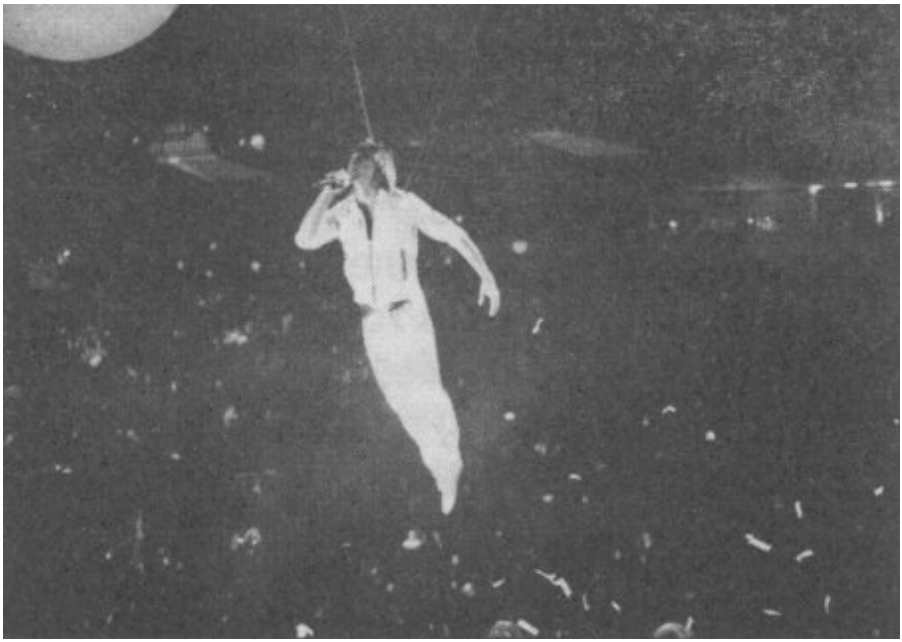
Я опустился на сцену под пленительные звуки скрипки. С

чемоданчиком в руках и в тоненьком плащике. Внизу меня встретили очаровательные девушки — группа поддержки. И вот — начался мой путь, полный препятствий. Сбросив плащ я рванул к своей цели, прошибая собой стены преград... Конечно, мне было бы не выжить без ангела-хранителя. И этот мой неизменный спутник летал рядом со мной под куполом «Олимпийского», протягивая мне руку помощи. Добежав до ярко освещенной сцены, окруженный друзьями, я пел песню, которая сделала меня подлинным триумфатором...

Давным-давно я принял на себя это обещание: *«Прославлю я тебя, Москва»*... Что ж, я стоял на сцене, понимая, что мной была взята очень важная высота; и пока еще непонятно, что будет дальше, но все определенно будет по-новому.

...Когда я с наградой «Евровидения» вышел приветствовать нового победителя Сашу Рыбака, меня обуревали смешанные чувства. Хотелось одновременно смеяться и плакать; и это — на фоне тихой грусти от того, что все закончилось. Но в то же время я был рад, что победителем конкурса в Москве стал наш бывший соотечественник — талантливый парень и при этом уроженец союзной республики. Мне особенно радостно, что после этого шоу Саша написал много песен для российской эстрады — на русском.

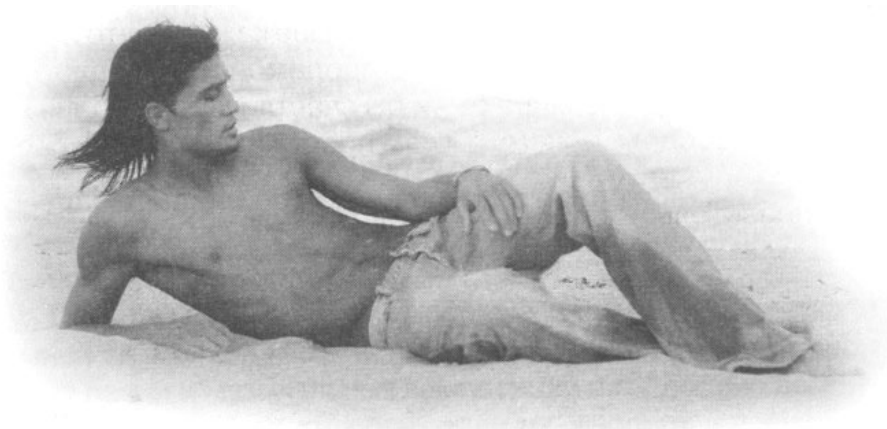
Все-таки Россия — великая страна, а мы, россияне, почему-то порой об этом забываем. Но мне кажется, что именно «Евровидение-2009» наглядно продемонстрировало, что многие государства мира были бы счастливы сотрудничать с нашим народом. Почему бы нам просто не подать им свою крепкую дружескую руку, не сетуя при этом на судьбу, погоду и правительство?

ЕВРОВИДЕНИЕ В МОСКВЕ

Глава 29
ДРУЗЬЯ МОИ, ПРИЯТЕЛИ

Лучшее, что дали мне годы студенчества • Наши любови • Друзья нужнее всего в трудные минуты • Обиды и ссоры • Работа в команде • Мост над пропастью

Студенческая дружба остается с нами на всю жизнь. Катя и Юля, мои закадычные подруги; Серега Широков, который сейчас работает на канале Россия режиссером. Мы сейчас нечасто видимся, но все же... Катя и Юля — те люди, которых я отношу к *близким.* Им можно позвонить в любое время суток, доверить все что угодно и не опасаться, что самое личное станет известно посторонним людям. С друзьями можно советоваться, спорить, ссориться, мириться — и все равно знаешь, что они твой тыл, а все остальное — просто жизнь, которая идет своим чередом.

С Юлей и Катей мы учились на одном курсе — виделись каждый день, переписывали друг у друга лекции и задания, праздновали дни рождения, вместе предавались мечтам о музыкальной карьере, делились творческими планами. На этой почве и сдружились.

Поскольку все мы были молодые, зеленые и не держали камней за пазухой (кстати, не держим и сейчас), то все свои новые песни и музыкальные композиции с гордостью демонстрировали друг другу, обсуждали их, вносили изменения. Тогда мы быстро поняли, что для оценки результатов совершенно

неважно, есть ли у человека музыкальное образование. Музыка — это один из универсальных языков искусства, и основным ее критерием является очень простое, субъективное «нравится — не нравится». Если твоим друзьям или сокурсникам что-то с ходу понравилось, вдруг эта песня станет хитом?..

А еще у каждого из нас была своя любовь. У Кати была любовь, у Юли любовь, у Сереги тоже, у меня... И это особенная, отдельная тема. С кем, как ни с друзьями, можно поделиться своими переживаниями. Раз, когда Катя, сокрушенная личными неурядицами, сидела и рыдала у меня в комнате в общаге, а кто-то попытался подшутить над чужой бедой, шутнику пришлось покинуть здание — кувырком по лестнице. А потом прийти и извиниться.

Точно так же, как Ляля, бывало, плакалась Лене во время наших с ней ссор, я набирал телефон Юли или Кати и в очередной раз просил выслушать мою сбивчивую речь, потому что переполнявшими меня эмоциями нужно было обязательно поделиться. Если бы не мои друзья, я бы давно взорвался, как перегретый паровой котел.

Любовь была для всех нас чрезвычайно серьезным делом. Хотя я и был занят преимущественно работой, но если друзьям или любимой требовалась срочная помощь, мог сорваться и приехать, наплевав на репетиции. Исключение составляли только концерты, поскольку они касались большого количества людей.

Были в нашей жизни и минуты трагедий.

Мы созванивались почти каждый день. Однажды я набрал Катин номер и услышал, что она говорит со мной каким-то неестественным голосом. Что-то происходило. В моей жизни в этот момент была круговерть — умер Юрий Шмильевич, а я ехал к адвокатам по делу о «СтарПро».

— Катя, ты в порядке? — спросил я, прекрасно зная, что нет.

— Нет... — эхом ответила она.

Наскоро собравшись и отменив встречу, я рванул к ней домой, по пути забежав в магазин за подарками. Приехав, обнаружил, что предчувствия-меня не обманули.

— У меня папа в больнице, — убитым голосом сообщила Катя — Спасибо, что приехал.

Мы сидели и молча пили чай — я видел, что ей не нужны разговоры. В тяжелые минуты в нашем тандеме царило молчаливое согласие — нам просто нужно было быть вместе, сидеть рядом и ощущать понимание и поддержку.

Каждый из нас — и Катя, и Юля, и я сам — мог позвонить другому среди ночи и просто сказать: «Приезжай». Срывались и ехали — даже за тридевять земель. Никто из нас не

злоупотреблял этой дружбой. И особенно ценны были моменты, когда мы могли сесть на балконе моей съемной квартиры, слушать музыку и… просто грустить.

СЧАСТЬЕ ДЛЯ МЕНЯ — ПОЛНОТА ОЩУЩЕНИЙ, КОГДА И ГРУСТЬ, И РАДОСТЬ, И ПЕСНИ, И ТИШИНА, И БЛИЗКИЕ ЛЮДИ, И ТЕ, КТО ИМИ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ, ТОСКА ПО ЛЮБВИ И ЕЕ ОБРЕТЕНИЕ — СЛОВОМ, ВСЕ НАСТРОЕНИЯ.

Это одна из сторон моей жизни — та, которую я никогда не афишировал. Да и сейчас не буду — лишь немного приоткрою для вас завесу этой тайны. Музыканты, как и все творческие люди — такой странный народ, который полон эмоций, тонко настроен и остро чувствует происходящее. В какой-то момент эти впечатления накапливаются и настоятельно требуют выхода. Я, например, в такие дни старался отменить все дела и просто сидел дома — отсыпался, встречался с друзьями, слушал музыку. Насколько это позволял плотный концертный график.

Артист не может оставаться один на один со своими мыслями. Особенно когда у него колоссальные нагрузки и безумный ритм жизни. Певец вовсе не железный человек с железными нервами, как иногда представляется со стороны. Возможны срывы и просто распри на пустом месте. Помощь близких людей в такие моменты неоценима.

Сергей Широков, режиссер на канале «Россия»:

Говорят, что слава портит человека, меняет его психику. В Диминой жизни было много стрессов и помимо славы — и смена продюсеров, и «Евровидение». Ему пришлось самостоятельно пройти через все это, но он сумел остаться все тем же Витей Беланом, которого я знал в общежитии, с которым мы вместе отстаивали очереди в душ с пакетиками и варили в одной кастрюле какой-то непонятный суп. Я прекрасно помню того человека и знаю, что таким он и остался. Он не сломался — вот, что главное. Хотя я наблюдал разные этапы в его жизни — иногда встречались, я видел, что на нем лица нет, у него трудности. Он начинал рассказывать; пять минут — и я понимал, что он все тот же. Все так же переживает происходящее всеми клеточками своего тела.

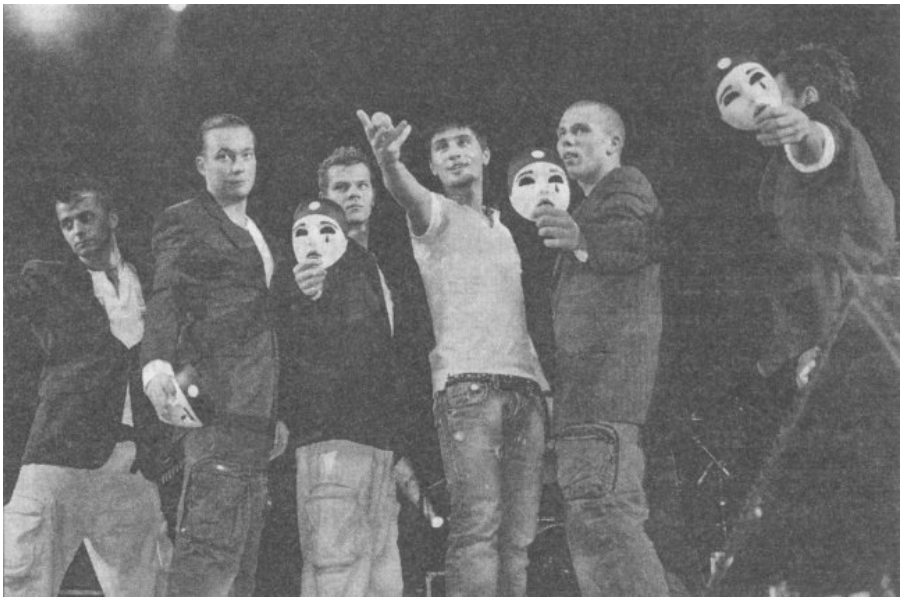
Некоторое время назад мы с друзьями встречались — и приехал Дима. Хотя он был уже человек со статусом, мы хохотали почти как в общаге, резвились как дети, чуть ли не прыгали. Он ставил свои первые песни, и мы действительно себя чувствовали так, будто только что познакомились. Наверное, во время учебы в

училище у нас был еще тот самый возраст, когда каждый только начинает понимать вкус жизни, разбираться в людях. Затем мы повзрослели, разъехались, но периодически встречаемся.

Ссорились ли мы? Да, бывало. Поводом для ссоры могло стать все, что угодно, — неверно понятое слово, накопленный стресс, усталость. Когда люди много лет дружат, причем общаются почти каждый день и в курсе многих фактов биографии друг друга, у них часто наступают моменты, когда требуется встряска. Тем более что первые, на ком срываешь гнев или усталость, — это близкие. Твоя семья, твои друзья. Для которых у тебя всегда находится обидное словцо — просто потому, что ты знаешь все их уязвимые места, как и они знают твои. Но как хорошо, что эти обиды могут быть прощены!..

В первые годы знакомства после таких вот стычек я пугался и думал: «Неужели это все?» Но поссориться насовсем — это значит, что дружбы не было и в помине. Я даже не знаю, что нужно сотворить, чтобы поставить крест на человеке и решить больше никогда с ним не общаться. Нет, друзьями не разбрасываются. После каждой ссоры в голову приходила мысль, что все эти мелочи, о которых через десять лет никто не вспомнит, не стоят того, чтобы растерять дружбу и лишиться доверия близких людей. И мы снова созванивались, снова встречались и продолжали общаться.

Поэтому, когда мы с Яной планировали «Евровидение-2008», то, я не раздумывая, позвал Юлю и Катю на бэк-вокал, чтобы в нашей команде были только свои, то есть люди, которые всей душой болеют за меня и мое — наше!— дело, вкладывают в него максимум энергетики, думают так же, как я.

ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ КОЛЛЕКТИВ

До этого я никогда не работал с друзьями...

Хорошо, что мы знали друг друга целую вечность, иначе переругались бы насмерть — до того велико было нервное напряжение и ответственность, которую мы добровольно на себя возложили.

Катя, Юля — обе горячие, бойкие на язык, всегда готовы вспылить... А это было нам категорически противопоказано в условиях подготовки к «Евровидению». Я впервые задумался над тем, что с друзьями следует быть вдвойне корректным, подбирая выражения таким образом, чтобы они не дай бог не приняли что-то на свой счет и не расстроились.

Но поводов для взрыва внутри команды было предостаточно. С одной стороны, от друзей ждешь самоотдачи, с другой — требуешь от них больше, чем от любого другого человека. Когда Катя от волнения в полуфинале один раз ошиблась, у меня внутри все перевернулось. Но я увидел ее виноватое лицо и понял, что она сама вне себя от ужаса. Просто попросил ее быть внимательнее. Однако я знал, что она и так делает свою часть номера лучше, чем кто-либо другой в аналогичной ситуации.

В конечном итоге нам все равно пришлось договориться о «рамках приличия», потому что в таких условиях довольно тяжело разделить личную жизнь и работу.

Яна Рудковская, продюсер:

После «Евровидения» все считали, что дальше должно быть еще круче. А куда круче? Каждый год от Димы ждут каких-то

мегаисторий, но это невозможно. После пика бывает спад. За это время у нас было множество новых песен, а недавно появился и новый альбом, материал для которого мы собирали два года, — «Мечтатель». Альбом был действительно выстрадан. Частично он записывался в Америке; Дима находился там как раз тогда, когда умер Майкл Джексон. Эта смерть шокировала Диму, поскольку он — один из немногих российских артистов, видевших Джексона вживую...

Я думаю, что все в Диминых руках. У каждого из нас бывают каникулы — главное, чтобы они не затягивались.

Сразу по возвращении из безумного тура в поддержку «Евровидения» (мой круг почета) мы с Катей в очередной раз поругались. Слово за слово, кто-то сказал, другой огрызнулся... В итоге мы не разговаривали целых три месяца.

Я тогда живо вспомнил эпизод из старого советского мультфильма. Не помню названия, в сознании осталась лишь картинка. Два человека по обе стороны пропасти. Один говорит другому доброе слово, которое кирпичиком ложится над пропастью, образуя маленький мостик. Другой тоже говорит что-то хорошее. Постепенно мостик из доброжелательности крепнет, оформляется, и теперь двое шагают по нему навстречу друг другу. Вдруг один произносит гадость. И тут же падают вниз несколько кирпичиков. Второй говорит в ответ нечто неприятное, и этот с трудом построенный мост очень быстро рушится, а двое вынуждены спасаться, снова разбегаясь по разным сторонам бездны. Затем один из собеседников снова «исторгает» доброе слово-кирпичик — и вот хрупкий мостик отношений начинает строиться с начала...

Главное все же — не разрушать его до конца. Потому в жизни все сложнее, и второго шанса создать отношения может не быть.

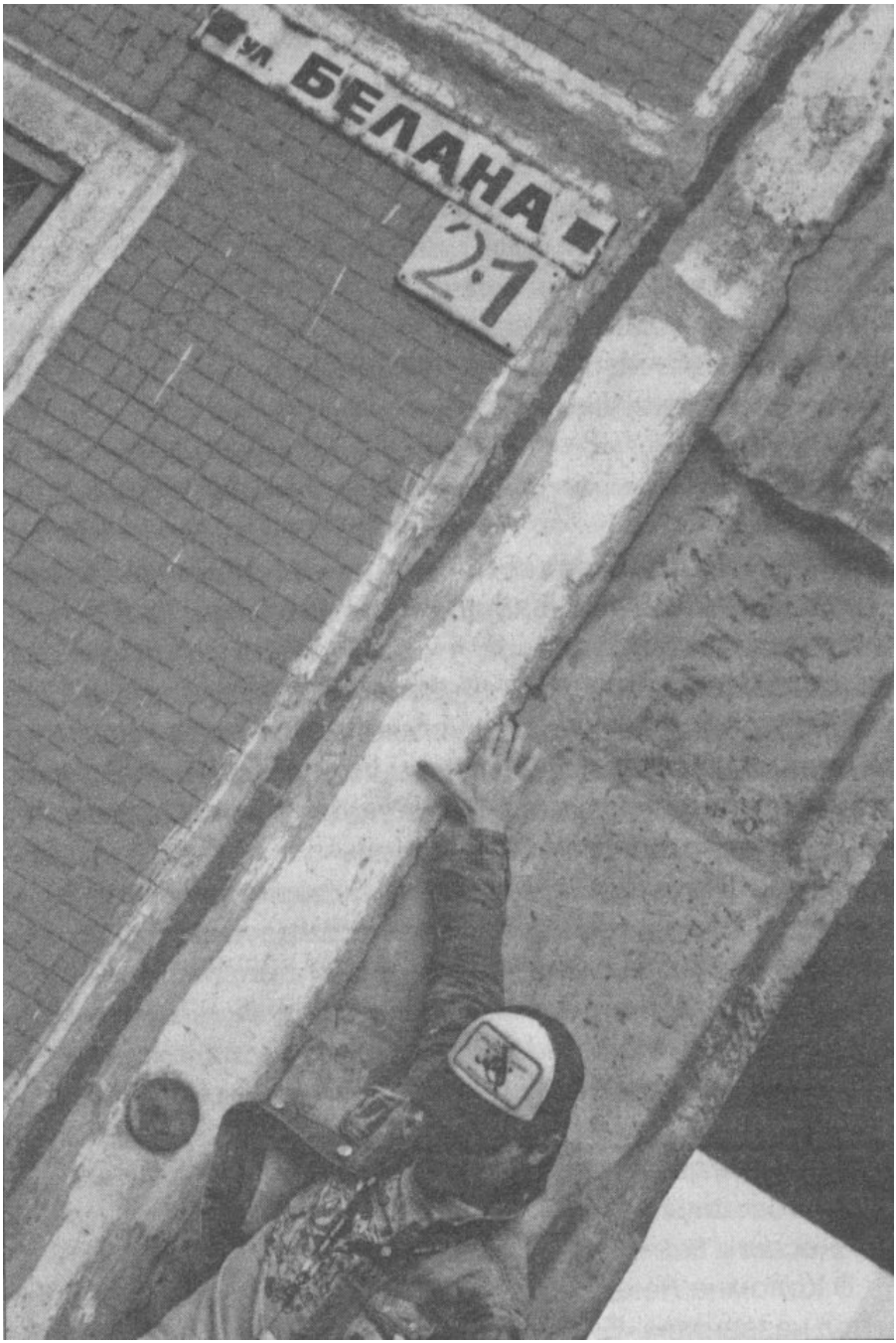
ВМЕСТО ЭПИЛОГА

По количеству ощущений преуспевающий и востребованный человек практически не отличается от обычного — разве что положительных эмоций больше. К чему я это говорю? Наверное, чтобы «закруглить» концовку. Намекнуть, что значительная часть жизни каждого человека состоит из суеты, которая проходит, оставляя лишь настоящее и главное.

В этой книге я не успел, не сумел и отчасти не захотел рассказать о многих заметных событиях даже мельком. Да это и невозможно — мне тогда нужно было бы бросить все, запереться дома и создавать двадцать-тридцать томов сочинений, в которые бы все равно не попали бы многие и многие особенности моей удивительной жизни. Важно ведь передать дух происходящего, а не останавливаться на суетных подробностях.

Впрочем, я упустил и много значимых происшествий. Например, я не рассказал, как воистину великий дизайнер Роберто Кавалли подарил мне эксклюзивную брошь с драгоценными камнями. Хотя это было нечто непередаваемое... И я даже не заикнулся о том, что стал послом будущих Олимпийских игр в Сочи, хотя это — предмет моей гордости!.. Не думайте, что события такого рода я отношу к суетным и ненастоящим, как раз наоборот.

Просто я *человек,* а потому не могу одновременно держать в уме всю свою жизнь. Я в состоянии лишь «выдергивать» из памяти события прошлого и описывать их максимально близко к тому, что я в тот момент чувствовал. Но чтобы иметь возможность действительно рассказать обо всем, нужно, чтобы в моей жизни больше ничего не происходило. Нужно остановиться — и смотреть в прошлое. А я хочу двигаться вперед.

Поэтому напоследок, вместо того чтобы продолжать кормить вас невероятными историями из жизни простого русского артиста, я еще немного расскажу о своей семье.

Мне кажется, что такое завершение этого моего труда на пару сотен страниц будет самым правильным. Меня в этом поймут все

нормальные люди.

***

Лена, моя старшая сестра, которую вы должны помнить по началу книги, уехала из дома раньше меня. Она отправилась в Санкт-Петербург, чтобы учиться на дизайнера одежды. Лена стала своеобразным первопроходцем, то есть первая сообразила: чем быстрее уедешь из отчего дома, тем лучше. Знаете, это такая поворотная точка жизни — каждый однажды должен сделать этот выбор, отпочковаться, действовать самостоятельно.

После учебы в Питере Лена переехала в Москву и некоторое время жила у меня на съемных квартирах. Занимались мы каждый собственными делами, Лена искала себе применение в жизни — и я вспоминаю это время как очень интересное. Я, например, знакомил ее со всеми своими девушками. И в целом мы очень много общались.

Лена прекрасно шьет, она недавно помогла со сценическим костюмом нашей младшей сестренке Анюте. Но вот с бизнесом у нее сначала не заладилось.

В Коломне Лена открыла магазин дизайнерской одежды под названием «Билани», куда я вложил немало средств. Нам хотелось, чтобы это было какое-то очень оригинальное предприятие — не просто привозные вещи, а собственные, авторские, не похожие ни на какие другие. Мы решили попробовать совместить креативную одежду ручной работы и отличного качества с доступными ценами. Даже организовали дефиле, где представили очень неплохую коллекцию одежды. Поначалу дело не клеилось. Но Лена не отчаивалась. Теперь дела идут в гору. Она шьет сценические костюмы для Ани и одежду для всей семьи на радость окружающим. Лена замужем за прекрасным человеком — он юрист и не раз помогал мне в различных ситуациях. Она растит дочурку Алису. Имя Алиса, кстати, я когда-то выбрал для собственной будущей дочери, но они меня опередили.

***

Младшей сестре Анюте приходится несколько сложнее, как может быть сложно человеку, у которого брат или сестра пользуются большой популярностью. Близость к звездам порой дает о себе знать весьма парадоксальным образом.

Особенно обидно бывает с поощрениями. Моя сестренка — такой же живой человек, как и все остальные, а хвалят ее меньше, поскольку приписывают ее достижения моему имени. Всем кажется, что у нее и так преуспевающий брат, который может организовать ей абсолютно все, что угодно. Но ведь каждый человек нуждается в собственных достижениях!..

Сейчас Аня закончила школу. Я несколько раз возил ее в Лондон и Нью-Йорк изучать английский. Кроме того, Аня занимается музыкой, играет на фортепиано и гитаре, учится вокалу.

С СЕСТРОЙ АНЕЙ

Проживает она в Коломне — мама настояла на том, чтобы Аня жила и воспитывалась за городом. Резонов тут два. Во-первых, безусловно, свежий воздух и хорошая экология. Во-вторых, у Ани должен быть стимул чего-то добиваться в будущем. Например, так же, как и я когда-то, приехать в Москву. Пока в планах у Ани значится академический вокал и учеба за границей.

Но самая главная Анина забота — доказывать, что она такая же, как все нормальные современные подростки. Я ее в этом полностью поддерживаю, но иногда даю и возможность пофорсить. Дело в том, что в нашей семье есть правило: не выставлять напоказ звездные регалии. Но правила правилами, а любопытство любопытством — например, вам бы хотелось, чтобы в один прекрасный день к вам во двор, в школу или на работу приехала знаменитость?..

Однажды я устроил такой парадный подъезд к Аниной школе. Подождал сестренку после уроков, пришел за ней и, держа за руку повел к машине — мне очень хотелось, чтобы все выглядело максимально красиво. Волновался я, конечно, немало, но я это сделал — а потом звонил и спрашивал, мол, что говорили? Самому было интересно и забавно.

А еще в Ане мне нравится ее откровенность и четко сформированные вкусы. Она снялась в моем ролике «По парам». И знаете что? После съемок она сказала, что ролик ей не понравился, и она жалеет, что снималась в нем. Я ужасно обиделся, но виду не подал... А ролик все-таки стал популярен.

***

У меня пока нет своих детей. Но я давным-давно помогаю другим ребятишкам.

Я неоднократно ездил с благотворительными акциями в Санкт-Петербург, в Чечню, в другие регионы России. Мне очень сложно бывать в детских домах — я смотрю на этих ребят, и у меня попросту сердце сжимается. Дети без родителей... Очень тяжело это видеть, потому что сразу начинаешь чувствовать себя виноватым: у тебя была семья и нормальное детство, а у них что? Хотя здесь не только нет твоей вины, а ты, напротив, стараешься помочь...

Особое впечатление на меня произвело общение со слабослышащими детьми. Они оказались прекрасными, удивительными ребятами, которые относятся к себе без какого-то надуманного драматизма. Я давно сотрудничаю с фондом «Ангелы надежды», который положительно отреагировал на мою поездку к ним и даже заинтересовал один из телеканалов, который сделал сюжет на эту тему.

И, к слову, благотворительные акции «Макдоналдса» — такое же безвозмездное мероприятие, как и все остальные. Мне просто хотелось посодействовать людям в их благих намерениях.

Для меня важна моя семья. Поэтому я желаю всем вам,

дорогие друзья, любви и настоящего человеческого счастья. Главное, чтобы ваши близкие люди всегда были рядом. Чтобы вы видели их глаза и слушали их души.

Я закончил книгу за пару месяцев до своего тридцатилетия. Итог? Итог! Эта рукопись создавалась долго. Урывками. В самолетах и поездах. В гримерках и в студиях. Даже за кулисами во время концертов. Каждый раз, начиная новую главу, я думал о тех, для кого я пишу. 0 тех, для кого история моей жизни, пусть неидеальная, но рассказанная искренне и от всего сердца, будет интересна и, возможно, в чем- то полезна. 0 своих близких, друзьях и поклонниках. Наконец-то я ставлю точку и говорю всем своим слушателям (а теперь уже и читателям!): «Это — для вас! Спасибо за то, что вы есть! Ваш Дима Билан».

МИНИ-АНКЕТА

Детский страх.
Темнота.

Самый хулиганский поступок в детстве.
Разобрали с друзьями старый дом по кирпичикам.

Что коллекционировал в детстве?
Марки, пластинки, спичечные коробки, вкладыши.

Главная неудача из детства.
Был спарринг по дзюдо, два раунда выиграл, третий — проиграл.

Лучший день в жизни.
Наверное, выпуск первого альбома.

Прокол на выступлении.
Неоднократно рвались джинсы.

Ток-шоу, в котором принимал участие и которое больше всего не понравилось.
Шоу «Империя» на Первом канале, так как в первый же день стал королем, а потом все остальные участники на мне отыгрались.

Любимые фильмы.
«Вокзал для двоих», «Криминальный талант», «Патриот», «Контакт», «Молчание ягнят», «Легенды осени», «Танцы с волками».

Любимая книга.
Моя:)

Любимый цвет.
Серый.

Три любимые актрисы.
Людмила Гурченко, Джоди Фостер, Мэрил Стрип.

Идеал девушки (три эпитета).

Свежесть, романтика, недоступная загадочность.

Любимые уголки на Земле.

Панама, остров Палец (3 на 3 метра), Мальдивы, озера Кабардино-Балкарии.

Любимые блюда.

Осьминоги, эчпочмак, бефстроганов, мамины голубцы.

Любимый напиток.

Природная живая вода.

Любимый десерт

Творожный пирог «Чизкейк».

Кого хотел бы завести из домашних питомцев.

Собаку…

Лучшие человеческие качества.

Желание услышать, фанатичность идее, кротость, чуткость.

Худшие человеческие качества.

Навязчивость.

Три любимых классических музыкальных произведения.

Симфония Рахманинова № 2, «Лунная соната» Бетховена, ария Иисуса Христа из мюзикла Эндрю Ллойда Вебера.

Занятие, которое лучше всего помогает расслабиться и снять напряжение.

Прогулка пешком по лесу, по листьям, по полю.

Любимая одежда.

Майки.

Любимая обувь.

Кроссовки.

Любимый головной убор.

Шляпокепка:)

Любимые поэты.

Сергей Есенин, Марина Цветаева, Иосиф Бродский, Лялины стихи.

«Сова» или «жаворонок»?
Сова.

Любимые игры.
Прятки, чижи, angry birds.

Вещи-талисманы.
Бирки на чемоданах (не срываю никогда!).

Счастливые приметы.
Посидеть на нотах, на сценарии.

...

Только начиная писать книгу, я уже знал, чем ее закончить. Словами благодарности... Я искренне постарался никого не забыть, но если вдруг (!) такое случилось, заранее прошу прощения.

Прежде всего — моя семья. Конечно, для любого человека это главное. Мама, папа, сестры Лена и Аня, Гена — СПАСИБО!

Отдельная благодарность Яне Рудковской. Не хочу, чтобы прозвучало пафосно, но это действительно особый человек в моей жизни. Сразу же скажу спасибо и Евгению Плющенко.

Юрий Шмильевич Айзеншпис, который так много сделал для меня... Вечная ему память.

Мои школьные учителя, педагоги из Гнесинского училища: Виктор Николаевич, Людмила Ибрагимовна, Зоя Николаевна, Елена Сергеевна, Анжела Арсеновна — спасибо!

Привет и благодарность моим друзьям — Екатерине Арну, Анастасии Матвеевой, Юлии Налимовой, Просиным: Светлане, Константину и Алле, моим родственникам Суховым и многим другим.

Моя благодарность Игорю Азовскому, Юрию Аксюте, Сергею Балдину, Ивану Беловолову, Александру Блинову, Алексею Бокову, Светлане Бондарчук, Артуру Гаспаряну, Юлии Голубевой, Геннадию Гохштейну, Арману Давлетярову, Полине Дерипаска, Андрею Димитрову, Роману Емельянову, Евгению Жаркову, Алене Жигаловой, Антону Златопольскому, Ренату Идиатулину, Сергею Кожевникову, Максиму Кочергину, Юрию Костину, Юлии Крыловой, Леночке Кулецкой, Алексею Михайловичу, Роману Олегову, Александру Полесицкому, Жоржу Полински, Марии Ремизовой, Татьяне Сабуренковой, Роману Саркисову, Ларисе Синельщиковой, Виталию Старых, Гоше Тоидзе, Регине Фон Флеминг, Борису Хлудневу, Ульяне Цейтлиной, Эдгару Шабанову, Тьерри Шаму, Илье Шияну, Константину Эрнсту.

Спасибо единомышленникам-музыкантам Славе Лунгу, Денису Ковальскому, Ларе Д'Элиа, Jim Beanz, Zack Katch, Александру Луневу, Андрею Черному, музыкальному коллективу и танцорам, Светлане Богдановой, Марине Цаневой, Максу Сатлеру, Дмитрию Бушуеву, Валентине Постниковой, Павлу Лаврентьеву, Дмитрию Елманову!

Юристам Евгению Пармуту, Дмитрию Жаркову, Татьяне Стукаловой и Анатолию Карданову!

Всем клубам друзей из городов от А до Я!

Благодарю компании, с которыми с удовольствием работаю: BMW, Clarins, Europa Plus, Europa Plus TV, HELLO, Gala Records, Gloria Jeans, Love radio, MTV Russia, OK, Oriflame, «Авторадио», «Динамит FM», каналу «МУЗ-ТВ», «Комсомольской правде», «Русской Медиагруппе», «Первому каналу», каналу «Россия», радио «ХИТ FM».

Отдельное спасибо фотографам, работы которых вошли в книгу: Александру Жданову, Екатерине Кошелевой, Игорю Лобанову, Владимиру Соколову, Владимиру Широкову.

ФОТО

МАМА И СЕСТРА АНЯ

В РОДНОМ ДВОРЕ ЛЕТОМ ПОСЛЕ ПЕРВОГО КУРСА ГНЕСИНКИ

БОРИС В МАЙСКОМ ДЕЛАЛ АРАНЖИРОВКИ К МОИМ ПЕСНЯМ. ЗАЖИГАЛКА ГОРИТ СПЕЦИАЛЬНО – ОТ СГЛАЗА

Я, ИЛЬЯ ЗУДИН, ЛЯЛЯ И АДМИНИСТРАТОР ДИМА

МЫ С ЛЯЛЕЙ
НА ОТДЫХЕ В ИНДИИ

2003 ГОД

С ЛЕНОЙ КУЛЕЦКОЙ

С МОИМ ВИЗАЖИСТОМ ОЛЕЙ ШЕВЕЛЕВОЙ

ДРУЖНАЯ КОМАНДА

НА АЛЛЕЕ СЛАВЫ

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

НА ПОКАЗЕ ДИЗАЙНЕРА ИЛЬИ ШИЯНА

ПРЕЗЕНТАЦИЯ АЛЬБОМА «ВРЕМЯ—РЕКА» В ТЕАТРЕ МАЯКОВСКОГО

С РОБЕРТО КАВАЛЛИ

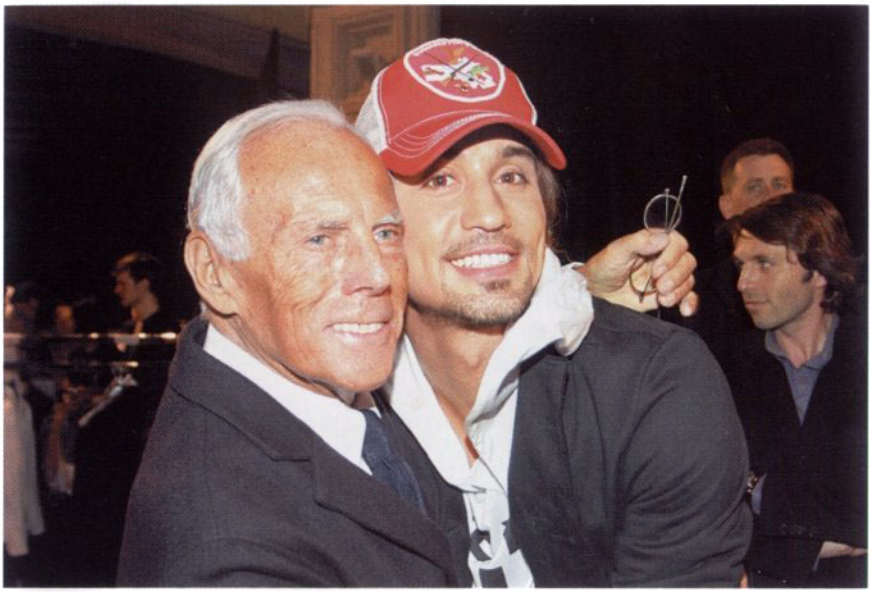
С ЭНДРЮ ЛЛОЙДОМ ВЕБЕРОМ

С КЭТИ ПЕРРИ

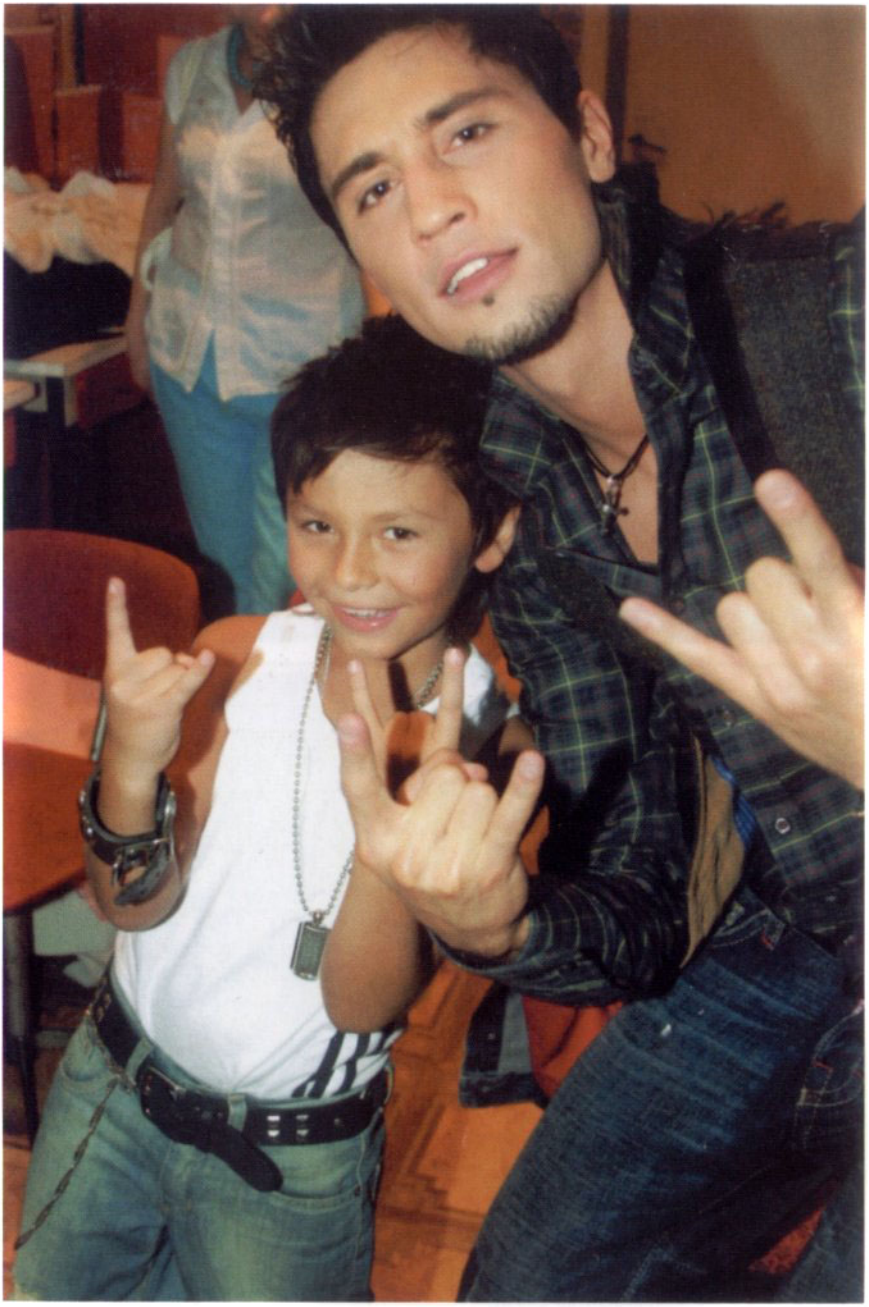
НОВОГОДНИЙ НОМЕР С ЛЮДМИЛОЙ ГУРЧЕНКО

С ДЖОРДЖИО АРМАНИ

С ЭНРИКЕ ИГЛЕСИАСОМ

С «МАЛЕНЬКИМ БИЛАНОМ» ПАШЕЙ

КЛУБ ДРУЗЕЙ БИЛАНА

ХОР ПОД РУКОВОДСТВОМ СЭДА РИКСА ИСПОЛНЯЕТ «ГИМН МИРА»

ЗАВЕТНЫЕ НАГРАДЫ

С ДИЗАЙНЕРАМИ ДИНОМ И ДЭНОМ КЕЙТОНАМИ (DSQUARED^2)

С АНАСТЕЙШЕЙ

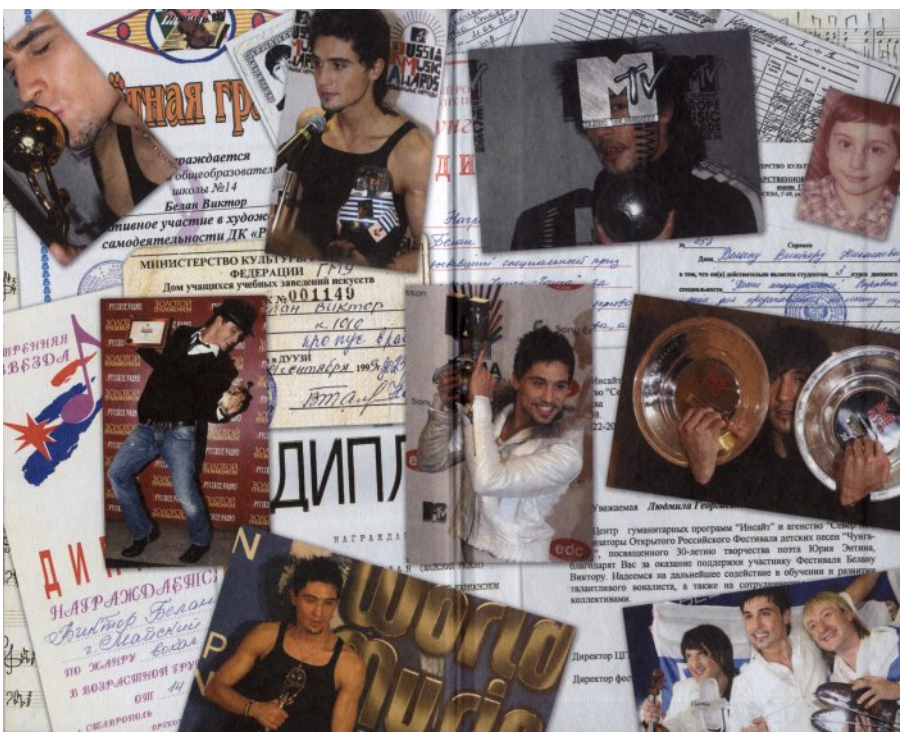
ВИНИЛОВЫЙ ВАРИАНТ АЛЬБОМА «МЕЧТАТЕЛЬ»

НЕОБЫЧНАЯ ФОТОГРАФИЯ

ПОБЕДА!

notes

Примечания

1

Как хорошо, как мило (англ.)

2

Тиситура — в данном случае означает высоту и диапазон мужского голоса: бас, баритон, тенор.

3

Категории ротации клипов: A, B, C. A — шесть раз в день, B — два-три раза вдень, C — один раз в день.

4

Права на коммерческое использование и доходы от него. (прим. ред.)

5

Когда собирается компания, которая знает массу пронумерованных для порядка анекдотов. Достаточно назвать номер, как все начинают смеяться. (прим. ред.)

Положение обязывает (франц.)

7

Да, я вижу ваш телефон... (англ.)

8

Люди в черном (англ.)

9

Привет, ребята! Ну, как вы? (англ.)

10

Привет! Как дела? (исп.)

11

См. главу «Люди, а не судьи».

12

Даже если бушуют громы и молнии, я, подобно дереву на ветру, выстою... (англ.)

13

Спорим, что...? (нем.)

14

Не закрывай снова дверь,
Пусть не будет больше потерь.
Дай руку мне и замри,
И в мечтах со мною пари... (англ.)